

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1884.

ОКТАБРЬ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:

Архіепископъ Иннокентій Борисовъ. Біографическій очеркъ (продолженіе) Свящ. Т. Буткевича.

Письма изъ Германіи. Нѣмецкая современная пресса объ отрицательныхъ явленіяхъ въ нашей церковно-общественной жизни (продолженіе) Діакона П. Румянцова.

II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:

Идеализмъ и реализмъ (продолженіе). Профессора Кіевской духовной академіи П. Линицнаго.

Судьбы идеи о Богѣ въ исторіи религіозно-философскаго міросозерцанія древней Греціи (продолженіе). И. Корсунскаго.

Письма философа Сенеки (продолженіе). * * *

III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе: Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Епархіальныя извѣщенія.—Пзвѣстія и замѣтки.—Объявленія.

ХАРЬКОВЪ.

ТИПОГРАФІЯ ОКРУЖНАГО ШТАБА, НѢМЕЦКАЯ, № 26.

1884.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзоръ замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни, однимъ словомъ все составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ человѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ „Вѣра и Разумъ“, издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для харьковскаго духовенства „Епархіальныя Вѣдомости“: то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ „Листокъ для Харьковской епархіи“, въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяць, по восьми и болѣе листовъ въ каждомъ №

Цѣна за годовое изданіе 10 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ при Харьковской Духовной Семинаріи и въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ Архіерейскомъ Монастырѣ; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Андрея Николаевича Ферапонтова.

Такъ какъ нѣкоторыя статьи этого журнала, особенно касающіяся текущихъ церковныхъ событій, будутъ находиться въ связи съ статьями, помѣщенными въ „Харьковскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ минувшаго года: то лица, желающія слѣдить за послѣдовательною связью этихъ событій, могутъ приобрѣтати „Харьк. Епарх. Вѣдомости“ за 1883 годъ, въ редакціи новаго журнала, по уменьшенной цѣнѣ, именно по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкою.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣваемъ

Евр. XI. 3

АРХІЕПИСКОПЪ ИННОКЕНТІЙ БОРИСОВЪ.

(БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ).

(Продолженіе *).

Бѣдности духовенства и особенно сиротамъ Иннокентій старался помогать всеми возможными средствами и способами. Сумской протоіерей Мерецкій устроилъ при своей церкви пѣвческій хоръ. Иннокентій задумалъ обратить въ пользу сиротъ духовенства даже и это дѣло. Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1844 года онъ далъ консисторіи предложеніе, въ которомъ, указавъ на то, что при Сумскомъ соборѣ „попеченіемъ тамошняго о. протоіерея устроенъ пѣвческій хоръ, на содержаніе коего отдается нѣсколько сотъ рублей, но пѣвчіе набираются отъ вольнонаемныхъ всякаго сословія“,— Иннокентій писалъ далѣе слѣдующее: „поелику для сей-же цѣли могутъ быть употреблены дѣти бѣдныхъ церковно служителей и сироты духовнаго званія, чѣмъ окажется помощь домашней бѣдности и избѣгутся непріятности для собора отъ капризовъ вольнонаемныхъ пѣвчихъ: то консисторія имѣетъ предписать отцу протоіерею Мерецкому, чтобы онъ, по извѣстной его къ тому способности, и усердію, принялъ трудъ поставить свой хоръ на семь пономъ основаніи и для сего сообразивъ, сколько содержать пѣвчихъ, гдѣ имъ жить, кѣмъ, чему и какъ имъ учить до поступленія въ школы, представилъ мнѣ о томъ вмѣстѣ съ своимъ товарищемъ и старостою свое мнѣніе“. Это распоряженіе консисторія, разумѣется, передала сумскому протоіерею Мерецкому. Но сумскимъ соборянамъ мысль преосвященнаго

*) См. журн. „Вѣра и Разумъ“ № 16.

была, какъ видно, не по-сердцу, — и они отвѣтили рапортромъ, что „не находятъ никакой возможности къ устройенію новаго пѣвческаго хора изъ дѣтей духовнаго званія не потому, чтобы они не пожелали употребить на устройство хора стараніе и трудовъ своихъ, но собственно потому, что соборъ, по недостатку доходовъ своихъ, обезпечить его содержаніемъ совершенно не можетъ, тѣмъ болѣе, что онъ, получая въ годъ до двухъ тысячъ рублей ассигнаціями, не рѣдко встрѣчаетъ, что расходы на возобновленіе вѣтхостей его и другихъ потребностей, превышаетъ и самый приходъ, изъ за чего на сей предметъ не только 2620 рублей постоянно доставлять не можетъ, но и взносъ опредѣленныхъ уже епархіальнымъ начальствомъ на содержаніе нынѣшняго хора 380 рублей будетъ для него тягостнымъ по случаю уничтоженія существовавшей до сего соборной ярмарки, приносившей ему пользу за наемъ церковныхъ лавокъ и дававшей весьма значительный доходъ“ и т. п. Отвѣтъ этотъ не удовлетворилъ Иннокентія и онъ положилъ на рапортѣ сумскихъ соборянъ слѣдующую резолюцію: „поверхностное сужденіе! Что можно дѣлать съ приличіемъ, то будутъ дѣлать и спроты, напр., Христа славить и проч. А бывать на балахъ и пѣть никакимъ пѣвчимъ соборнымъ неприлично и это отнынѣ строгаише воспрещается подъ отвѣтственностію о. протоіерея *). Содержаніе хора можетъ быть гораздо дешевле; учитель пайдется. Подумать еще и не спѣшить отказомъ, который не дѣлаетъ чести отказывающимъ“. Чѣмъ кончилось это дѣло, — мы не знаемъ. Но... въ томъ-же году пресвященный Иннокентій нашелъ возможнымъ открыть при Сумскомъ соборѣ третій штатъ, не задолго предъ тѣмъ имъ-же закрытый по ходатайству протоіерея Мерецкаго. И на прошеніи студента Харьковской семинаріи Павла Подьякова, о зачисленіи за нимъ празднаго священническаго мѣста въ г. Сумахъ при соборной церкви, онъ положилъ такую резолюцію: „зачислить, ибо прежде соборъ былъ бѣденъ, потому и закрытъ былъ одинъ штатъ, а теперь можетъ содержать трехъ священниковъ, что для собора нужно по значительности го-

*) Иннокентію было извѣстно, что въ этомъ году на именинахъ протоіерея Мерецкаго соборный хоръ пѣлъ концерты и разныя малороссійскія пѣсни.

рода и въ помощь протоіерею, отвлекаемому отъ служенія по должности...“

Пресвященному Иннокентію, несомнѣнно первому, принадлежитъ мысль о введеніи общепархіальной свѣчной операціи въ Харьковской епархіи съ тѣмъ, чтобы прибыль отъ этой операціи поступала на вспомошествованіе бѣднымъ и сиротамъ духовнаго званія. По его предложенію въ Изюмѣ при соборѣ устроена была свѣчная лавка, доставлявшая восковыя свѣчи во всѣ церкви, подвѣдомственные изюмскому духовному правленію. Поставку свѣчей въ эту лавку Иннокентій посоветовалъ сдать кому-либо съ торговъ по контракту. Въ 1843 году такой контрактъ изюмское духовное правленіе заключило съ мѣстнымъ 3-й гильдіи купцомъ Іліею Извъковымъ, который былъ обязанъ поставлять въ изюмскую лавку свѣчи бѣлаго воска по 72 р. 80 к., а желтаго по 61 р. 66 к. асс. и при томъ вносить еще по третямъ года изюмскому протоіерею Яровому отъ каждаго пуда проданныхъ свѣчей бѣлаго воска по 70 к., а желтаго по 50 к. ассигнаціями въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія.—На такомъ-же основаніи Иннокентій желалъ поставить свѣчную операцію и во всей Харьковской епархіи. Къ сожалѣнію, консисторія въ этомъ дѣлѣ не оказывала Иннокентію надлежащаго содѣйствія и не рѣшалась на осуществленіе его стремленій; свѣчная операція Изюмскаго округа была допущена только на годъ въ видѣ опыта. Вотъ почему въ слѣдующемъ 1844 году на опредѣленіи консисторіи объ утвержденіи съ купцомъ Извъковымъ новаго контракта, Иннокентій положилъ такую резолюцію: „снова подтверждается консисторіи войти въ разсмотрѣніе прежняго плана объ учрежденіи подобной закупки по всей епархіи, ибо, очевидно, купцы сами напрашиваются на это, и если въ Изюмѣ, по мнѣнію консисторіи, это хорошо, то почему будетъ худо въ Богодуховѣ или Ахтыркѣ? А бѣдные получаютъ чрезъ то помощь“.—Прошелъ и 1844 годъ, а консисторія ничего не сдѣлала по этому вопросу. „Изюмскій купецъ Извъковъ, писалъ Иннокентій, при утвержденіи контракта на 1845 годъ, подаетъ намъ примѣръ, какъ эта часть можетъ быть устроена съ истинною новою выгодною для епархіи. По

сему предлагаю консисторіи немедленно заняться разсужденіемъ объ устройствѣ епархіальной общей лавки свѣчной, которая-бы снабжала всю епархію, а свѣчи доставлять въ нее подрядомъ. Для чего, приготовивъ кондиціи, можно объявить торги для тѣхъ, кои занимаются выдѣлкою свѣчей. Для надзора-же за симъ дѣломъ и управленія можно нарядить особыхъ лицъ при консисторіи или соборѣ“... Этою мыслию Иннокентія впоследствии всецѣло воспользовались при учрежденіи харьковскаго архіерейскаго свѣчнаго завода; забыта была только при этомъ мысль Иннокентія о вспомоществованіи бѣднымъ и сиротамъ духовнаго званія.

Съ самаго-же своего поступленія на Харьковскую кафедру Иннокентій началъ высказывать свою заботу и объ устраниніи различныхъ непорядковъ церковно приходской жизни въ своей новой епархіи. Такъ вскорѣ-же послѣ своего пріѣзда въ г. Харьковъ, еще въ первыхъ числахъ марта 1842 г., въ своемъ предложеніи мѣстной консисторіи Иннокентій писалъ: „дошло до свѣдѣнія моего изъ вѣрныхъ источниковъ, что по нѣкоторымъ мѣстамъ священники исповѣдываютъ возрастныхъ людей вдругъ по два, по три и болѣе челоуѣка, а какъ сіе не сообразно съ уставомъ православной Церкви и противно цѣли исповѣди, то консисторія имѣетъ немедленно предписать чрезъ духовныя правленія всѣмъ благочиннымъ, дабы это злоупотребленіе, если гдѣ есть, было немедленно воспрещено подъ опасеніемъ впредь за исповѣдь такого рода строгой отвѣтственности“.

Чѣмъ ближе знакомился Иннокентій съ своею епархіею, особенно при обзорѣніяхъ ея, тѣмъ болѣе онъ находилъ въ ней разныхъ неустройствъ и непорядковъ, которые и старался всѣчески устранить. Въ первый годъ управленія Харьковскою епархіею, кромѣ городскихъ церквей и ближайшихъ мѣстъ къ г. Харькову—Буряжскаго и Хорошевскаго монастырей, Иннокентій обзорѣвалъ церкви въ уѣздахъ—Ахтырскомъ, Богодуховскомъ, Зміевскомъ, Волчанскомъ и Пюмскомъ. Результатомъ этого обзорѣнія было нѣсколько распоряженій къ устранинію замѣченныхъ безпорядковъ. Такъ, въ іюль мѣсяцѣ 1842 года Иннокентій писалъ въ консисторію: „посѣщая раз-

ныя церкви не только въ епархіи, въ самомъ г. Харьковѣ я замѣтилъ, что нѣкоторыя изъ нихъ доселѣ остаются безъ рѣшетокъ предъ иконостасомъ вопреки указу Святѣйшаго Синода, а потому предлагаю консисторіи: 1) немедленно собрать свѣдѣнія, гдѣ именно и почему доселѣ не сдѣлано рѣшетокъ, требуемыхъ симъ указомъ; 2) предписать, чтобы сіи рѣшетки были сдѣланы немедленно“.

Въ первыхъ числахъ іюля Иннокентій былъ въ Ахтыркѣ и 2-го числа совершалъ въ соборѣ литургію, по окончаніи которой произнесъ свое прекрасное слово о благодѣяніяхъ Матери Божіей, явленныхъ и являемыхъ ея чудотворною иконою, именуемою Ахтырскою. Изъ Ахтырки Иннокентій отправился осматривать церкви Богодуховскаго уѣзда. По пріѣздѣ-же въ Харьковъ далъ консисторіи предложеніе, въ которомъ писалъ: „Ахтырскому протоіерею Александру Кустову, благочинному протоіерею Артемьеву изъявить благодарность за отличный порядокъ, найденный мною въ соборѣ Ахтырскомъ, въ духовномъ правленіи и въ прочихъ церквахъ Ахтырскаго уѣзда, а причту Богодуховскаго собора и смежной съ ними церкви поставить на видъ паутину, коею покрыта внутренность церквей, со внушеніемъ, чтобъ сія неопрятность немедленно была уничтожена и чтобы храмы Божіи содержимы были въ возможной чистотѣ и благоприличіи“. Другое предложеніе, вызванное этою-же ревизіею, имѣетъ, впрочемъ, болѣе общій характеръ. „Въ нѣкоторыхъ церквахъ, писалъ Иннокентій, примѣченъ мною обычай полагать въ извѣстныхъ случаяхъ среди церкви евангеліе или иконы праздничныя на столпкахъ, кои, будучи гораздо ниже народа, окружающаго святыню, низводятъ послѣднюю весьма въ неприличное положеніе, что особенно неумѣстно въ отношеніи иконъ прославленныхъ, каковы Ахтырская и Каплуновская. При этомъ предписываю, чтобы иконы и евангелія въ подобныхъ случаяхъ, по примѣру, существующему во всей Россіи, клались не на столпкахъ, а на наложкахъ, кои и завести для сего по церквамъ; касательно же иконъ прославленныхъ чудесами, консисторіи войти въ то разсмотрѣніе, прилично-ли ихъ трогать часто съ своего мѣста и выносить на средину церкви, и не лучше-ли совершать имъ мо-

лебствія предъ ихъ кивотомъ, допуская потомъ народъ знаменоваться, чѣмъ будетъ сохраненъ вокругъ иконы порядокъ и приличіе надлежащее, тогда какъ, находясь на столикахъ среди церкви, она, отъ тѣсноты и волненія народа, можетъ легко подлежать опасности паденія, что крайне неприлично и можетъ служить къ неблагопріятнымъ толкамъ въ народѣ“.

Въ Хорошевскомъ монастырѣ Иннокентій въ этомъ году совершалъ литургію въ день храмоваго праздника главной монастырской церкви. Гора, на которой устроенъ монастырь, храмъ, посвященный священному воспоминанію Вознесенія Господня, послужилъ въ это время поводомъ для его прекраснаго „слова“, въ которомъ онъ, предугадывая мысль первыхъ основательницъ этой обители, говорилъ, что монастырь устроенъ на горѣ, „дабы добрая гора сія уподоблялась Елеону и чтобы живущія на ней, посредствомъ подвиговъ жизни иноческой, достигали выхода туда, гдѣ теперь Господь и Спаситель нашъ“.

Въ первый-же годъ своего управленія Харьковскою епархіею Иннокентій два раза совершалъ литургію и въ Куряжскомъ монастырѣ: въ первый разъ—12-го іюня въ день преподобнаго Онуфрія Великаго въ Онуфріевской церкви, во второй—6-го августа въ день Преображенія, храмовой праздникъ главной монастырской церкви. Оба раза, разумѣется, служеніе заканчивалось проповѣдію. Особенно замѣчательна проповѣдь Иннокентія, произнесенная въ Онуфріевской церкви. Въ то время въ Онуфріевской церкви, которая устроена подъ самой монастырской горой, окруженной густымъ строевымъ лѣсомъ изъ-подъ престола въ алтарѣ вытекалъ источникъ прекрасной ключевой воды, проходившій подъ помостомъ чрезъ весь храмъ и образовавшій два колодезя: одинъ предъ престоломъ, другой—подъ амвономъ. Это-то обстоятельство и послужило поводомъ для Иннокентія произнести свое превосходное слово на текстъ изъ Апокалипсиса (XXII, 1—2), гдѣ идетъ рѣчь о чистой рѣкѣ воды животной, свѣтлой какъ кристалль, исходящей отъ престола Божія и Агнча. 6-го августа Иннокентій, кромѣ священнослуженія, занимался и осмотромъ Куряжскаго монастыря,—при чемъ имъ найдены были такіе недостатки, на которые онъ счелъ нужнымъ указать монастырскому на-

чальству даже чрезъ консисторію. „При осмотрѣ мною Куряжской часовни,—писалъ онъ тогда-же въ консисторію,—найде-но, что въ ней вмѣстѣ съ святынею помѣщаются вещи самыя грубыя и неприличныя, принадлежація послушнику, который живетъ въ ней, что крайне непристойно,—равно и штатный служитель, живущій въ домѣ у часовни, предавъ пьянству; предлагаю консисторіи за такую оплошность и грубое нерадѣніе о благоприличіи, подобающемъ святому мѣсту, начальству Куряжскаго монастыря сдѣлать строжайшій выговоръ, предписать ему немедленно вывести изъ часовни послушника со всѣми его вещами, а штатнаго перемѣстить и, по исполненіи, рапортовать мнѣ“.

Въ 1843 году Иннокентій также обозрѣвалъ свою епархію и посѣтилъ уѣзды—Ахтырскій, Богодуховскій, Зміевской, Изюмскій, Сумской, Лебединскій и Купянскій. Между прочимъ, въ это-же обозрѣніе, онъ совершалъ торжественныя богослуженія и произносилъ свои проповѣди въ нѣкоторыхъ мѣстахъ епархіи, какъ напримѣръ, въ слободѣ Шаровкѣ Богодуховскаго уѣзда (28 іюня), въ Богодуховѣ въ Успенскомъ соборѣ (30 іюня), въ Святогорскомъ монастырѣ въ Никольской церкви, что на верху скалы, въ самый день вѣнчанія на царство Императора Николая Павловича (22 августа), въ Ахтырскомъ мужскомъ монастырѣ (3 и 4 іюля), въ Хорошевскомъ монастырѣ (24 іюля), въ Славянскѣ (12 августа), въ Изюмѣ (20 августа), въ с. Богуславскомъ Изюмскаго уѣзда (26 августа), въ Чугуевѣ (27 августа), въ Купянскѣ (28 августа), въ Сумахъ въ Преображенскомъ соборѣ (20 сентября) и др.

Это обозрѣніе епархіи не осталось безслѣднымъ и вызвало нѣсколько общихъ распоряженій, имѣвшихъ своею цѣлію устраненіе нѣкоторыхъ беспорядковъ, замѣченныхъ Иннокентіемъ. „При обозрѣніи епархіи замѣчено мною,—писалъ Иннокентій въ первомъ своемъ предложеніи,—что не во всѣхъ церквахъ заведены купели и что крещеніе совершается болѣею частію посредствомъ обливанія. Такъ какъ сіе не согласно съ обычаемъ православной Церкви и можетъ въ общежитіи подавать поводы ко взаимнымъ пререканіямъ о томъ, кто какъ крещень, да и старообрядцы могутъ преткаться о сію разность: то

консисторія имѣеть предписать, чтобы непременно во всѣхъ церквахъ были заведены приличные купели и чтобы священники постепенно пріучали народъ къ воспріятію крещенія чрезъ погруженіе“. Во второмъ предложеніи Иннокентій обращаетъ вниманіе консисторіи на необходимость надлежащаго веденія церковныхъ описей. „При обзорѣнн епархіи усмотрѣно мною, — пишетъ онъ, — что вновь прибывающія въ церквахъ вещи не вносятся по надлежащему въ опись церковнаго имущества, почему предлагаю консисторіи, поставивъ сіе на видъ благо-чиннымъ, предписать, чтобы всѣ вновь прибывающія вещи были немедленно вписываемы въ опись и что дальнѣйшее замѣчаніе подобной несправности подвергнетъ благочинныхъ отрѣшенію отъ ихъ должностей, а священниковъ — строгому штрафу“. — Содержаніемъ третьяго предложенія, вызваннаго у Иннокентія этимъ обзорѣніемъ епархіи, служитъ почти неслыханное дотолѣ дѣло, именно — обязанность духовенства заботиться о нравственно-религіозномъ воспитаніи прихожанъ. „При обзорѣнн епархіи открылось, писалъ Иннокентій, что нѣкоторые изъ священниковъ вовсе не обращаютъ вниманія на то, чтобы дѣти поселянъ знали краткія молитвы и десято-словіе; поему объявить всѣмъ священникамъ, что, при слѣдующемъ обзорѣнн, сіе важное оупщеніе не будетъ болѣе покрываемо снисходительностію, а повлечетъ за собою наказаніе виновныхъ съ отрѣшеніемъ, если то нужнымъ окажется, отъ мѣстъ“. — Наконецъ, четвертымъ предложеніемъ, которое дано было также по поводу обзорѣнн епархіи въ 1843 году, Иннокентій предписывалъ „объявить благодарность благочиннымъ: сумскому протоіерею Мерецкому, купянскому — Протопопову, богодуховскому — Кременецкому, чугуевскому протоіерею Михайловскому, зміевскому — Соколовскому, Люботинскому — Евецкому и Николаевскому за найденный въ семь году мною при обзорѣнн епархіи порядокъ, а протоіереямъ Изюмскому и Лебединскому поставить на видъ нечистоту, найденную въ нѣкоторыхъ церквахъ ихъ благочинній“.

Въ 1844 году, въ августѣ мѣсяцѣ, Иннокентій снова обзорѣвалъ свою епархію и посѣтилъ уѣзды: Зміевской, Валковскій и Харьковскій. Въ это время имъ было произнесено не мало

проповѣдей, содержаніе которыхъ и доселѣ сохраняется въ памяти старожиловъ. Такъ 27-го іюля, предъ наступленіемъ жатвы, бывъ въ селѣ Хрущевой-Никитовкѣ Богодуховскаго уѣзда, Иннокентій, по окончаніи литургіи, произнесъ свое прекрасное слово, которымъ заставляеть своихъ слушателей, намѣревавшихся принять обильные плоды отъ Господа, подумать и о плодахъ для Господа... О четырехъ проповѣдяхъ Иннокентія, произнесенныхъ въ это время въ Святогорскомъ монастырѣ, мы будемъ говорить еще въ свое время. 21 августа Иннокентій прибылъ въ городъ Старобѣльскъ; на слѣдующій день онъ совершалъ въ соборѣ литургію, такъ какъ это былъ день вѣнчанія на царство Императора Николая Павловича, и произнесъ простое, но задушевное слово, которое и понынѣ воспоминается нѣкоторыми престарѣлыми старобѣльчанами. „Уже три года, — такъ началъ владыка свое слово, — какъ имя наше, по чину святя Церкви, молитвенно воспоминается у васъ, братія мои; три года какъ и мы, по долгу пастырства, возносимъ ежедневно моленіе о васъ ко Господу, яко о вѣранныхъ нашему духовному водительство: а между тѣмъ еще ни разу не зрѣли мы лица вашего и не являлись среди васъ, подобно какъ посѣщали другіе грады и веси. Причиною сего была не холодность какая-либо къ вамъ и не вниманіе: — Богъ свидѣтель, что мы не единожды и не дважды имѣли желаніе придти къ вамъ, дабы соутѣшиться общею вѣрою и любовію, яже о Христѣ Іисусѣ, но частію отдаленность вашего края, частію усиленныя занятія въ другихъ предѣлахъ паствы, доселѣ лишали насъ сего утѣшенія. Въ замѣнъ того, мы можемъ теперь сообщить вамъ не мало радостнаго для сердца христіанскаго“. Послѣ этого Иннокентій сообщалъ своимъ слушателямъ, что онъ дѣлалъ и что онъ сдѣлалъ для Харьковской епархіи за эти три года его архипастырскаго управленія. „Во-первыхъ, на Святой горѣ Ахтырской, безъизвѣстной многимъ изъ васъ, говорилъ онъ, благодатію Божіею пакы, вмѣсто печальныхъ развалинъ, начинаетъ возвышаться обитель Святя и Живоначальная Троицы; и Богоматерь Ахтырская, общая покровительница страны нашей, видимо приняла ее подъ всемогущій покровъ свой; ибо отселѣ ежегодно будетъ посѣщать

ее — въ чудотворномъ ликѣ своемъ. Дивная скала Святогорская, служившая столько времени предметомъ одного печальнаго любопытства, паки сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ была нѣкогда, убѣжищемъ душъ, отрехшихся отъ міра и всего, яже въ мірѣ, и взыскавшихъ единаго на потребу, и благословеніе святой лавры Кіево-Печерской съ иконою Богоматери и мощами тамошнихъ угодниковъ Божіихъ служить залогомъ, что Святыя Горы будутъ соотвѣтствовать своему имени святыми подвигами новыхъ жителей своихъ, и что на нихъ паки возсіяетъ благодать Божія. Каѳедральный градъ паствы нашей также удостоился пріять нескудный залогъ новаго милости Божія: ибо Богоматерь Озерянская соблаговолила ежегодно приходить въ него — въ чудотворномъ ликѣ своемъ и пребывать въ немъ во все продолженіе дней зимнихъ. — Въ сихъ и подобныхъ занятіяхъ, говорилъ Иннокентій, упражнялись мы, братіе мои, и не спѣшили къ вамъ, зная и издали, что вы пребываете въ мирѣ, подъ кровомъ святой Церкви и осѣненіемъ благодати Божіей. И вотъ какъ бы въ награду за долговременность нашего и вашего терпѣнія и ожиданія дано намъ, братіе, увидѣться съ вами въ одинъ изъ самыхъ радостныхъ дней въ году, въ день вѣнчанія на царство возлюбленнаго Монарха нашего!“ Далѣе Иннокентій говорилъ о необходимости и долгѣ подданныхъ молиться за своего царя. „Молитесь за Помазанника Божія, прибавилъ онъ, есть всегдашній священный долгъ нашъ, но теперь должно особенно усугубить намъ сію молитву. Ибо вы слышали безъ сомнѣнія, какимъ тяжкимъ ударомъ поражено сердце царево: онъ лишился одной изъ дочерей своихъ, лишился въ цвѣтѣ лѣтъ ея, не успѣвъ нарадоваться ея недавнимъ вѣнцомъ брачнымъ“... На другой день, 23 августа, Иннокентій, по пресѣбѣ старобѣльчанъ, совершалъ панихиду въ другой старобѣльской церкви — кладбищенской и предъ началомъ панихиды произнесъ слово о томъ, кто истинно живъ и кто дѣйствительно мертвъ. Изъ Старобѣльска Иннокентій отправился на Бѣловодскъ, а оттуда въ Купянскій уѣздъ и въ слободѣ Ново-Екатеринославлѣ 25-го августа совершалъ литургію, по окончаніи которой, по обычаю произнесъ проповѣдь; 27 августа онъ былъ уже въ слободѣ Араповкѣ Купянскаго уѣзда,

гдѣ въ молитвенномъ домѣ также произнесъ слово о значеніи храма христіанскаго. „Малъ и низменъ домъ сей, но онъ домъ Божій,— говорилъ Иннокентій, смотря на небольшой Араповскій молитвенный домъ,—а домъ Божій всегда важнѣе всѣхъ чертоговъ человѣческихъ“. Эта же тема составляла содержаніе проповѣди, произнесенной Иннокентіемъ въ томъ-же году 22 сентября и въ селѣ Славгородкѣ, по освященіи церкви, возобновленной и украшенной усердіемъ мѣстнаго помѣщика В. П. Голыцына.

Обозрѣніе епархіи 1844 года также не осталось безслѣднымъ; оно также вызвало нѣкоторыя распоряженія къ устраненію замѣченныхъ безпорядковъ. Такъ, между прочимъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ Иннокентій предложилъ консисторіи „предписать всѣмъ духовнымъ правленіямъ и благочиннымъ къ непремѣнному исполненію: 1-е, чтобы безобразныя веревки, на коихъ въ нѣкоторыхъ церквахъ (напримѣръ въ Изюмскомъ соборѣ) висятъ живописные плафоны надъ престолами, были замѣнены чѣмъ-либо другимъ или обвиты лентами; 2-е, чтобы окна въ церквахъ по временамъ были промываемы, а пыль и паутина сметаемы и чтобы стекла, сколько возможно, были цѣльныя, а не изъ отломковъ составленныя; 3-е, чтобы таблицы и другія бумаги ни подъ какимъ видомъ не были прилѣпляемы къ стѣнамъ, а были хранимы въ ящикѣ или вѣшаны на стѣнахъ въ приличныхъ рамкахъ и за стекломъ; 4-е, чтобы иконы, жертвуемыя въ церкви, были приличнымъ образомъ размѣщаемы, а не ставались безъ порядка и кучею, какъ, напримѣръ, въ Бѣловодской церкви; 5-е, чтобы, сообразно, изданному указу, уничтожены были всѣ паникадилы, кои висятъ предъ верхнею въ иконостасѣ иконою и въ случаѣ паденія могутъ угрожать смертію стоящему предъ Царскими вратами; 6-е, чтобы священники ни подъ какимъ видомъ не удерживали доходовъ у причетниковъ; 7-е, чтобы, гдѣ нѣтъ, устроены были безъ замедленія рѣшетки предъ иконостасомъ по силѣ давняго указа и 8-е, чтобы внутренность оградъ церковныхъ усаживаема была деревьями, избирая для сего наиболѣе долготвѣія“.

Кромѣ того, во время этого-же обозрѣнія епархіи Иннокен-

тѣмъ узналъ, что „нѣкоторые священники, при совершеніи св. крещенія надъ младенцами, большею частію по недовольству на родителей, изыскиваютъ имена трудныя и невразумительныя для людей простыхъ и необразованныхъ, которые никогда не слышали таковыхъ именъ или слышали только весьма рѣдко, и потому неправильно произносятъ ихъ или извращаютъ въ весьма неприличныя и непонятныя названія и тѣмъ соблазняются сами и другихъ въ смѣхъ приводятъ, а къ священникамъ начинаютъ питать враждебныя чувства“. Въ устраненіе этого на будущее время Иннокентій предложилъ консисторіи „предписать по всей епархіи, чтобы при нареченіи именъ избѣгали трудныхъ къ произношенію, тѣмъ наче могущихъ подавать поводъ къ глумленію неразумному“.

Впрочемъ, сорока семи священникамъ была объявлена архипастырская благодарность „со внесеніемъ того въ послужные ихъ списки за особенное соотвѣтствіе своему сану и отличное исправленіе своихъ обязанностей, усмотрѣнныя Иннокентіемъ при обзорѣніи епархіи въ прошломъ августѣ мѣсяцѣ“. Не обошлось, впрочемъ, и безъ выговора. Такъ на ропортѣ благочиннаго священника Петра Раздольскаго о томъ, что въ церквахъ его округа чистота и опрятность соблюдается съ особеннымъ раченіемъ, ризницы церквей и утварь церковная состоятъ въ цѣлости, чистотѣ и надлежащемъ порядкѣ и описи всему церковному имуществу во всѣхъ церквахъ скрѣпленныя и припечатанныя имѣются, причты ведутъ себя хорошо и въ должностяхъ исправны, — Иннокентій положилъ такую резолюцію: „къ свѣдѣнію; а благочинному за то, что въ церквахъ найдены паутины на самыхъ видныхъ мѣстахъ и веревки, коими поддерживаются кивоты надъ престолами, висятъ съ узлами, какъ въ сараяхъ, сдѣлать строжайшій выговоръ“.

Въ 1845 году преосвященный Иннокентій снова обзорѣвалъ свою епархію. Въ это время онъ, между прочимъ, посѣтилъ слѣдующіе уѣзды: Харьковскій, Валковскій, Ахтырскій, Сумскій, Лебединскій, Зміевской, Купянскій и Пизюмскій. Изъ проповѣдей, произнесенныхъ имъ во время этого обзорѣнія епархіи, особеннаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія: 1) слово, сказанное, при посѣщеніи епархіи, въ Святогорскомъ Успен-

скомъ монастырѣ, 9 мая; 2) слово, сказанное 6 октября, по освященіи теплаго храма во временномъ помѣщеніи новооткрытаго монастыря Никольскаго; 3) слово, сказанное 7 октября, при открытіи того-же монастыря и при заложеніи зданій для него; 4) слово по освященіи храма, устроеннаго усердіемъ помѣщика Клепацкаго въ селѣ Араповкѣ, Купянскаго уѣзда, сказанное 2 августа; 5) слово, сказанное 6 мая, по освященіи церкви въ селѣ Некременномъ, Изюмскаго уѣзда; 6) слово, сказанное при посѣщеніи епархіи, 12 мая, въ Украинскомъ военномъ поселеніи, въ слободѣ Ново-Андреевкѣ; 7) слово, сказанное 1 августа, при посѣщеніи паствы, въ Чугуевскомъ военномъ соборѣ; 8) слово, сказанное 10 августа, при первомъ посѣщеніи уѣзднаго города Лебедина, въ городскомъ Успенскомъ соборѣ; 9) слово, сказанное 14 августа, въ день празднества Успенія Божія Матери, въ селѣ Васильевкѣ, Лебединскаго уѣзда; 10) слово, сказанное 15 августа, въ день Успенія Пресвятыя Богородицы, въ заштатномъ городѣ Недригайловѣ, въ Успенской церкви; 11) слово, сказанное 16 августа, въ день Нерукотвореннаго Образа при обозрѣніи епархіи, въ селѣ Тернахъ, Лебединскаго уѣзда; 12) слово, сказанное 17 августа, при посѣщеніи епархіи, въ томъ-же селѣ на заупокойной литургіи въ домовоіи церкви князя Щербатова; 13) слово, сказанное 18 августа, при посѣщеніи паствы, въ селѣ Низахъ, Сумскаго уѣзда и 14) слово, сказанное 25 сентября въ селѣ Веселомъ, Харьковскаго уѣзда, въ день годовнаго поминовенія помѣщика Харьковской губерніи І. І. Степанова.

Это обозрѣніе епархіи, кромѣ множества благодарностей, уѣзднымъ протоіереямъ и многимъ сельскимъ приходскимъ священникамъ, вызвало и нѣкоторыя распоряженія къ искорененію замѣченныхъ недостатковъ и неустройствъ. Такъ, въ первыхъ числахъ сентября, Иннокентій далъ, между прочимъ, консисторіи такого рода предложеніе: „при обозрѣніи мною Сумскаго собора, открыто, что у него главный входъ со стороны, а мѣсто сего входа занято подваломъ, отдающимся въ наемъ; поелику это совершенно противно не только достоинству Святой Церкви, но и всѣмъ правиламъ приличія: то пред-

лагаю консисторіи немедля предписать, чтобы этотъ соблазнъ былъ уничтоженъ, какъ можно скорѣе, передѣланіемъ входа въ церковь, какъ надлежитъ ему быть, а до того времени уничтожить входъ въ подвалъ закрытіемъ и заштукатуреніемъ дверей, въ него ведущихъ; объ исполненіи послѣдняго протоіерей съ старостою собора имѣютъ донести мнѣ особо“.

Другое предложеніе, данное Иннокентіемъ послѣ этого-же обзрѣнія епархіи, носитъ на себѣ уже общій характеръ и показываетъ намъ, на какія стороны епархіальной жизни преосвященный обращалъ свое особенное вниманіе. Въ этомъ предложеніи Иннокентій пишетъ: „при обзрѣвнн мною епархіи открылось, что по духовнымъ правленіямъ и у благочинныхъ нѣтъ на лицо разныхъ необходимыхъ свѣдѣній касательно управленія ихъ округа. Почему, чтобы не обращаться всякій разъ въ подобныхъ случаяхъ къ справкамъ, требующимъ не малаго времени, а потому крайне неудобнымъ, предлагаю консисторіи поставить въ непремѣнную обязанность всѣмъ духовнымъ правленіямъ и благочиннымъ всегда имѣть у себя наготовѣ слѣдующіе рапорты: относительно а) церквей въ ихъ округѣ, съ означеніемъ, сколько при каждой причтовъ и въ какомъ она состояніи; б) церквей—запечатанныхъ, строящихся и имѣющихъ нужду въ починкѣ съ краткою справкою о каждой; в) священнослужителей, не одобряющихъ себя поведениемъ или незнаніемъ своихъ предметовъ съ краткою справкою о каждомъ; г) опеку надъ сиротами съ показаніемъ, кто опекунъ, надъ кѣмъ и въ какомъ состояніи опека; е) училищъ поселянъ государственнаго вѣдомства съ краткою справкою о каждомъ; ф) дѣтей, долженствовавшихъ поступить въ школы по ихъ возрасту, но не поступившихъ почему-либо, съ означеніемъ причины непоступленія; г) священнослужителей, низведенныхъ съ своихъ мѣстъ на низшія должности, съ показаніемъ ихъ поведенія; б) вдовъ и сиротъ, получающихъ и не получающихъ пособія отъ попечительства; и) праздныхъ мѣстъ священно- и церковно-служительскихъ; к) священно- и церковно-служителей, находящихся подъ судомъ, съ означеніемъ причины подсудимости и гдѣ дѣла находятся; л) кошельковой суммы при каждой церкви; м) процентовъ по имуществу церков-

ному или по завѣщаніямъ на пользу церквей и священно-служителей; п) о хищеніяхъ изъ церквей, съ означеніемъ похищеннаго и въ какомъ состоявіи находится дѣло; о) приписанныхъ церквей, отдѣльныхъ часовень, конвъ особенно уважаемыхъ, вещей особенно примѣчательныхъ по древности и другимъ причинамъ и тому подобнаго. Реестры сіи каждый годъ должны поновляться, а каждый мѣсяць должно озвѣщать въ нихъ происходяція перемѣны“.

Тѣмъ не менѣе обзорѣніе епархіи въ этомъ году произвело на Иннокентія, кажется, довольно пріятное впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ, въ своемъ письмѣ изъ Харькова отъ 1-го сентября 1845 года онъ писалъ слѣдующее одному изъ своихъ петербургскихъ друзей: „прошедшій мѣсяць мною проведенъ въ странствованіи по епархіи. Хотѣлось подробнѣе осмотрѣть послѣдніе три уѣзда (Купянскій, Изюмскій и Лебедисскій). Теперь можно сказать, что Харьковская епархія мнѣ извѣстна во всѣхъ краяхъ, начиная съ этнографіи. Епархія очень хорошая, и жаль было бы разлучиться съ нею. Дворянство образованнѣе всѣхъ, какія я видѣлъ въ другихъ губерніяхъ. Духовенство тоже не отстанетъ отъ всѣхъ мною видѣнныхъ. Только народъ вообще нуждается въ религіозномъ возбужденіи, начиная съ Харькова. Употребленная для сего мѣры показываютъ однакоже, что онъ радъ подобному возбужденію. Но многихъ мѣръ еще далеко нельзя употребить по самому распорядку гражданскому. Мнѣ не разъ думалось написать о семъ что-либо; но что дѣлать съ написаннымъ? Это будетъ рапортъ необыкновенный и его нельзя отправить по командѣ“.

Въ 1846 году Иннокентій посѣщалъ монастыри Ахтырскій, Святогорскій, Куряжскій, Хорошевскій и Николаевскій; по епархіи, кажется, не обзорѣвалъ; по-крайней-мѣрѣ, этого не видно изъ консисторскаго архива.

Путешествія Иннокентія по епархіи отличались вообще торжественностію и даже нѣкоторою пышностію. Во главѣ его многочисленной свиты нерѣдко стоялъ даже архимандритъ—ректоръ семинаріи, какъ это было, наприимѣръ, въ 1843 году; на каждой станціи заготовлялось отъ 12 до 16 лошадей главный надзоръ за поведеніемъ свиты и пѣвчихъ обыкновен

по поручался казначею, іеромонаху Діонисію, который, по возвращеніи въ Харьковъ, и обязанъ былъ рапортовать Иннокентію о томъ, какъ вели себя въ епархіи ѣздившія съ нимъ лица. Такъ, между прочимъ, послѣ обозрѣнія епархіи въ 1845 году, Діонисій доносилъ Иннокентію слѣдующее: „при архіерейскомъ проѣздѣ по нѣкоторымъ мѣстамъ для обозрѣнія церквей Харьковской епархіи, имѣя наблюденіе за архіерейскою свитою и замѣтивъ однихъ отличившихся нравственностію и усердіемъ къ дѣлу своему, другихъ, неприлично себя по временамъ выдерживавшихъ, смиреннѣйше рапортуя, что изъ отличныхъ по поведенію и заслуживающихъ пачальственнаго вниманія были: протодіаконъ Василій Никитскій, скромностію и благоповеденіемъ служившій примѣромъ прочимъ; исправляющій должность иподіакона, послушникъ Андрей Г — на очень хорошо себя велъ и былъ усерденъ къ своей должности; изъ пѣвчихъ: священникъ К — пѣ, діаконъ П — пѣ; изъ мальчиковъ были скромны и благонравны всѣ, кромѣ Григорія М — ва, нерѣдко заводившаго спорные разговоры, но безобидно. Регентъ-же Ч — цкій и діаконъ Ч — цкій не дѣлали себѣ чести, выходя иногда изъ границъ благоприличія и умѣренности; иподіаконъ В — скій велъ себя довольно хорошо, но безпокоенъ и вздорливъ, а тѣмъ паче небреженъ къ своей должности, о какомъ его нерадѣніи неоднократно было ему напоминаемо. Прочіе всѣ вели себя хорошо“. На этомъ рапортѣ Иннокентій написалъ: „о. протодіакону за отличное въ дорогѣ поведеніе, и мною самимъ замѣченное, изъявить благодарность; а діаконъ Ч — цаго, постоянно не рекомендующаго себя въ поведеніи, призвавъ въ консисторію, слѣдуетъ строжайшій выговоръ съ обязаніемъ его подпискою, не внося, впрочемъ, сего, если исправится, въ послужной списокъ; прочіе оштрафуются приватно“.

Совершая, при обозрѣніи епархіи, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ торжественныя богослуженія, Иннокентій въ это-же время нерѣдко награждалъ достойныхъ, по его усмотрѣнію, лицъ: набедренниками, палцами, черными скуфіями, посвященіемъ въ стихарь, посвященіемъ во діакона или-же во священника и даже возведеніемъ въ санъ протоіерея, — о чемъ впоследствии

для свѣдѣнія благочинные обыкновенно доносили только въ консисторію. Во время-же обозрѣнія епархіи, какъ мы сказали уже, были производимы и разнаго рода испытанія: самъ Иннокентій обыкновенно экзаменовалъ священниковъ, а діаконовъ и причетниковъ онъ поручалъ экзаменовать кому-либо другому, напримѣръ, ректору семинаріи, а чаще всего любимцу своему казначею Діонисію. Тутъ-же перѣдко происходили и суды: налагались наказанія, производились штрафы и взысканія.... Много по этому поводу намъ приходилось слышать рассказовъ анекдотическаго характера; но, не ручаясь за ихъ достовѣрность, мы не станемъ повторять ихъ...

Одинъ протоіерей, бывшій въ Севастополѣ благочиннымъ, во время управленія Иннокентіемъ Херсонскою епархіею, въ своихъ „Воспоминаніяхъ“, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: „благочинныхъ онъ (Иннокентій) любилъ называть своими „глазами“. Кто оправдывалъ такія ожиданія его, тому онъ былъ другъ и братъ, для такихъ онъ былъ и подписывался: „усерднымъ слугою“. Но горе, если случилось прогнѣвить чѣмъ либо этого усерднѣйшаго слугу, отца и брата. Тутъ онъ бывалъ владыкою, который иногда жалъ и тамъ, „идѣ-же не рачалъ“... Такимъ-же точно былъ Иннокентій въ этомъ отношеніи и во время своего управленія Харьковскою епархіею. Благочинные дѣйствительно были его „глазами“ и главными его посредниками въ управленіи епархіею и надзорѣ за епархіальной жизнию. Онъ питалъ всегда къ нимъ большое довѣріе и хотѣлъ видѣть ихъ дѣйствительными начальниками порученныхъ имъ округовъ. Харьковскому благочинному протоіерею Гапонову онъ однажды прямо сказалъ: „вы, по вашему званію, кажитесь серьезнымъ, чтобы васъ почитали и вмѣстѣ побаивались,—а тамъ себѣ по чувствамъ и сердцу—какъ знаете; только не слишкомъ братайтесь съ подчиненными; иначе они потеряютъ къ вамъ уваженіе, а начальникъ безъ уваженія—плохой начальникъ“! Тѣмъ не менѣе это довѣріе къ благочиннымъ у Иннокентія никогда не переходило въ довѣріе слѣпое; дѣйствія благочинныхъ онъ всегда подвергалъ строгому контролю, злоупотребленія по должности каралъ безъ пощады, за неисправность въ округѣ первымъ отвѣчалъ всегда

самъ благочинный. Въ подтвержденіе только что сказаннаго приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ г. Сумахъ губернской секретарь Мардаріевъ, бывшій попечителемъ строившейся каменной церкви, по донесенію причта, неизвѣстно куда употребилъ множество кирпича и дровъ и не возвратилъ 1000 рублей церковныхъ денегъ. Иннокентій написалъ: „на разсмотрѣніе консисторіи; а благочинному, между тѣмъ, сдѣлать строжайшій выговоръ за то, что подъ его глазами дѣлалась такъ важная вещь и онъ не доносилъ и не зналъ о нѣмъ, съ объясненіемъ, что при первомъ подобномъ случаѣ онъ будетъ отрѣшенъ отъ должности, яко нерадивый“. Въ 1844 году одинъ священникъ С. К—ій въ порывѣ гнѣва убилъ свою жену, ужасную пьяницу. На рапортъ благочиннаго объ этомъ прискорбномъ событіи Иннокентій написалъ: „благочинному, одобрявшему въ поведеніи сего священника, и прежде бывшаго неисправнымъ, сдѣлать строжайшій выговоръ, съ объясненіемъ, что онъ будетъ отрѣшенъ отъ своей должности, яко худо смотрѣвшій за поведеніемъ людей неблагонадежныхъ“. Въ томъ-же году одинъ дьячекъ, будучи пьянымъ, послѣ драки съ своимъ товарищемъ, повѣсился на шейномъ платкѣ. По этому поводу Иннокентій написалъ на рапортъ благочиннаго такую резолюцію: „благочинному сдѣлать строжайшій выговоръ за то, что онъ въ самый проѣздъ мой не донесъ мнѣ объ этомъ, а обратился къ правленію (духовному), повѣсившагося исключить немедленно изъ духовнаго званія, яко и прежде ведшаго себя худо, а другаго дьячка лишить мѣста, предавъ суду“. Въ слободѣ Даніловкѣ колокольня, выстроенная еще въ 1817 году, начала угрожать паденіемъ. На рапортъ объ этомъ Старобѣльскаго духовнаго правленія Иннокентій написалъ: „если есть опасность, то велѣть разобрать; а между тѣмъ замѣтить благочинному, почему онъ не спеша съ мѣстнымъ начальствомъ Бѣловодскимъ, у коего, вѣроятно, есть люди, знающіе архитектуру, кои могли сказать, что нужно дѣлать съ сею колокольнею“. На прошеніи одной дьячихи о томъ, что мужъ ея, перешедшій на приходъ изъ Лебединскаго уѣзда въ Сумской, отгоняетъ ее отъ себя и не хочетъ жить вмѣстѣ съ нею, Иннокентій написалъ: „дьячка сего немедленно велѣть выслать въ

Харьковъ, а благочиннымъ, которые не доносили о нежити съ нимъ жены и дѣтей, какъ лебединскому, такъ и сумскому сдѣлать по строжайшему выговору, яко неразумѣющимъ своей должности“. Благочинный протоіерей К—нъ, оптрафованный 25 р. с. въ пользу попечительства бѣдныхъ духовнаго званія за неисправное веденіе приходо-расходныхъ книгъ по его церкви, просилъ о прощеніи этого штрафа. Иннокентій на его прошеніи положилъ такую резолюцію: „простить; но объявить, что весьма стыдно самому благочинному не умѣть вести по надлежащему книги“. Другой благочинный М—скій представилъ Иннокентію при рапортѣ 17 проповѣдей, сказанныхъ въ 1846 году въ Чугуевскомъ Покровскомъ соборѣ священнослужителями его округа. Не нашедъ проповѣдей самого благочиннаго, Иннокентій написалъ: „а почему нѣтъ проповѣдей самого благочиннаго, который долженъ подавать примѣръ?“ Судя по нѣкоторымъ распоряженіямъ, можно сказать, что Иннокентій не мало заботился о томъ, чтобы надлежащимъ образомъ поставить должность благочиннаго. Такъ еще въ іюнѣ мѣсяцѣ 1842 года онъ далъ консисторіи слѣдующее предложеніе: „нѣкоторые благочинныя проводятъ слишкомъ много времени въ обзрѣніи церквей, имъ ввѣренныхъ, отъ чего и собственныя ихъ церкви остаются надолго безъ служенія даже въ большіе праздники,—что худо; предлагаю консисторіи для прекращенія сего безпорядка и вообще для упорядоченія осмотра благочинными церквей поставить въ обязанность всѣмъ благочиннымъ, при составленіи объѣздныхъ журналовъ своихъ, означать подробно время, когда онъ былъ и сколько въ каждой церкви“. Такъ какъ это дѣло для тогдашнихъ благочинныхъ Харьковской епархіи было еще новымъ и не всѣ они сумѣли повести его именно такъ, какъ хотѣлось Иннокентію, то въ слѣдующемъ 1843 году, послѣ обзрѣнія епархіи, Иннокентій предписалъ консисторіи: „поручить о. протоіерею (каѳедральному) Могилевскому съ г. секретаремъ консисторіи составить форму объѣзднаго благочинническаго журнала и, разсмотрѣвъ, представить оную ему на утвержденіе для разсылки потомъ въ руководство благочиннымъ, дабы рапорты ихъ о состояніи ихъ благочиній были основа-

телыгѣ и заключали въ себѣ всѣ нужныя свѣдѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ, дабы видно было, когда именно и какъ совершенно обзорѣніе каждой церкви“. Въ это-же время родилась у Иннокентія мысль и о введеніи должности помощника благочиннаго, для которой мотивы указаны въ слѣдующемъ предложеніи, данномъ па имя консисторіи въ концѣ того же 1843 года: „въ облегченіе благочиннымъ,—писалъ Иннокентій,—на случай болѣзни и другихъ обстоятельствъ, при исправленіи ихъ должности, назначить помощника каждому благочинному и представить мнѣ на утвержденіе, такъ чтобы дѣло сіе воспріяло начало съ наступленіемъ новаго года“. А утверждая одного священника въ должности помощника благочиннаго, Иннокентій писалъ: „утвердить, внушивъ, чтобы прилежаніе смотрѣно было за опрятностію церквей и не было паутины, найденной мною въ двухъ церквахъ“.

Нерѣдко Иннокентій самъ лично занимался распредѣленіемъ благочинническихъ округовъ, увеличеніемъ или уменьшеніемъ количества церквей того или другаго благочинія и т. п. Такъ въ 1844 году въ своемъ предложеніи консисторіи онъ писалъ: „для облегченія о. протоіерея Изюмскаго, Льва Яроваго, въ исправленіи важной должности первоприсутствующаго духовнаго правленія и по занятіямъ объ устройствѣ колокольни и теплой, при соборѣ, церкви, раздѣлить его обширное благочиніе на два, съ тѣмъ, чтобы у него въ завѣдываніи осталось не болѣе восьми церквей городскихъ и ближайшихъ къ городу и Славянскій соборъ съ селеніемъ Грушевахою, а прочія церкви поручить въ смотрѣніе о. протоіерею Кривоносову“. Въ такомъ-же духѣ дано было Иннокентіемъ предложеніе консисторіи и въ слѣдующемъ 1845 году. „Разсмотрѣвъ на мѣстѣ положеніе церквей въ селеніяхъ по рѣкѣ Пселу,—писалъ Иннокентій,—и имѣя въ виду удобность для благочинныхъ въ исполненіи обязанностей ихъ званія, я нашелъ нужнымъ присоединить къ завѣдыванію Лебединскаго благочиннаго протоіерея Залѣскаго слѣдующія церкви, находившіяся въ благочиніи протоіерея Милостанова: Михайловку, Мижиричь, Курганъ, Червленное, Бережки, Рябушки и Бишкинъ; предлагаю консисторіи учинить надлежащее о семъ предписаніе, назна-

чивъ ему помощника священника Межирицкаго Василя Бѣликова“. Въ 1846 г. Иннокентій также писалъ въ консисторію: „по приличію мѣста, яко городского, и по удобности почтоваго сообщенія, благочиніе 3-го округа Сумскаго уѣзда перевести въ городъ Бѣлополье и возложить сію должность на протоіерея Бѣлопольскаго собора Виноградскаго, коему помощникомъ быть священнику Григорію Ракшевскому; вслѣдствіе чего благочиннаго протоіерея Назарьева уволить отъ должности благочиннаго съ изъявленіемъ ему благодарности за понесенные имъ труды, равно какъ и бывшему помощнику его, священнику Прокоповичу, также увольняемому отъ сего званія по причинѣ занятія его учительствомъ“.

Нерѣдко Иннокентій лично, собственнымъ примѣромъ, наставлялъ благочинныхъ, какъ нужно вести свое дѣло. На рапортѣ благочиннаго Гапонова о пожарѣ, бывшемъ 7-го декабря 1846 года въ тепломъ предѣльномъ храмѣ Харьковской Воскресенской церкви, Иннокентій написалъ: „поелику вмѣстѣ съ симъ, при личномъ осмотрѣ мною сей церкви, открылось, что въ сей церкви не соблюдается никакой опрятности и чистоты, такъ что въ алтарѣ стоитъ тазъ, коему нельзя стоять и въ порядочной горницѣ, то, призвавъ весь причтъ воскресенскій, сдѣлать ему строжайшій выговоръ, обязавъ всѣхъ подпискою дѣлать свое дѣло, какъ должно, а благочинному велѣть быть внимательнѣе къ церквамъ и не допускать ихъ до такого безпорядка“.—Послѣ этого, спустя одинъ мѣсяць, тотъ же благочинный представилъ обычный рапортъ о чистотѣ и опрятности въ церквахъ города Харькова. По этому поводу Иннокентій снова предписалъ консисторіи „предписать о благочинному, чтобы онъ, по примѣру моему, какъ сдѣлалъ я въ *двухъ церквахъ* (Воскресенской и Благовѣщенской), осмотрѣлъ всѣ прочія церкви и постарался довести ихъ до надлежащей опрятности и благоприличія во всемъ, и потомъ, обозрѣвъ и благоустроивъ каждую, рапортовать мнѣ о томъ особо“.

Главное, чего, при посредствѣ благочинныхъ, хотѣлъ достигнуть Иннокентій,—это, какъ видно уже и изъ сказаннаго,—соотвѣтствіе духовенства своему званію во всѣхъ отношеніяхъ, опрятность, чистота и благоприличіе приходскихъ церк-

вей; кромѣ того, онъ много заботился объ украшеніи храмовъ, благообразіи и соотвѣтствіи духу православія святыхъ иконъ и объ усовершенствованіи церковнаго пѣнія. Въ подтвержденіе сказаннаго приведемъ нѣсколько примѣровъ. Въ селѣ Шилевкѣ помѣщцы: Римско-Корсакова и Крамарева просили Иннокентія о разрѣшеніи устроить въ ихъ приходской церкви новый иконостасъ. На этомъ прошеніи Иннокентій положилъ резолюцію: „Богъ благословитъ! только просилъ бы я боголюбивыхъ просительницъ устроить святые иконы не италіанскаго, а полугреческаго цисьяма, нашей церкви особенно сроднаго“.—Другой примѣръ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1845 года палата государственныхъ имуществъ увѣдомила консисторію о безобразныхъ рисункахъ, которыми былъ росписанъ внутри „осмерикъ“ Петропавловской церкви, Купянскаго уѣзда. На запросъ объ этомъ консисторіи благочинный отвѣчалъ, что куполь означенной церкви, дѣйствительно, безобразно испещренъ простою малярскою кистью и что „при производствѣ этого росписанія, хотя онъ и не позволялъ пестрить церкви въ такомъ вкусѣ, но жители-прихожане этой церкви, пользуясь правомъ даннаго имъ довѣрія—обновить церковь, ненужнымъ считали слѣдовать внушеніямъ духовнаго начальства“. На представленіи объ этомъ консисторіи Иннокентій написалъ: „справку немедля, было ли упомянуто о семъ благочиннымъ, когда онъ доносилъ объ окончаніи церкви и просилъ позволенія освятить ее?“—Заботясь о благопріичіи церковныхъ украшеній, Иннокентій перѣдко оставлялъ безъ разрѣшенія просьбы о поновленіи и „росписаніи“ церквей до своего личнаго осмотра самой церкви и соображенія, какъ можно было-бы лучше ее украсить.

Наконецъ, можно привести нѣсколько примѣровъ заботливости преосвященнаго Иннокентія вѣ объ усовершенствованіи въ епархіи церковнаго пѣнія. Харьковской Благовѣщенской церкви священникъ Евгеній Марчевскій просилъ о перемѣщеніи его на праздное священническое мѣсто къ Харьковскому кафедральному Успенскому собору, съ предоставленіемъ ему права пользоваться „казенною“ квартирою въ Благовѣщенскомъ церковномъ домѣ до устройства такового при кафедральномъ соборѣ. Иннокентій согласился на эту просьбу, написавъ, меж-

ду прочимъ, такую резолюцію: „перемѣстити къ Успенскому собору съ обязанностію, по отличной способности просителя, устроить, какъ можно лучше, пѣніе и наблюдать за симъ съ строгою отвѣтственностію за неисправность“.—Такую-же заботу объ усовершенствованіи церковнаго пѣнія высказывалъ преосвященный Иннокентій и относительно уѣздныхъ городовъ. Такъ отъ 21 сентября 1845 года Иннокентій далъ консисторіи предложеніе, которымъ, изъявляя благодарность за отличный порядокъ, найденный имъ въ Ахтырскомъ соборѣ, протоіерсямъ: Поповъ, Стерлецкому, Лопатину и старостѣ купцу Ивану Дзюбину, возложилъ „особый надзоръ за пѣвческимъ хоромъ Ахтырскимъ на протоіерея Лопатина, яко отлично знающаго свое дѣло, съ тѣмъ, чтобы, сообразивъ, какъ усовершентъ его, представилъ мнѣніе свое ему немедленно“.

Едва-ли нужно говорить о томъ, что архіерейскій хоръ составляетъ при этомъ предметъ особенной заботливости преосвященнаго Иннокентія. Ренетиціи устраивались въ его присутствіи утромъ почти каждой субботы. И одинъ изъ современниковъ Иннокентія замѣчаетъ, что пѣвіе при немъ стало пѣть превосходно. „И вотъ еще что чудно, говоритъ онъ далѣе, самъ владыка говаривалъ: „вотъ природа меня чѣмъ не пожаловала: ни одной ноты не протяну голосомъ“; но любилъ пѣвчихъ, понималъ ноты, любилъ даже напѣвать“... Ради улучшения своего хора Иннокентій не зналъ жертвъ, готовъ былъ на всякаго рода уступки. Ученикъ вышшаго отдѣленія П. К—скій просилъ зачислить за нимъ діаконское мѣсто при Ахтырскомъ соборѣ, съ тѣмъ, что, по окончаніи курса онъ женится на сиротѣ, дочери бывшаго Ахтырскаго діакона. И Иннокентій приказалъ „зачислить на просимомъ условіи, съ тѣмъ, чтобы проситель, когда нужно, пѣлъ въ хорѣ архіерейскомъ“. Одному священнику онъ предоставилъ мѣсто въ Харьковской Воскресенской церкви съ тѣмъ, чтобы онъ вмѣстѣ пѣлъ въ хорѣ архіерейскомъ.

Здѣсь кстати замѣтить, что на первыхъ порахъ управленія Харьковскою епархіею у Иннокентія являлась даже мысль завести двѣ школы: одну для древне-церковной живописи, другую для церковнаго пѣнія. Но крайней мѣрѣ, вотъ что пи-

саль онъ тогда своему петербургскому другу: „въ Москвѣ одинъ купецъ, почтенный и добрый христіанинъ, предлагалъ мнѣ желаніе учредить на свой счетъ школу живописи древне-церковной. Мнѣ кажется это очень хорошимъ и наши церковники могли-бы быть употребимы на эту академію церковную. Не худо-бы въ подобномъ-же родѣ дать учредить кому-либо (ибо гдѣ намъ самимъ учреждать?) школу церковнаго пѣнія, которое у насъ брошено на произволъ судьбы, хотя составляетъ важный элементъ службы. Даже-бы, мнѣ кажется, нѣкоторые монастыри могли быть обращены на это предназначеніе. Не начать-ли съ харьковскихъ? Видите, какъ я разговариваю изъ Харькова. Только дочеръ мой дотѣ-же бѣдный, что и на сѣверѣ. За то душевное теплое уваженіе“....

Будучи самъ отличнымъ проповѣдникомъ, Иннокентій не мало заботился и вообще о процвѣтаніи церковнаго проповѣдничества въ Харьковской епархіи. По обычаю харьковскіе священники за нѣсколько дней до произнесенія представляли ему на просмотръ свои проповѣди, которыя они должны были писать по особому назначенію отъ консисторіи. Это-то преимущественно и было поводомъ для Иннокентія руководить неопытными проповѣдниками. „Когда принесешь къ нему свою проповѣдь для прочтенія,— рассказываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ одинъ изъ тогдашнихъ харьковскихъ священниковъ,— какъ бывало мѣтко скажетъ, что въ ней есть и чего нѣтъ! Живо помню, какъ онъ тердиль и мнѣ (прибавляетъ рассказчикъ) неоднократно: „нѣтъ жизни, пойдите, найдите ее, влейте силу и теплоту; не хитрите, не лѣзьте въ книги и энциклопедію, поищите ближе — вотъ тутъ, въ сердцахъ!.. Вотъ гдѣ ларчикъ! а ключъ отъ него въ добромъ смыслѣ и чистой совѣсти!.. Подите, помолитесь и начинайте проще и проще,— непременно съ полнымъ сознаніемъ предмета и еще съ миромъ душевнымъ, а оканчивать прошу если не слезою, то, по крайней мѣрѣ, нѣжнымъ и кроткимъ чувствомъ“.— Что-же касается епархіальныхъ священниковъ, то Иннокентій также пользовался всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы не оставить ихъ безъ руководства въ проповѣднической дѣятельности. На это мы находимъ нѣсколько указаній въ архивныхъ дѣлахъ Харьковской

духовной консисторіи. Такъ 20 декабря 1843 года, утверждая росписаніе проповѣдей, составленное благочиннымъ протоіереемъ Яковомъ Черняковымъ, Иннокентій писалъ: „а между тѣмъ за прошедшій годъ говоренныя всѣ проповѣди велѣть собрать и представить ко мнѣ, — что самое предписать сдѣлать и прочимъ благочиннымъ“. — Въ такомъ-же родѣ положилъ Иннокентій резолюцію и на росписаніи проповѣдей, представленномъ Купянскимъ благочиннымъ Протопоповымъ: „утверждается, а священникамъ всѣмъ поставить въ обязанность, чтобы по окончаніи года, представляли благочиннымъ списки съ проповѣдей, ими произнесенныхъ, для отсылки ко мнѣ въ Харьковъ“. Въ февралѣ мѣсяцѣ 1884 года новопроизведенный священникъ слободы Ворожбы, студентъ семинаріи І. Я — въ просилъ о дозволѣніи ему составлять и произносить въ приходской церкви катихизическія еженедѣльные поученія. Иннокентій написалъ: „Богъ благословитъ! Только говорить, какъ можно, короче и простѣе, и сказанное со временемъ представить ко мнѣ“. — Въ подобномъ-же духѣ положилъ Иннокентій резолюцію и на росписаніи проповѣдей, составленномъ упомянутымъ благочиннымъ Черняковымъ въ 1844 году: „утверждается, о чемъ дать знать о. протоіерею, съ тѣмъ, чтобы проповѣди, особенно въ зимнее время, были, какъ можно, короче“. — Еще опредѣленнѣе выразился Иннокентій въ своей резолюціи, положенной на росписаніи проповѣдей, составленномъ Ахтырскимъ духовнымъ правленіемъ: „утверждается; по проповѣди, особенно зимою, чтобъ были не болѣе, какъ въ поль-листа“. — На росписаніи проповѣдей, представленномъ благочиннымъ Михайловскимъ, Иннокентій также написалъ: „чтобы проповѣди были покороче, попростѣе и произносились получше, за чѣмъ о. протоіерей обязывается имѣть особое наблюденіе“. — Въ 1845 году катихизаторы Волчанскаго уѣзда на требованіе благочиннаго отвѣчали, что они не могутъ представить ему своихъ катихизическихъ поученій, потому что они изъясняютъ своимъ прихожанамъ катихизисъ изустно, а не на бумагѣ, „по причинѣ многоразличныхъ неудобствъ и препятствій, съ коими соединяется сельская жизнь“. Тѣмъ не менѣе по этому поводу Иннокентій предписалъ „объявить катихизаторамъ, что начальство

ожидаетъ отъ нихъ на бумагѣ того, что ими преподаваемо было изустно“.—Купянской протоіерей Протопоповъ просилъ о дозволеніи ему назначенныя катихизическія поученія произносить съ учителями Купянскаго духовнаго училища въ *систематическомъ* порядкѣ, раздѣливъ ихъ по частямъ, а въ тюремномъ замкѣ съ протоіереемъ Захаріемъ Трегубовымъ поочереды. Полагая, что систематичность проповѣдыванія можетъ причинить ущербъ живости и занимательности церковной проповѣди, Иннокентій на рапортѣ Протопопова положилъ такую резолюцію: „можно; но не лучше-ли просто говорить поученія?“ Въ 1846 году волчанскій благочинный донесъ Иннокентію, что многіе изъ престарѣлыхъ священниковъ-катихизаторовъ, по преклонности лѣтъ, уже не могутъ произносить катихизическихъ поученій. По этому поводу преосвященный Иннокентій предложилъ консисторіи „старымъ катихизаторамъ предписать, чтобы они прочитывали изъ печатныхъ катихизисовъ, сокращая, что идетъ къ мѣстнымъ потребностямъ прихожанъ, а новымъ дозволить читать и свои поученія“.—Тѣмъ не менѣе знакомясь съ проповѣдями священниковъ ихъ собственнаго сочиненія, Иннокентій все больше и больше убѣждался въ томъ, что не всѣ священники способны составлять проповѣди, которыя-бы могли достигать своей цѣли и соответствовали потребностямъ слушателей. Вотъ почему на рапортѣ Зміевского духовнаго правленія съ росписаніемъ проповѣдей на 1846 годъ онъ написалъ: „утвердить, а между тѣмъ консисторія разсмотритъ, не полезнѣе-ли, чтобы въ соборѣ произносили лучше печатныя проповѣди, тоже—и по селамъ?“—Но это, впрочемъ, не значитъ того, чтобы Иннокентій относился равнодушно къ проповѣдничеству; напротивъ, онъ сдѣлалъ эту уступку лишь съ тою цѣлію, чтобы священники чаще могли проповѣдывать прихожанамъ слово Божіе. Народу не всегда правятся проповѣди священниковъ *собственнаго сочиненія*, уже потому, что эти проповѣди *сочинены* самимъ священникомъ; народъ нерѣдко отдаетъ преимущество проповѣди, которая произносится *по печатной книгѣ*, такъ какъ за печатью нашъ народъ, особенно во времена Иннокентія, привыкъ признавать извѣстный авторитетъ. Въ виду этого преосвященный Иннокентій нерѣдко

писалъ на росписаніяхъ проповѣдей и такія резолюціи: „кромѣ сего (т. е. кромѣ проповѣдей, произносимыхъ по назначенію), чтобы священники *каждое* воскресенье и праздники говорили съ книгъ поученія, какія покороче и поназидательнѣе“.

Тѣмъ не менѣе Иннокентій хотѣлъ приучить нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, священниковъ даже къ экспромптамъ. Вотъ что рассказываетъ по этому случаю одинъ изъ тогдашнихъ харьковскихъ протоіереевъ: „весьма бывало часто глядишь—вечеромъ часовъ въ 6, 7 и 8—записочка собственноручная: „*на завтра готовьте проповѣдь*“. Сначала казалось трудно, а потомъ дѣлалось легкимъ и даже пріятнымъ дѣломъ, когда, бывало, разъяснить и докажетъ, что вымышленное и вычурное никуда не годится противъ простаго, естественнаго, — прямо отъ чувства и сердца исходящаго. У любимыхъ учениковъ его уже изъ кафедры святительской много такихъ, можно сказать, часовыхъ экспромптовъ, кои носятъ на себѣ святительское *valet* или *хорошо, хорошо спасибо*“...

Съ дѣятельностію проповѣдническою преосвященный Иннокентій, какъ можно было уже отчасти видѣть и изъ одного изъ его многочисленныхъ предложеній Харьковской консисторіи, тѣсно связывалъ и учительскую дѣятельность вообще. По его взгляду, священникъ долженъ быть уже непременно и *народнымъ* учителемъ въ обширномъ смыслѣ этого слова; отсюда естественно и народная школа должна быть всегда главнымъ и непосредственнымъ предметомъ особенной заботливости всякаго приходскаго священника. Впрочемъ, это былъ общій взглядъ того времени. Такъ смотрѣло тогда на духовенство и русское правительство. Понятно, что Иннокентій съ полнымъ сочувствіемъ поддерживалъ въ этомъ отношеніи всѣ правительственныя распоряженія. Въ 1843 году священникъ М. Н—скій, между прочимъ, донесъ преосвященному Иннокентію, что въ с. Великомъ Бурлукѣ Волчанскаго уѣзда генераль-лейтенантъ Воинъ-Задонскій учредилъ для крестьянскихъ дѣтей приходское училище и что въ немъ обучаетъ уже дѣтей одинъ унтеръ-офицеръ. По этому поводу Иннокентій однако же велѣлъ: „дать знать священнику, что, на основаніи Высочайше утвержденныхъ правилъ, ему самому надобно по-

трудиться въ обученіи дѣтей сихъ“. Между тѣмъ, въ декабрѣ того-же самаго 1843 года Иннокентіемъ былъ полученъ указъ Святѣйшаго Синода, которымъ ему было предписано, для неотложнаго удовлетворенія требованій коннозаводства, сдѣлать всѣ зависящія распоряженія къ открытію, гдѣ признано будетъ нужнымъ, приходскихъ училищъ для обученія въ нихъ дѣтей казенныхъ крестьянъ на точномъ основаніи циркулярнаго указа Святѣйшаго Синода отъ 31 декабря 1842 года и озаботиться выборомъ наставниковъ самыхъ благонадежныхъ по образованію и нравственнымъ качествамъ, выяснивъ имъ сущность ихъ новыхъ обязанностей, равно какъ и то, какой пользы ожидается отъ усерднаго и точнаго исполненія ими этихъ обязанностей и „поставивъ въ обязанность мѣстнымъ благочиннымъ наблюдать за симъ неослабно, о послѣдствіяхъ-же таковаго надзора доносить Святѣйшему Синоду по прошествіи каждаго шести мѣсяцевъ“. На этомъ указѣ преосвященный Иннокентій положилъ такую резолюцію: „къ надлежащему исполненію; а между тѣмъ взять мѣры, чтобы свѣдѣнія о сихъ и *подобныхъ* училищахъ всегда были вготовѣ, поставивъ для того въ обязанность благочиннымъ и самимъ священникамъ рапортовать о состояніи училищъ чрезъ каждые два мѣсяца“. Священниковъ, усердно занимавшихся обученіемъ крестьянскихъ дѣтей, Иннокентій не оставлялъ безъ награды, а нерадивыхъ строго наказывалъ. Въ 1844 году Бѣловодская коннозаводская волость донесла ему, что Марковскій священникъ вовсе не занимается въ школѣ,—и Иннокентій велѣлъ „потребовать немедленно отвѣта у неуспѣшнаго учителя, а равно и мнѣніе о немъ благочиннаго“. Въ наставники сельскихъ школъ палата государственныхъ имуществъ нерѣдко избирала причетниковъ; вслѣдствіе этого Иннокентій однажды велѣлъ „отвѣтить палатѣ, что гораздо-бы лучше было употреблять въ наставники священниковъ и діаконъ, нежели причетниковъ“, тѣмъ болѣе, что какъ тѣ, такъ и другіе трудились совершенно безвозмездно.—Не любилъ преосвященный Иннокентій и того, когда свѣтскія власти представляли ему свои ходатайства о награжденіи наставниковъ-священниковъ духовными наградами, хотя самъ онъ, по своему личному усмо-

трѣнію, какъ мы сказали выше, нерѣдко награждалъ ихъ такими наградами. Такъ, по дѣлу о награжденіи, сл. Липецъ Покровской церкви, священника Θεодора Черняева бархатною фіолетовою скуфіею за отличное служеніе въ должности школьнаго учителя и законоучителя, Иннокентій написалъ: „просить той-же награды, кою уже однажды просила ему палата государственныхъ имуществъ, т. е., награжденія его опредѣленнымъ окладомъ жалованья: это будетъ лучше“. Въ 1844 году совѣтъ Харьковскаго института благородныхъ дѣвицъ ходатайствовалъ о награжденіи священника, бывшаго при институтской церкви, Леонтія Клевансва, саномъ протоіерея. Нужно замѣтить, что въ то время возведеніе въ санъ протоіерея еще всецѣло зависѣло отъ благоусмотрѣнія мѣстнаго преосвященнаго. Тѣмъ не менѣе на вышеуказанномъ ходатайствѣ Иннокентій написалъ: „отвѣчать, что, при всемъ желаніи удовлетворить ходатайству совѣта нѣтъ возможности сдѣлать этого, по неизбѣжно вакансіи“. — Въ 1846 году дирекція училищъ Харьковской губернской гимназіи также ходатайствовала предъ Иннокентіемъ о награжденіи протоіерейскимъ саномъ законоучителей приходскихъ училищъ, священниковъ: Хотѣвскаго — Ступницкаго, Юнаковскаго — Стеценкова и Лебединскаго — Стешенкова за постоянное усердіе и неутомимую дѣятельность ихъ. Но Иннокентій велѣлъ „отвѣчать, что первые два священника недавно получили награду, а послѣдній представленъ къ ней въ Святѣйшій Синодъ, и что, впрочемъ, нѣтъ препятствій къ награжденію ихъ деньгами по вѣдомству министерства просвѣщенія“. Школьное дѣло Иннокентій всегда имѣлъ въ виду и при опредѣленіи на священническія мѣста. Такъ, между прочимъ, на прошеніи священника Павла Ковалевскаго, о предоставленіи ему мѣста въ с. Алексѣевской Крѣпости, онъ написалъ: „предоставить, съ тѣмъ, чтобы онъ былъ тамъ и учителемъ поселянскаго училища, яко уже бывший наставникомъ въ духовной школѣ, и занималъ мѣсто настоятеля, приложивъ попеченіе о церкви и нравственности прихожанъ, чего я отъ него надѣюсь, при помощи Божіей“. Въ 1846 году палата государственныхъ имуществъ просила Иннокентія объ опредѣленіи въ с. Долинское

какого-нибудь наставника. Пресвященный Иннокентій на этомъ ходатайствѣ написалъ: „отвѣтить отъ меня поскорѣе, что я, имѣя въ виду нужду въ Долишскомъ селеніи въ учительствѣ, нарочно для сего перевелъ туда окончившаго курсъ священника Щелкина“. Въ томъ-же 1846 году Иннокентій снова получилъ указъ Святѣйшаго Синода объ умноженіи при приходскихъ церквахъ школъ для поселянскихъ дѣтей. По этому поводу онъ предложилъ консисторіи, „наведши справку объ училищахъ, сообразить, что можно сдѣлать для успѣха сего общепользнаго дѣла“. Рѣшено было: предписать указами духовнымъ правленіямъ и благочиннымъ, чтобы они независимо отъ тѣхъ донесеній о школахъ, которыя представлялись въ декабрь мѣсяцъ для составленія вѣдомости Святѣйшему Синоду, тогда-же доставили въ самомъ непродолжительномъ времени свѣдѣнія по этому предмету съ обозначеніемъ всѣхъ обстоятельствъ, указанныхъ въ формѣ, приложенной къ уставу духовныхъ консисторій, и съ донесеніемъ, въ какихъ именно мѣстахъ еще могутъ быть открыты съ пользою приходскія училища, не исключая даже и помѣщичьихъ имѣній; а по полученіи этихъ свѣдѣній, рѣшено было отнести въ губернское правленіе и палату государственныхъ имуществъ о содѣйствіи и съ ихъ стороны къ открытію училищъ въ тѣхъ приходяхъ, гдѣ окажется къ тому возможность.

Въ свое время мы сказали, что пресвященный Иннокентій не долюблялъ, по его выраженію, „странствій“ духовенства по другимъ епархіямъ, хотя эти „странствія“ и совершались подъ благовидными предлогами— „посѣщенія родныхъ“, на „богомолье“ въ разные монастыри и т. п. Здѣсь пельзя не сказать еще, что онъ не долюблялъ также и „странствій“ прихожанъ по чужимъ епархіямъ съ просительною книгою... Книги просительныя онъ выдавалъ только въ случаяхъ крайней и дѣйствительной нужды; въ противномъ-же случаѣ почти всегда отказывалъ, предлагая другіе способы пріобрѣтенія средствъ для устройства и украшенія церквей. Такъ, въ 1843 году настоятель Куряжскаго монастыря, ректоръ семинаріи, архимандритъ Агаѳангель просилъ о выдачѣ паспорта двумъ Куряжскимъ монахамъ на проѣздъ въ Екатеринославскую и Ново-

черкасскую губернію для сбора пожертвованій. Иннокентій по поводу этой просьбы положилъ такую резолюцію: „выдать, если дѣйствительно нужно. Но нужно-ли? Крайне много шатается людей за сборами. Не лучше-ли обратиться къ какому-либо другому способу?“ При этомъ онъ указалъ на непосредственное обращеніе къ частной благотворительности извѣстныхъ лицъ. Въ 1844 году причтъ, староста и прихожане Сумской Рождество-Богородичной церкви просили Иннокентія о выдачѣ имъ на извѣстный срокъ просительной книги для сбора пожертвованій на устройство серебряныхъ съ позолотою ризъ для мѣстныхъ иконъ. Иннокентій отказалъ просителямъ, написавъ на ихъ прошеніи: „это не нужда, а роскошь; посему нельзя дать книги, копихъ и безъ того слишкомъ много, такъ что множествомъ своимъ производятъ соблазнъ“. Въ томъ-же году просили Иннокентія и купянскіе соборные прихожане о выдачѣ просительной книги для сбора пожертвованій на устройство соборной колокольни. Иннокентій написалъ на ихъ прошеніи слѣдующее: „не стоитъ таскаться за симъ по другимъ епархіямъ, а въ Харьковской могутъ ходить, гдѣ угодно“. Въ 1845 году причтъ, староста и прихожане Сумской Троицкой церкви также просили Иннокентія о выдачѣ имъ просительной книги для сбора добротныхъ пожертвованій на оштукатурку снаружи приходской ихъ церкви, колокольни и ограды, а также на покраску крыши на церкви и колокольнѣ и на позолоту главъ и крестовъ. На ихъ прошеніи Иннокентій написалъ: „это не составляетъ еще особенной нужды и книги дать нельзя; пусть отъ усердія сами сдѣлаютъ, что хотятъ“. Въ 1846 году Куряжскій архимандритъ (только уже не Агафангелъ, а Пароеній) снова просилъ Иннокентія о выдачѣ двумъ монахамъ паспортовъ въ губерніи: Полтавскую, Екатеринославскую и Черкасскую „для сбора добротнотательной суммы въ пособіе Старо-Харьковскому монастырю“. Иннокентій опять не уважилъ этой просьбы, положивъ такую резолюцію: „пріостановиться выдачею этихъ паспортовъ, ибо дѣло можетъ обойтись безъ этихъ странствій“. Въ томъ-же году причтъ и староста Тарановской Архангельской церкви просили Иннокентія отерочить имъ еще на годъ просительную

книгу на починку приходской ихъ церкви. Иннокентій на ихъ прошеніи написалъ: „благочинный имѣеть представить основательное соображеніе, сколько и на что нужно денегъ; иначе этому собиранію не будетъ и конца“.

Теперь перейдемъ къ изложенію тѣхъ мѣръ, употребленныхъ Иннокентіемъ къ возбужденію въ народѣ религіозности, которымъ, по выраженію самого Иннокентія, не мало причинялъ препятствій тогдашній „распорядокъ гражданскій“. Въ 1843 году одинъ изъ помѣщиковъ Харьковской губерніи, нѣкто г. Широ, человекъ странный и причудливый, но имѣвшій о себѣ довольно высокое мнѣніе, послалъ къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода, въ родѣ извѣстія или доноса, письмо, написанное на французскомъ языкѣ. Въ этомъ письмѣ онъ довольно мрачными красками описывалъ тогдашнее состояніе Украины какъ въ религіозно-обрядовомъ, такъ и въ нравственномъ отношеніи. Письмо это въ первыхъ числахъ февраля 1844 года изъ Петербурга было препровождено частнымъ образомъ къ Иннокентію. И вотъ что по поводу этого письма писалъ Иннокентій своему петербургскому другу отъ 14 февраля тогоже года:

„Честь имѣю возвратитъ вашему превосходительству письмо г. Широ. Содержаніе его мнѣ уже извѣстно было изъ разговора моего съ симъ помѣщикомъ, въ бытность мою у него въ селѣ прошедшимъ лѣтомъ. Посему - то и удивительно для меня, что онъ свои мнѣнія помѣстилъ въ письмѣ все сполна, а мои соображенія отложилъ въ сторону и умолчалъ о нихъ. Умолчалъ, во-первыхъ, отъ того, что печальная картина религіознаго невѣжества и апатіи, имъ нарисованная, идетъ не ко всемъ украинцамъ, а только къ помѣщичьимъ крестьянамъ; во-вторыхъ, не сказалъ того, что помѣщики суть истинные виновники сего жалкаго состоянія. Это прекрасно, что теперь г. Широ самъ гонитъ крестьянъ своихъ въ церковь; но это начало дѣлаться не болѣе года, когда онъ возвратился изъ службы домой. Навести-бы справку, сколько лѣтъ предъ тѣмъ его предки или управители гнали крестьянъ изъ церкви? Удивительно-ли послѣ того, если мы снискаемъ несчастную привычку не бывать въ церкви? Неуже-ли есть помѣщики, кои гонятъ изъ церкви? — Кои гонятъ

прямо, такихъ немного, а кои гонять стороною, таковыхъ—видимо-невидимо, таковы—почти всѣ. Это гоненіе стороною состоитъ въ томъ, что бѣдному крестьянину такъ мало дней остается отъ панщины для своихъ работъ, что онъ по неволѣ въ праздники сѣшеть не въ церковь, а на свое поле, или употребляетъ его просто на отдыхъ, къ которому малороссъ расположенъ гораздо болѣе великороссіянина. А указъ о трехъ дняхъ работы на господина?—Кто смотритъ на него? Ибо кто смотритъ за исполненіемъ его? Онъ нерушимо остается на бумагѣ, въ архивѣ. Что при такомъ положеніи вещей дѣлать священнику? Вступать въ доносы на помѣщика? Это значило-бы лишать себя съ семьей не только спокойствія, даже пропитанія. Что дѣлать и епархіальной власти? Поднять тревогу по всей губерніи? Но къ чему-бы повело это? Очевидно, необходимо какое-либо государственное учрежденіе для пресѣченія сего зла, а зло крайне велико и даетъ результаты самые печальныя для будущности отечества. Г. Широко самъ чувствуетъ нужду въ подобной мѣрѣ и хотѣлъ-бы, чтобы надзоръ за отношеніемъ къ церкви поселянъ лежалъ не на однихъ священникахъ и благочинныхъ, а и на становыхъ приставахъ и на помѣщикахъ. Нѣтъ ничего основательнѣе сего предположенія. Почему не поставить закономъ, чтобы всѣ начальники, каждый по своей части, рапортовали, по временамъ, о семъ предметѣ высшему начальству. Особенно о исповѣди. Законоположеніе наше признаетъ важнымъ сіе дѣло въ отношеніи судебномъ, и допросъ подсудимаго и свидѣтеля всегда начинается тѣмъ: какого онъ исповѣданія и бывалъ-ли у исповѣди и причастія? Но это теперь одна форма: и бывалый и небывалый—равно всегда бывалъ. Но тогда были-бы справки о бытіи. А еще лучше, если бы бывавшій всегда имѣлъ квитокъ въ бытіи дѣйствительномъ. Это одно, безъ другихъ усиленныхъ средствъ, заставило-бы всѣхъ и cadaго бывать у исповѣди, тогда какъ теперь множество упущеній въ семъ дѣлѣ, хотя они и не показываются въ исповѣдныхъ книгахъ.—Обращаясь засимъ отъ сего случая къ общему положенію религіозности въ народѣ, съ горестію должно сказать, что множество причинъ умствуютъ постоянно и сильно за ослабленіе ея, между тѣмъ какъ ничего почти не

дѣлается для огражденія ея. И вотъ важная задача для высшаго правительства церковнаго! Проходя исторію его со временъ Петра I-го, видимъ, что сія задача оставалась въ сторонѣ, между тѣмъ какъ она всегда должна быть первая и послѣдняя. Въ одномъ рукописномъ сочиненіи, случайно попавшемъ въ мои руки, весьма основательно изображены съ сей стороны нужды нашей Церкви и ея бѣдственное положеніе, указанъ отчасти и способъ, что именно нужно дѣлать. По внимательному взгляду, соединенному съ желаніемъ истиннаго добра отечеству, и безъ того не трудно усмотрѣть, гдѣ источникъ зла и какія противъ того средства. Вашему управленію предлежитъ заняться симъ важнымъ дѣломъ, за которое похвала не отъ человѣка токмо, но и отъ Бога“...

Если къ крѣпостному праву присоединить еще порядки кавалерійскаго военно-поселенскаго управленія, откупную систему торговли спиртными напитками, условія жизни конно-заводскихъ крестьянъ, канцеляризмъ и проволочку въ распоряженіяхъ палаты государственныхъ имуществъ, управлявшей крестьянами государственными, то мы можемъ понять, что это за „гражданскіе распорядки“, которые оказывали почти непреодолимое препятствіе осуществленію мѣропріятій Иннокентія въ дѣлѣ религіознаго возбужденія народа и на которые такъ часто жалуется Иннокентій въ своихъ письмахъ къ разнымъ лицамъ. Тяжелое положеніе крестьянъ, находившихся въ крѣпостной зависимости отъ помѣщика, еще болѣе ухудшалось отъ личнаго произвола и самодурства ихъ господъ. По закону, крестьяне обязаны были работать на помѣщика („на барщинѣ“ или, по мѣстному выраженію, на „панщинѣ“) только три дня въ недѣлю, а остальные три дня предоставлены были имъ для ихъ собственныхъ работъ. Но законъ этотъ, по справедливому замѣчанію Иннокентія, оставался только на бумагѣ и лежалъ въ архивѣ, покрытый толстымъ слоемъ архивной пыли. Были помѣщики и даже многіе, которые заставляли крестьянъ работать „на панщинѣ“ въ теченіи пяти дней, оставляя для ихъ собственныхъ работъ только одинъ день въ недѣлю и притомъ субботу. А въ помѣщичьихъ селахъ было въ обычаѣ, особенно когда самъ помѣщикъ

жилъ въ имѣніи, — отправлять не утрени, а всенощныя бдѣнія. Можно-ли послѣ этого удивляться тому, что крестьяне почти не бывали въ церкви на этомъ богослуженіи? Правда, были священники, которые, надѣясь на поддержку со стороны Иннокентія, ревностно вели борьбу съ помѣщиками противъ такого нечеловѣческаго ихъ образа дѣйствій. Но что-же оказывалось? При самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, дѣло оканчивалось ухудшеніемъ положенія какъ крестьянъ, такъ и самыхъ священниковъ: помѣщики приказывали своимъ „атаманамъ“ „загонять“ на всенощныя бдѣнія въ церковь крестьянъ и, такимъ образомъ, еще отымали у нихъ полъ-дня въ недѣлю, — время, которое прежде крестьяне употребляли на свои собственныя работы. Что-же касается самыхъ священниковъ, то вмѣстѣ съ благоволеніемъ помѣщика они теряли не только свое спокойствіе, но и пропитаніе своихъ семействъ, которое они прежде получали отъ помѣщика въ видѣ „мѣсячнаго“ или „провизіи“. Такъ дѣло оканчивалось, говоримъ, только при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ. Въ большинствѣ-же случаевъ священники еще были подвергаемы тяжелому, иногда даже уголовному преслѣдованію, какъ бунтарп-агитаторы народа. Благочинный священникъ Гавріилъ Владыковъ, видя, что ничего не можетъ подѣлать съ мѣстнымъ помѣщикомъ Кременецкимъ самъ, совѣтывалъ своимъ прихожанамъ подать просьбу въ палату о томъ, чтобы въ силу „дѣйствовавшаго“ въ то время закона имъ предоставлено было отъ помѣщика вмѣсто одного три дня въ недѣлю для ихъ собственныхъ работъ. „Благоразумные“ крестьяне не рѣшились однако на такое „неслыханное“ дѣло; между тѣмъ помѣщикъ узналъ о „дѣйствіяхъ“ о. Владыкова и завесъ на него жалобу въ палату уголовного суда. Палата, „ничто-же сумняся“, прямо обвинила „ревностнаго не по разуму“ благочиннаго въ томъ, что онъ „возбуждалъ къ возстанію крестьянъ помѣщика Кременецкаго“. Произведено было самое строгое слѣдствіе въ присутствіи двухъ депутатовъ; но уликъ никакихъ не оказалось. И консисторія сдѣлала постановленіе: „внушить священнику Владыкову, чтобы онъ удалялся всякаго сообщенія съ людьми подозрительнаго поведенія, единственно изъ опасенія навлечь непріятное

о себѣ замѣчаніе“. Противъ этого постановленія Иннокентій написалъ: „священникъ, по долгу пастыря, долженъ быть всѣмъ вся“, а въ самое постановленіе послѣ словъ: „удаленъ всякаго сообщенія“ вставилъ выраженіе— „не по обязанностямъ пастыря“.

Впрочемъ, въ этомъ отношеніи даже дѣйствія самого Иннокентія не всегда достигали желаемыхъ результатовъ. Въ 1844 году благочинный протоіерей Прокоповичъ донесъ Иннокентію, что при обзорѣ имъ подвѣдомыхъ ему, Харьковскаго уѣзда, сельскихъ церквей, во второй половинѣ истекшаго 1843 года, онъ замѣтилъ, что государственные и помѣщичьи крестьяне весьма въ небольшомъ количествѣ собираются въ церкви на слушаніе священныхъ литургій, а къ вечернимъ и утреннимъ богослуженіямъ „вовсе не замѣчается имѣющихъ благочестивое желаніе посѣщать храмы, отчего и кошелевой суммы на поддержаніе церковнаго благолѣпія мало собирается, и нравственность поселянъ не улучшается при продолжающихся склононостяхъ мірянъ къ петрезвой и не всегда благонаправной жизни, а сельскіе старосты и управители съ своей стороны, при убѣжденіяхъ священнослужителей, не обращаютъ вниманія на должное сохраненіе христіанскаго благочестія между людьми православною исповѣданія“. На этомъ дописаніи Иннокентій положилъ такую резолюцію: „отнести отъ меня къ управляющему палатою о томъ, чтобы сдѣлано было по ихъ части распоряженіе о хожденіи народа въ церковь“ — Дѣйствительно, чрезъ три мѣсяца послѣ этого отъ управляющаго палатою государственныхъ имуществъ было получено увѣдомленіе, что имъ предписано окружнымъ начальникамъ вмѣнить въ непремѣнную обязанность волостнымъ и сельскимъ начальникамъ имѣть бдительный надзоръ за посѣщеніемъ поселянами церкви во всѣ воскресные и праздничные дни неопустительно и за исполненіемъ этого имѣть непосредственное съ ихъ стороны попеченіе.—Но нужно ли говорить о томъ, что и эта мѣра осталась только на бумагѣ и не принесла никому никакой пользы?.. Впрочемъ, относительно помѣщичьихъ крестьянъ не было сдѣлано даже и такого распоряженія...

(Продолженіе будетъ.)

ПИСЬМА ИЗЪ ГЕРМАНИИ.

НѢМЕЦКАЯ СОВРЕМЕННАЯ ПРЕССА ОБЪ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХЪ ЯВЛЕНІЯХЪ ВЪ
НАШЕЙ ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ.

(Продолженіе *).

Неблагопріятныя воззрѣнія на православную Церковь и русское сектапство встрѣчаемъ мы и въ нѣмецкой ежедневной печати, въ нѣмецкихъ газетахъ. Сходство во взглядахъ и тенденціяхъ бываетъ по временамъ поразительное. Въ примѣръ такого „созвучія нѣмецкихъ сердець“ укажемъ на корреспонденцію „Кельнской Газеты“ отъ 30 апрѣля 1881 года изъ Петербурга *). Въ этой корреспонденціи мы находимъ тѣ-же сѣтованія на „безвыходное положеніе“ Россіи, указаніе на религію, какъ на единственный якорь спасенія „государственной жизни“, упреки православному духовенству въ (мнимо) непониманіи современныхъ сектавтекскихъ движеній и восхваленіе послѣднихъ. Приводимъ наиболее интересныя мѣста корреспонденціи in extenso.

„Когда взвѣшиваешь въ цѣломъ положеніе государства (Россіи), разсуждаетъ корреспондентъ,—то легко приходишь въ ужасъ отъ глубины бѣдствія, множества задачъ и скудости средствъ къ ихъ выполненію, безвадежности будущаго. Между тѣмъ,—продолжаетъ онъ,—по моему мнѣнію есть въ обширномъ государствѣ одинъ пунктъ, гдѣ можно найти твердую почву для спасенія государственной жизни. Это—религія. Русскій народъ по природѣ глубоко религіозенъ, но въ теченіе цѣлыхъ

*) См. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 18.

*) „Kölnische Zeitung“, № 125. Freitag, 6 Mai 1881.

столѣтій онъ не имѣлъ *живой* религій, а лишь окаменѣлыя церковныя формулы. Дайте ему религіозное сознаніе (?) и тогда можно надѣяться, что нравственное воздѣйствіе его окажется громаднымъ. Въ этомъ насъ убѣждаютъ въ достаточной степени данныя опыта. Какіе классы русскаго общества владѣютъ еще нравственною крѣпостію, наиболѣе зажиточны, порядочны, дѣльны? Это еретики и схизматики государственной Церкви и по преимуществу старовѣры, а въ послѣднее время еще и штундисты“.

Возвеличивъ русское сектантство, корреспондентъ, съ своею проницательнымъ наблюдателямъ смѣлостію, повторяетъ вслѣдъ за другими нелѣпую мысль о вредныхъ для православной Церкви послѣдствіяхъ перевода Св. Писанія на русскій языкъ, а именно, что непосредственному знакомству съ содержаніемъ Библии и, главнымъ образомъ, Новаго Завѣта обязаны своимъ происхожденіемъ сектантскія движенія въ Петербургѣ (пашковщина) и на югѣ Россіи (штундизмъ). „Евангельскія истины—повторяетъ онъ избитую фразу,—оказались совершенно новыми, незнакомыми русскому обществу, какъ будто бы Евангеліе Христа только вчера было возвѣщено міру, хотя русская Церковь по вѣрности уже въ продолженіе восьми столѣтій покоилась на этомъ Евангеліи, въ тоже время лишая народъ возможности знакомства съ нимъ“. Съ точки зрѣнія корреспондента это держаніе народа въ религіозномъ невѣжествѣ имѣло свое *достаточное* основаніе. Какъ мы уже замѣтили, наблюденія и соображенія корреспондента не отличаются ни новизною, ни оригинальностію. И въ разсмотрѣніи *достаточныхъ основаній* онъ не идетъ далѣе повторенія *дикихъ* мыслей подобныхъ ему изслѣдователей внутренней жизни русскаго общества. Вслѣдъ или вмѣстѣ съ г. Дальтономъ и прочими указанными наблюдателями различныхъ теченій и движеній въ Россіи онъ говоритъ, что русская Церковь въ сущности дѣла имѣетъ мало общаго съ Евангеліемъ, а потому ей *естественно* было опасаться знакомства русскаго народа съ содержаніемъ Евангелія, такъ какъ это *неминуемо* должно было вести и, какъ свидѣтельствуетъ примѣръ штундистовъ, дѣйствительно вело къ потрясенію авторитета Церкви и къ отпа-

денію новопросвѣщенныхъ отъ союза съ этою послѣднею: „исповѣдники Новаго Завѣта *естественно* порывали даже внѣшнюю связь съ государственною Церковью, какъ скоро она заявляла стремленіе остановить движеніе, *вызванное дарованіемъ свободы чтенія Библии*“.

Въ каковой степени „доброжелательно“ и „справедливо“ относятся къ православной Церкви западное протестантство, это достаточно ясно видно изъ откровеннаго заявленія протестантскаго пастора Іоганна Юнгста^а въ конференціи нижнерейнскаго духовенства (12 мая 1881 г.). Коснувшись въ своемъ рефератѣ вопроса „о положеніи Церкви по отношенію къ внѣцерковному благочестію настоящаго времени“, онъ заявилъ открыто слѣдующее: „евангелическая церковь не должна имѣть ни малѣйшаго сходства съ русско-греческою... Мы не забываемъ (еще-бы!) огромную разницу между Церковью поповъ и церквями *нѣмецкой* реформаціи. Но именно поэтому мы хотимъ быть отличными отъ русской Церкви и въ томъ, что относимся съ полною любви снисходительностію ко всякому благочестію, основанному на Библии и не уклоняющемуся отъ евангелическихъ образцовъ, хотя-бы то благочестіе и не носило вполнѣ церковнаго отпечатка“ *).

Итакъ православная Церковь, окаменѣвшая въ своихъ внѣшнихъ формахъ, чуждая пониманія современныхъ религіозныхъ потребностей народа и его лучшихъ стремленій, на взглядъ протестантства совершенно неспособна совершить подвигъ нравственнаго возрожденія русскаго народа. А между тѣмъ только одна религія, нравственно религіозное обновленіе въ силахъ спасти Россію отъ окончательнаго паденія. Какъ же быть?

Ствѣтъ на этотъ вопросъ первостепенной важности, представляя собою центральный пунктъ, около коего вращаются всѣ разсужденія поименованныхъ нами изслѣдователей внутренней жизни русской Церкви, является *отъцомъ* ихъ „серьезнаго изученія современнаго состоянія русскаго общества“, а потому заслуживаетъ съ нашей стороны особаго вниманія. Въ

*) Die evangelische Kirche und die Separatisten und Sektierer der Gegenwart. Johannes Jüngst. Gothe.

этомъ отвѣтъ заключается ключъ къ разгадкѣ затаенныхъ цѣлей и стремленій „свободомыслящихъ“ протестантовъ.

Исторія свидѣтельствуетъ о неоднократныхъ попыткахъ Рима приобщить „схизматиковъ Востока“ избранному стаду католической церкви. Извѣстно также, что эти попытки не прекратились и по настоящее время, какъ свидѣтельствуетъ о томъ исторія нашего западнаго края и еще болѣе — ходъ церковныхъ событій на Балканскомъ полуостровѣ. Но главнымъ объектомъ римской пропаганды была и по сію пору остается Россія. И если въ настоящее время по отношенію къ Россіи эта пропаганда не выступаетъ открыто съ своими грандіозными планами обращенія въ католичество многомилліоннаго русскаго народа, то несомнѣнно, желаніе „помочь Россіи“, „спасти царство“, и теперь нисколько не потеряло въ своей интенсивности, и при благоприятныхъ обстоятельствахъ не замедлитъ произойти „оживленіе“ католической идеи въ прежнихъ размѣрахъ. Яснымъ подтвержденіемъ послѣднему служитъ совершающееся нынѣ оживленіе католичества въ Югозападномъ краѣ. — Однимъ словомъ: задача и цѣли, преслѣдуемая католичествомъ на Востокѣ, въ общемъ для всѣхъ ясны и понятны.

Но было бы въ высшей степени несправедливо полагать, что лишь только одинъ Римъ съ давнихъ поръ неустанно печется о спасеніи Россіи путемъ возвращенія русскыхъ схизматиковъ въ лоно апостолической Церкви. Мысль о просвѣщеніи русскаго народа свѣтомъ „истиннаго христіанства“, стремленіе помочь „несчастной“ Россіи далеко не чужды и протестантству. Вотъ что говоритъ относительно этого предмета одинъ компетентный изслѣдователь судьбы протестантства въ Россіи.

„Представлять протестантовъ исключительно космополитами, равнодушными къ религіозной пропагандѣ, какъ думаютъ нѣкоторые изъ нашихъ историковъ (Соловьевъ, Ист. Россіи. XIII. 318—325), говоритъ онъ, было бы несогласно съ дѣйствительностію.... Съ другой стороны не чужда преувеличенія и та мысль, что будто-бы „протестанты разставили свои тайныя пропагандическія сѣти на всѣхъ путяхъ, при каждомъ соприкосновеніи съ православными“ (Соколовъ, Отнош. прот.

242). „Подобный образъ дѣйствій предполагалъ бы единство нарочно составленнаго плана и единство заправляющаго центра, чего между тѣмъ не было. Происходя изъ различныхъ мѣстностей Европы и изъ различныхъ національностей, протестанты жили и дѣйствовали въ разброску, стремясь къ осуществленію своихъ личныхъ матеріальныхъ расчетовъ, а потомъ уже, когда представлялись благопріятныя обстоятельства, и интересовъ религіозныхъ. При столкновеніи съ дѣйствительностію имъ, людямъ практическаго смысла, не трудно было догадаться относительно бесполезности и опасности намѣренной и систематической пропаганды, которая ничего не могла принести имъ, а развѣ только затворить двери Россіи, подобно тому, какъ затворились онѣ предъ католиками.... Пропганда шла по преимуществу въ силу своеобразности протестантовъ, которая то увлекала, то соблазняла православныхъ, въ силу заносчиваго ихъ отношенія ко всему православному; прямыя-же попытки производились отдѣльными, никѣмъ не руководимыми личностями, или-же, чаще всего, лицами посторонними, до тѣхъ поръ не жившими въ Россіи, а потому еще не успѣвшими достаточно ознакомиться съ дѣйствительнымъ положеніемъ дѣла, или-же, правительствами протестантскихъ государствъ. Эти дѣйствія носятъ на себѣ отпечатокъ случайности, отрывочности и личной инициативы.... Въмѣсто систематической, сопровождаемой насиліями, пропаганды видимъ, что въ одномъ мѣстѣ проявилъ себя какой-нибудь пасторъ, тѣмъ болѣе, что по сознанію протестантскихъ писателей, проповѣдь была-бы лучшимъ средствомъ „направить русскихъ на истинный путь“; въ другомъ обнаружили излишнюю ревность иной помѣщикъ или домохозяинъ, стараясь провести свои религіозныя тенденціи между своими крѣпостными или русской прислугой; тамъ кто-нибудь, разговорившись съ москвитяниномъ о житейскихъ предметахъ, переведетъ рѣчь на предметы религіозныя, недобродѣтельно отзовется о православіи и православныхъ и похвалитъ своихъ“....

Приведенная характеристика протестантской пропаганды принадлежитъ автору интересной статьи, помѣщенной въ „Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ за прошлый годъ,

подъ заглавіемъ: „Положеніе протестантовъ въ Россіи до Петра Великаго“—г. Цвѣтаеву и относится къ до-петровской эпохѣ *). Однако въ существенныхъ чертахъ эта характеристика применима къ позднѣйшей и даже современной эпохѣ. Протестантство и потомъ продолжало держаться вышеуказанной позиціи по отношенію къ православію и русской Церкви и по временамъ обнаруживало замыслы, свидѣтельствовавшіе о меньшей, чѣмъ въ католичествѣ, живучести въ протестантствѣ стремленія обратить *несчастный* русскій народъ на *истинный* путь **). Особенно богатый и цѣнный матеріалъ въ этомъ отношеніи представляетъ собою исторія православія на сѣверо-западной окраинѣ Россіи, гдѣ протестантство издавна являлось фактически господствующимъ элементомъ. Въ исторіи этой окраины лучше и рельефнѣе всего обнаруживается съ одной стороны послѣдовательность и настойчивость протестантства въ дѣлѣ „христианизаціи“ края, съ другой—*христианскіе* приемы распространенія истиннаго Евангелія. Тотъ-же г. Цвѣтаевъ въ упомянутой нами статьѣ, на основаніи вполне достовѣрныхъ данныхъ, говоритъ о положеніи православныхъ людей, отданныхъ по Столбовскому договору (1617 г.) Швеціи, слѣдующее: „Вопреки договору, шведское правительство нимало не думало отказаться отъ обращенія въ лютеранство всѣхъ новопріобрѣтенныхъ подданныхъ и употребляло къ тому всѣ зависящія отъ него средства. Опасаясь чрезвычайныхъ перебѣговъ въ русскія владѣнія, оно старалось достигать своей цѣли при помощи мѣръ болѣе или менѣе благовидныхъ: строило лютеранскія кирки и завело (1625 г.) въ Стокгольмѣ славянскую типографію, въ которой дважды былъ отпечатанъ русскій переводъ Лютерова катихизиса и на финскомъ языкѣ славянскими буквами; когда эти мѣры оказывались недостаточными, употреблялись насилія. Кирки строились иногда на мѣстѣ православныхъ храмовъ, и православные финны все болѣе и болѣе лишались своей самостоятельности. Не одна ты-

*) Сентябрь и октябрь.

***) Для примѣра укажемъ на извѣстный фактъ изъ времени царствованія Петра III-го, когда одно время нѣмецкіе пастеры собрались въ Штетинѣ для обсужденія мѣръ къ распространенію у насъ лютеранства.

сяча ихъ была, такимъ образомъ, совращена въ лютеранство, но многіе изъ нихъ предпочли лучше оставить свое мѣстожителство. Огромными гурьбами бѣжали они въ единовѣрное Московское государство“.

Таково было положеніе вещей въ 17-мъ вѣкѣ. Съ тѣхъ поръ многое измѣнилось на нашей сѣверо-западной окраинѣ, но политика здѣшняго протестантства и по сію пору осталась вѣрна своимъ средневѣковымъ традиціямъ. Краснорѣчивый рассказъ о томъ, чего стоила эта политика и просвѣтительныя стремленія бѣднымъ латышамъ и эстамъ, мы находимъ въ „Запискахъ православнаго латыша Индрика Страумита“ (1840—1845 гг.). Записки эти, принадлежащія перу латыша изъ лифляндскихъ крестьянъ, повѣствуютъ объ извѣстномъ движеніи латышей и эстовъ изъ лютеранства въ православіе, начало коего относится къ сороковымъ годамъ. Здѣсь мы находимъ драгоценныя данныя касательно быта лифляндскихъ крестьянъ, ихъ отношенія къ помѣщикамъ и пасторамъ, общее настроеніе латышей и эстовъ, мысли, чувства и надежды, бродившія въ народной массѣ, коренныя причины и случайныя поводы обращеній изъ лютеранства въ православіе, характеръ противодѣйствія, встрѣченнаго этимъ движеніемъ со стороны лютеранскаго духовенства, лютеранскихъ помѣщиковъ и лютеранскаго чиновничества. Надѣмся, читатель не посѣтуетъ на насъ за то, что мы позволяемъ себѣ привести здѣсь нѣкоторыя наиболѣе характерныя мѣста, живописующія отношенія высокопросвѣщенныхъ культуртрегеровъ къ невѣжественнымъ Lops'амъ, не имѣющимъ высокой чести быть въ кровномъ родствѣ съ нѣмецкою рассою.

Описывая невыносимыя тягости, коими помѣщики-дворяне и привилегированные классы обременяли беззащитныхъ крестьянъ, авторъ спрашиваетъ: „кто-жь утѣшитъ, кто заступится? Не пастырь-ли духовный? Нѣтъ: „воронъ ворону глазъ не выклюнетъ“—гласитъ пословица“. Далѣе, въ различныхъ мѣстахъ своихъ записокъ, авторъ съ достаточною полнотою обрисовываетъ типъ тогдашняго пастыря духовнаго, лютеранскаго пастора. „А впрочемъ, посмотримъ,—говоритъ онъ,—что дѣлали и что подѣлываютъ наши отцы духовные — пасторы. Далекю

намъ до нихъ, такъ они умны, учены и набожны; посмотрите, какъ высоко они устроили себѣ каедръ, вадъ самымъ престоломъ, подъ самымъ потолкомъ. Оттуда гремятъ они свою паству грозными обличеніями. Но не въ этомъ дѣло; не громкія слова намъ нужны, а добрыя дѣла, безъ которыхъ и вѣра мертва. Взглянемъ-же на ихъ дѣла... Домашняя жизнь и служебная дѣятельность пасторовъ была исключительно посвящена интересамъ земнымъ. Они были ни болѣе, ни менѣе какъ трубою дворянства. На каедрѣ—мѣдь звенящая, да еще дурно звенящая, и все на одинъ ладъ... Задача ихъ жизни: какъ-бы только сократить расходы и увеличить доходы. Поэтому семейные пасторы оставались неотлучно у себя дома, даже въ воскресные и праздничные дни. Дни эти они сократили такъ, что едва-едва удержались воскресные и самые большіе праздники, которыхъ они не могли уничтожить. Все время они проводили въ смотрѣніи за ходомъ хозяйственныхъ работъ, и тоже не безъ тросточки; чинили судъ и расправу вездѣ и всякимъ манеромъ: и тросточкой, и ладонью, и щелчками, и щипками, разумѣется, чисто по отечески. Главнымъ ихъ развлеченіемъ было ходить на охоту съ помѣщиками и гонять звѣря стаями собакъ всѣхъ породъ и мастей... За отсутствіемъ или недостаткомъ собакъ къ исправленію ихъ должности сгонялись латыши... Своимъ духовнымъ дѣломъ пасторы занимались всего меньше. Отъ кирки и службы уклонялись, а латыша буквально ненавидѣли. Почти всѣ свои обязанности они сдавали помощникамъ, такъ называемымъ формидерамъ, которыхъ наставили множество во всѣхъ деревняхъ... Школъ для крестьянъ тогда не было вовсе. Да и не было въ нихъ надобности—такъ разсуждали пасторы. „Латышъ-мужикъ (баурисъ) такъ глупъ и безтолковъ, что нѣтъ возможности чему-либо научить его“, или: „да стоитъ-ли каждаго баура учить? Еще вздумаетъ уминчать“... Система пасторовъ сводилась къ слѣдующему правилу: если латышъ получилъ образованіе, то онъ долженъ окончательно отступить отъ своихъ единоплеменниковъ и сдѣлаться орудіемъ въ рукахъ нѣмца.. Представьте себѣ,—продолжаетъ далѣе тотъ-же авторъ записокъ,—представьте себѣ вѣсы съ двумя громадными и не-

подвижными чашками. На одной, высоко поднявшейся къ верху, нагромождены: покорность, безотвѣтность, безгласность, безмысліе, нужда, суевѣрія, невѣжество, голодъ, плотской и духовный—предметы все легкіе, а на другой, опустившейся до земли, даже отъ тяжести ушедшей въ землю, красуется Лифляндскій рай, тотъ рай, въ который не допускаются русскіе и котораго тайны только намъ дано созерцать лицомъ къ лицу. И чего въ немъ нѣтъ? Какихъ драгоценностей? Есть и германскія, рыцарскія, польскія, шведскія, русскія, и все старинныя, испытанныя и прочныя. Какъ полна эта чаша и какъ обильна! Вы тутъ не встрѣтите ничего легкаго и хрупкаго, а только предметы увѣсистые, цѣнные и устойчивые; это все свое, завоеванное, купленное, выпрошенное, отнятое и отбитое: сила, свобода, своевластіе, законность безъ закона, правда безъ правды; а надъ всею этою, вѣками накоплявшеюся, благодатию величаво развѣвается знамя привиллегій, съ грозною надписью: не тронь меня. Но по какому-то мановенію свыше, эти вѣсы зашевелились. Пасторы говорили и говорятъ, что это было по внушенію злаго духа... Итакъ, въ началѣ сороковыхъ годовъ въ Лифляндіи началось что-то новое, для пасторовъ совершенно неожиданное, никогда не приходившее имъ на умъ. Въ толкѣ возникъ какой-то ропотъ, стали ходить странныя рѣчи. Около того-же времени латыши стали болѣе чѣмъ прежде сблизжаться съ русскими, интересоваться ихъ бытомъ, всматриваться въ ихъ вѣру, стали сравнивать, повѣрять и сличать "... И вотъ: „посыпались проклятія изъ устъ пасторовъ, съ каѳедръ, а потомъ и въ печати, на латышѣй, по преимущественно на русскіхъ и на все русское. Священниковъ русскіхъ называли, впрочемъ и теперь называютъ, обманщиками, волками въ овечьихъ кожахъ, людьми, которыхъ неприлично и слушать. Затѣмъ, когда услышали, что латыши до того дошли, что несутъ освящать яблоки и сѣмена въ православныя церкви, стали печатно отвращать ихъ оттуда такими рѣчами: „вы идете въ чуждыя намъ церкви, несете туда сѣмена и плоды освящать чуждою намъ молитвою; думаете и вѣрите, что къ этимъ предметамъ можетъ пристать благодать Божія такъ-же легко, какъ снѣжка въ шерсти и пряжѣ“. О русскіхъ пасторы, дво-

ряпе, вообще нѣмцы и онѣмечившіеся латыши говорили всегда, какъ о пьяницахъ, ворахъ, идолопоклонникахъ, погавыхъ, и печатно увѣряли, что за всѣ эти добродѣтели священники глядятъ ихъ по головкѣ, и что тамъ (у русскихъ) каждый можетъ вѣрвать во что ему вздумается... Нѣмецкіе крики и брошюры не только не смущали латышей, а напротивъ производили на нихъ обратное дѣйствіе... Но чего же хотятъ, наконецъ, латыши? Что имъ нужно? Имъ пужно то, что имѣетъ Россія, что ей дано: живая вѣра, одинъ Царь, свобода обезпеченнаго быта и ощущеніе надъ собою закона; имъ нужно: сліяніе съ Россією полное, во всѣхъ отношеніяхъ... Движеніе 1841 г. охватило почти весь Остзейскій край. Латыши и эсты повалили со всѣхъ сторонъ въ Ригу записываться въ православіе и въ Ейскій край“. Первый кризисъ „лифляндскаго разслабленнаго“ закончился, какъ извѣстно, Беверсгофскимъ бунтомъ. Началомъ втораго кризиса авторъ считаетъ присоединеніе къ православію гернгутера Давида Балладо. Какъ скоро вѣсть объ этомъ событіи дошла до слуха латышей, повѣствуетъ тотъ-же анонимный авторъ, „мирно, тихо, спокойно, безъ шума, съ величайшимъ благоговѣніемъ, никого не трогая, ни дома, ни по дорогѣ, никого не задѣвая ни словомъ, ни дѣломъ, ни помѣщиковъ, ни пасторовъ, потекли латыши и эсты густыми толпами, со всѣхъ концовъ въ городъ Ригу, принимать новую вѣру, вѣру православную. Присоединеніе совершалось подъ рукою представителя православія, епископа Фларета... Здѣсь приняли православіе тысячи латышей и эстовъ... Едва-ли нужно изображать досаду, негодованіе и ярость пасторовъ при видѣ движенія народа. Какъ ни прѣтивно имъ было гернгутерство, но все-таки они видѣли въ немъ не болѣе, какъ безсильный протестъ и несостоятельную попытку создать новую вѣру. Теперь-же, напротивъ, ихъ паства убѣгала отъ нихъ въ отверзстыя врата Церкви, притомъ Церкви господствующей, слѣдовательно, уходила отъ нихъ на всегда. Они умоляли, угрожали, проклинали, клеветали и лгали на православіе и этимъ еще болѣе поощряли крестьянъ къ переходу... За отсутствіемъ зазорныхъ дѣлъ (бунта), стали придираться къ словамъ, чтобы основать на нихъ обвиненіе въ подговорахъ.

Шпіоны паплодilisъ по всей Лифляндіи: въ корчмахъ, на поляхъ, по дорогамъ, въ лѣсахъ, подъ окнами хатъ, въ сумеркахъ, управляющіе, мѣстные старосты, форминдеры подслушивали, что говорили мужики между собой; этой арміей шпіоновъ руководили главѣйшимъ образомъ пасторы. Шпіоновъ посылали и въ Ригу присутствовать при присоединеніи. И вотъ какимъ образомъ удалось, наконецъ, создать и пустить въ ходъ извѣстную фикцію объ эмиссарахъ православія, т. е. о священникахъ, будто-бы злонамѣренно мутившихъ воображеніе крестьянъ, суля имъ помѣщичью землю... Видя, что грубое насиліе не всегда удается, нѣмцы придумали новое средство *). Подъ предлогомъ предупрежденія безпорядковъ отъ одновременныхъ выѣздовъ большого числа крестьянъ, они успѣли испросить распоряженіе, чтобы никто не смѣлъ отправляться въ Ригу для припятія православія, не предупредивъ о томъ мѣстнаго управленія и не получивъ отъ него билета, и чтобы ѣздили записываться въ русскую вѣру (какъ выражались въ Лифляндіи) не куда кто пожелаетъ, а именно въ тотъ городъ, который прописанъ на билетѣ. Но въ то время православные священники были далеко не во всѣхъ городахъ; они еще только готовились ѣхать туда изъ Риги. Для нѣмцевъ тѣмъ, разумѣется, было лучше. Нужно было слѣпить, исполнять буквально и живо. Крестьянину прописываютъ билетъ въ Венденъ или Лемзаль, зная, что туда еще не прибылъ священникъ, приказываютъ съ билетомъ явиться въ полицію или въ Ордунгсъ-Герихтъ, а тамъ—свои люди, умѣющіе читать промежъ строкъ, зарубливаютъ на спинахъ предъявителей пестрыя отмѣтки, на память и вразумленіе, чтобы не пропала поѣздка даромъ“!..

По прошествіи 15—20-ти лѣтъ послѣ описываемыхъ происшествій мы видимъ совершенно иную картину. „Въ кругу новообращенныхъ латышей обнаружилось очень сильное обратное движеніе изъ православія въ лютеранство. Первыми признаками его были уклоненія православныхъ латышей отъ исповѣди и при-

*) Съ „старыми“ средствами и вообще съ частными фактами, на которые постоянно ссылается авторъ записокъ, желающій можетъ подробно ознакомиться изъ самаго первоисточника.

частіа, потомъ болѣе или менѣе упорное сопротивленіе со стороны родителей крещенію и миропомазанію ихъ новорожденныхъ дѣтей по чину православной Церкви, наконецъ стали поступать словесныя и письменныя просьбы о разрѣшеніи православнымъ переходить въ лютеранство, или, по крайней мѣрѣ, крестить въ лютеранскую вѣру дѣтей, рожденныхъ отъ браковъ лютеранъ съ православными. Пасторы и мѣстное гражданское начальство объясняли это неожиданное явленіе естественнымъ, по ихъ убѣжденію, пробужденіемъ въ душѣ крестьянъ, въ сущности никогда не вымиравшей, привязанности къ ихъ старой вѣрѣ, отъ которой они наружно отпали, будтобы только подъ вліяніемъ несбывшихся мірскихъ надеждъ. Но когда тѣхъ-же крестьянъ спрашивало духовенство, они отвѣчали, что тяжелая необходимость вынуждала ихъ къ вѣроотступничеству; что ихъ за то только, что они исповѣдывали *русскую* вѣру, стояли съ усадебъ подъ самыми пустыми предложениями, а иногда безъ всякихъ предлоговъ; что ради той-же причины имъ систематически отказывали въ работѣ; что всѣ повинности ложились на нихъ тяжелѣе, чѣмъ на лютеранъ, и взыскивались безпощаднѣе; что доводя ихъ преднамѣренно до нищеты, помѣщики, при всякомъ удобномъ случаѣ, давали имъ чувствовать, что все это дѣлалось съ ними потому только, что они православные и что житье ихъ немедленно измѣнилось-бы къ лучшему, еслибъ имъ удалось вернуться къ лютеранству; что пасторы съ каѳедръ глумились надъ ихъ вѣрою и патравливали на нихъ въ односельцевъ лютеранскаго исповѣданія; что на испытываемыя ими издавна обиды и притѣсненія они много разъ жаловались, но не находили защиты, ни сочувствія; что, наконецъ, мѣра ихъ терпѣнія переполнилась и что они по неволѣ обращались къ единственному выходу для себя, или по крайней мѣрѣ для дѣтей своихъ, изъ невыносимаго положенія отверженцевъ“ *).

Въ настоящее время вопросъ о православіи въ Прибалтійскомъ краѣ усердно разрабатывается современною печатью, и факты свидѣтельствуютъ объ удивительной устойчивости какъ

*), Русское Балтійское поморье Ынп. III, ст. 106.

нѣмецкой идеи, такъ и истинно христіанскихъ принциповъ протестантства *).

Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, если при рѣшеніи вопроса: „что дѣлать Россіи для собственнаго спасенія?“ современное протестантство съ неподражаемою самоувѣренностію взываетъ: „свѣтъ съ Запада!“ — „спасеніе отъ протестантства!“ Нужно сбросить окаменѣвшія формы, воспріять „духъ жизни“ отъ евангелической церкви, пріобщиться прогрессу и отречься отъ многовѣковой неподвижности византизма — вотъ въ немногихъ словахъ отвѣтъ протестантства на поставленный выше вопросъ, — отвѣтъ, естественнымъ образомъ вытекающій изъ протестантскаго міросозерцанія и нѣмецкаго высокомѣрія **). Ни школы и всяческія правительственныя мѣропріятія, ни усилія православнаго духовенства — ничто не можетъ спасти Россію отъ гибели: лишь реформа русской Церкви по началамъ реформации можетъ обновить тѣло Россіи и направить государство на новый, полный неисчислимыхъ благъ, путь. Этотъ „спасительный“ отвѣтъ — результатъ „серьезнаго“ и „непосредственнаго“ изученія вопроса — предлагается съ замѣчательнымъ единодушіемъ всѣми поименованными выше изслѣдователями, — конечно съ большою или меньшею прямою и обстоятельностью, смотря „по обстоятельствамъ“, характеру писателя и его „знакомству“ съ предметомъ.

Германъ Дальтонъ, высказывая открыто свои симпатіи „евангелическимъ теченіямъ“, однако не осмѣливается указать, къ какимъ результатамъ должны привести эти теченія, или даже приблизительно опредѣлить ихъ дальнѣйшее направленіе. — не

*) Интересный матеріалъ по данному вопросу читатель найдетъ, между прочимъ, въ недавно издаваемой въ Москвѣ брошюрѣ подъ заглавіемъ „Письма Филарета, архіепископа Черниговскаго“.

**) Еще Юрій Крыжанничъ въ достаточной степени опредѣленно охарактеризовалъ высокомѣрное отношеніе нѣмцевъ къ православному русскому народу. Исключая, что „нѣмцы проповѣдуютъ намъ печестивыя и гибельныя для душъ ереси“, онъ, между прочимъ, говоритъ, что „нѣмцы лукаво стараются убѣдить насъ, что все илнее самое лучшее, что все это намъ необходимо, все отластятъ намъ почестъ и такимъ образомъ ставятъ насъ, въ отношеніи къ нимъ, въ зависимость и подчиненіе... Часто я самъ слыхалъ, говоритъ онъ, отъ нихъ пригчу, коею они хвалятся и говорятъ своимъ: „кто хочетъ хлѣбъ даромъ ѣсть, да придетъ на Москву“.

осмѣливается, главнымъ образомъ, по той причинѣ, что это „hier zu Lande besonders erschwert“. Онъ ограничивается однимъ лишь общимъ замѣчаніемъ, что „время теперь наступило серьезное“ и въ борьбѣ съ теченіями можетъ надѣяться на успѣхъ только столь-же сильное религіозное убѣжденіе, какое онъ находитъ у штундистовъ и панковцевъ. Но представленная имъ характеристика православной Церкви не оставляетъ мѣста сомнѣнію относительно того, каковы его идеалы и пожеланія.

Freiherr von der Brüggem поставленъ въ болѣе благопріятныя условія и, повидимому, не встрѣчаетъ никакихъ препятствій для своей прозорливой предусмотрительности. Онъ видитъ уже и слѣдствія евангелически-религіознаго движенія въ Россіи, и дальнѣйшее направленіе этого движенія и, наконецъ, прямо, безъ всякихъ колебаній, указываетъ, гдѣ слѣдуетъ Россіи искать спасенія. Одно, что озабочиваетъ его, это трудность фактическаго осуществленія его проекта. Я не отрицаю, пишетъ онъ, что здѣсь (т. е. въ его планѣ) идетъ рѣчь о *революціонномъ* (?) движеніи, послѣдствія коего, трудно предвидимыя (sic!), въ состояніи отшатнуть отъ реформы всякаго, кто еще не теряетъ надежды, при помощи нынѣ существующаго государственнаго законодательства, найти необходимые пути для удовлетворенія современнымъ потребностямъ культурнаго развитія. По словамъ автсра, менѣе всего можно ожидать сочувствія къ рекомендуемой имъ реформѣ со стороны православной Церкви, такъ какъ въ этомъ случаѣ ей пришлось бы или добровольно согласиться на *самоубійство*, или-же воспринять въ себя реформаціонныя идеи. Но если трудно ожидать отъ нея, говоритъ онъ, перваго, т. е. добровольнаго согласія на самоубійство, то еще въ меньшей степени можно рассчитывать на послѣднее (на принятіе реформаціонныхъ идей), въ такой степени господствующій въ Церкви духъ чуждъ и враждебенъ реформаціоннымъ идеямъ. Государственная Церковь, какъ таковая представляетъ изъ себя силу, и для нея наравнѣ съ государствомъ, весьма важно, въ виду проникающихъ въ народный организмъ разрушительныхъ элементовъ, сохранить за собой эту силу. „И здѣсь, на церковной почвѣ, говоритъ онъ, точно также какъ и въ государственной области, недостаетъ рѣшимости для ка-

питательныхъ реформъ: то въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ выказываютъ терпимость, свободомысліе по отношенію къ религіознымъ убѣжденіямъ, то отступаютъ въ ужасъ, какъ скоро свободомыслящая дѣятельность принимаетъ болѣе значительный размѣръ“. Отсюда авторъ объясняетъ разность мѣропріятій въ области церковно-административныхъ распоряженій касательно раскола.

Итакъ, по мнѣнію автора, отъ русской государственной Церкви совершенно напрасно ожидать почва и симпатіи къ столь необходимому религіозному обновленію русскаго народа. Иное дѣло — государство. Оно, по его словамъ, могло-бы *легко* и притомъ съ самымъ блистательнымъ успѣхомъ взять на себя дѣло религіозной реформы, и именно — реформы „въ евангелическомъ духѣ“. *Никакое государственное предпріятіе — чинимъ мы — не было-бы столь легкимъ и въ тоже время не обѣщало-бы столь громаднаго выигрыша, какъ реформа русской Церкви въ евангелическомъ духѣ.* Эта по истинѣ замѣчательная фраза представляетъ собою итогъ всѣхъ разсужденій нашего автора о евангелически-религіозномъ движеніи въ Россіи.

Не въ столь ясной и *рѣшительной* формѣ, но не менѣе *внушительно* даетъ намъ понять и авторъ статьи „Lichtfunken in Russland“, что русскій народъ не удовлетворяется тѣмъ, что предлагаетъ ему русская православная Церковь для утоленія духовной жажды. Этимъ недовольствомъ онъ объясняетъ съ одной стороны возникновеніе сектъ съ евангелическимъ характеромъ, съ другой — стремленіе къ сближенію съ почитателями *истиннаго* православія. Оказывается, что „высокообразованнѣе“ члены русскаго общества уже теперь *на дѣлѣ* мыслятъ и вѣрують „по евангелически“ и лишь *по виду* остаются членами русской Церкви. Въ примѣръ того, какъ мыслятъ и вѣрують высокообразованные россіяне, авторъ передаетъ свой разговоръ съ нѣкоей баронессою М., „высокообразованной дамой греко-каѳолическаго исповѣданія“. „Во время пребыванія на Волыни, — рассказываетъ онъ, — мнѣ однажды привелось проѣхать довольно значительное пространство отъ П. до К. въ сообществѣ баронессы М., высокообразованной дамы греко-каѳолическаго исповѣданія. Къ счастію она говорила превосходно на нѣмецкомъ языкѣ, тогда какъ сопровождав-

шая ее Kammerfrau не понимала ни слова на этомъ языкѣ. Не прошло и четверти часа въ совмѣстномъ путешествіи, какъ баронесса сама завела рѣчь о религіи, библіи и Церкви. Радость и изумленіе возрастали во мнѣ по мѣрѣ того, какъ я все болѣе и болѣе убѣждался, что имѣю предъ собою „благородную“ (eine) ученицу Господа, которая оказалась не только вполне свѣдущею (zu Hause war) въ писаніи („Его словѣ“) и въ исторіи реформаціи, но и обрѣтшею въ евангельской истинѣ силу „понести крестъ за своимъ Спасителемъ“. О Россіи и русскомъ народѣ она держалась того мнѣнія, что для нихъ наступятъ лучшія времена лишь тогда, когда Господь возстановитъ для Россіи мужа, равнаго Лютеру, но изъ среды самихъ россіявъ. Баронесса увѣряла меня, продолжаетъ авторъ, что молится о такомъ мужѣ; что многія женщины изъ русскаго дворянства, включительно до высшихъ слоевъ, *въ души* держатся совершенно евангелическихъ понятій, ищутъ и находятъ утѣшеніе въ *тихомъ* общеніи съ Богомъ и Его словомъ, между тѣмъ, къ сожалѣнію, господа дворяне очень часто ни во что не вѣруютъ, въ чемъ и заключается одна изъ главнѣйшихъ причинъ разложенія“. Разсказъ заключается вполне правдивымъ замѣчаніемъ автора, что „вліяніе такихъ женщинъ на ихъ дѣтей и окружающихъ не можетъ остаться безъ послѣдствій“. Сказаннаго достаточно, дабы уразумѣть, въ какомъ направленіи ищетъ цитируемый нами писатель блага и спасенія Россіи.

Въ реформѣ греческой Церкви паходитъ единственное спасеніе Россіи и упомянутый нами выше корреспондентъ „Кельнской Газеты“. Указавъ въ концѣ своей корреспонденціи на религіозное возбужденіе, вызванное въ послѣднее время французскимъ проповѣдникомъ Veigne, онъ заканчиваетъ свои сообщенія слѣдующими *пророческими* словами: „здѣсь, въ этомъ религіозномъ пробужденіи, быть можетъ, есть основаніе для надежды на спасеніе этого государства, или лучше этого народа, этого общества. Реформа католицизма не могла-бы въ такой степени измѣнить Европу въ 16 в., въ какой реформа греческой Церкви въ 19 ст. была-бы въ состояніи преобразовать Россію“.

Носителями и пропагандистами „протестантской“ идеи являются тѣ тысячныя толпы *высокообразованныхъ* вѣмцевъ,

которые „наводняютъ Россію“. Этотъ Drang nach Osten, по мысли современныхъ протестантскихъ писателей, вмѣстѣ съ сферой экономической долженъ захватить и религіозную область. Піонеры матеріальной культуры должны быть въ то-же время піонерами реформаціи. По крайней мѣрѣ такъ смотрятъ на дѣло ихъ просвѣщенные пастыри и учителя. Въ подтвержденіе послѣдняго приводимъ отрывокъ изъ письма инспектора миссіонерскаго общества въ Кришновѣ, г. Раппарда, которое, въ качествѣ донесенія инспектора обществу о положеніи нѣмецкихъ колоній въ Южной Россіи, имѣетъ характеръ *официальнаго* документа. Письмо писано изъ Одессы и посвящено главнымъ образомъ восторженному описанію церковнаго торжества на Духовъ день въ одной изъ южныхъ нѣмецкихъ колоній. Торжество это состоялось въ открытой степи, вблизи колоніи Рорбаха-Вормса и состояло въ нѣснощвіяхъ и проповѣди. Въ заключеніе торжества инспекторъ Раппардъ, игравшій здѣсь первенствующую роль, счелъ необходимымъ *напомнить* собравшимся, со всѣхъ окрестныхъ колоній, нѣмцамъ объ ихъ *миссіи* по отношенію къ русскому народу. Вотъ эти слова, превосходно характеризующія взглядъ почтеннаго пастора-ревизора на взаимныя отношенія между нѣмцами-колонистами и русскими. „Въ концѣ торжества, пишетъ Раппардъ, я воспользовался случаемъ, чтобы напомнить нѣмцамъ Южной Россіи объ ихъ долгѣ по отношенію къ русскому народу: что они должны быть для послѣдняго *солью и свѣтомъ* и усердно молиться за народъ, „*сидящій во тьмѣ*“ *). Какъ мы потомъ увидимъ, подобныя увѣщанія не пропадаютъ даромъ.

Подводя итогъ всѣмъ разсужденіямъ большинства нѣмецкихъ изслѣдователей и обозрѣвателей внутренняго состоянія православной Церкви, мы находимъ, что нѣмецкая печать при обсужденіи церковныхъ вопросовъ, относящихся до Россіи, точно также какъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ, когда представляется необходимость или возможность обозначить взаимное отношеніе русскаго и нѣмецкаго элементовъ, выдвигаетъ на первый планъ культурную роль послѣдняго, а въ данномъ случаѣ *спеціально* протестантства. Deutschland, Deutschland über

* Der Glaubensbote und Mittheilungen aus der Pfilger-Mission. 1881. IV B. p. 92.

alles! такъ и слышится въ каждой строкѣ нѣмецкихъ изслѣдователей русской жизни. Насколько этотъ патриотизмъ благопріятствуетъ правдивости и объективности изученія, объ этомъ можетъ судить самъ читатель на основаніи собраннаго здѣсь матеріала.

Долгъ справедливости требуетъ однако сказать, что рядомъ съ указаннымъ нами *господствующимъ* направлеиіемъ въ изученіи современной Россіи существуетъ иное теченіе, идущее въ разрѣзъ съ общераспространенными взглядами и понятіями. Мы имѣемъ въ виду незначительную въ количественномъ отношеніи, но сильную знаніемъ и опытомъ, часть нѣмецкой печати, которая задалась похвальною, но трудною задачей: изгнать изъ нѣмецкаго общества фальшивыя воззрѣнія и толки о Россіи и на мѣсто „сознательной лжи“ и „неестественнаго“, высокоумнаго отношенія къ русской націи водворить въ немъ здравыя, согласныя съ дѣйствительностію понятія. Полагаемъ, судъ, произнесенный представителями этой части нѣмецкой печати надъ *господствующимъ* направлеиіемъ въ нѣмецкой прессѣ, выслушавъ будетъ читателями съ большимъ интересомъ и будетъ имѣть болѣе компетентности, чѣмъ наша собственная, быть можетъ, пристрастная и односторонняя оцѣнка.

Недавно вышелъ въ свѣтъ XXIII томъ нѣмецкой универсальной библіотеки: „Das Wissen der Gegenwart“. Небольшая книжка представляетъ собою начало новаго труда о Россіи, авторъ котораго—Мейеръ фонъ-Вальдекъ, бывший въ продолженіи 30 лѣтъ преподавателемъ въ С.-Петербургскомъ университетѣ и редакторомъ „большой“ газеты. Сочиненіе носитъ слѣдующее заглавіе: „Russland. Einrichtungen, Sitten und Gebräuche. 1 Abtheilung. Das Reich und seine Bewohner“. Въ предисловіи къ своему труду авторъ объясняетъ причины, заставлявшія его предпринять вышеназванный трудъ,—причины, лежащія именно въ характерѣ господствующаго литературнаго направлеиія въ Германіи. Смѣемъ думать, отзывъ такого компетентнаго писателя, хорошо знакомаго съ предметомъ изслѣдованія, заслуживаетъ съ нашей стороны полнаго вниманія. А онъ говоритъ слѣдующее:

„Нынѣ паровой ковъ съ берлинскимъ поѣздомъ въ 80 час. переноситъ насъ въ русскую резиденцію; цѣлыя арміи нѣмец-

кихъ путешественниковъ всякаго рода званія и образованія посѣщаютъ сосѣднее сѣверное государство; наши газеты переполнены (schwellen) оригинальными корреспонденціями изъ Имперіи, каждый книжный рынокъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи новыя, перѣдко объемистыя, сочиненія о Россіи, ея политической, духовной и нравственной жизни. Но однако нѣтъ страны въ мірѣ, о которой Германія имѣла-бы столь дурныя свѣдѣнія, чѣмъ она имѣетъ объ обширной странѣ Славянъ на своей восточной границѣ. Какъ это возможно? спрашивается. Какъ это мыслимо при столь восхваленной нѣмецкой основательности и добросовѣстности? Глубоко оскорбительный, но къ сожалѣнію неопровержимый отвѣтъ гласитъ: на русской границѣ вѣмецкая основательность и нѣмецкая добросовѣстность держатъ свою голову подъ покрываломъ. Германія пропитана насквозь упрямой, вскормленной на предразсудкахъ, антипатіи къ Россіи и ея правительству. Это нерасположеніе сѣется, обрабатывается и выращается ежедневною печатью. Немногія исключенія подтверждаютъ лишь правило. Большая часть нѣмецкихъ газетныхъ корреспондентовъ въ Россіи, незнакомыхъ ни съ языкомъ, ни съ пародомъ, ни съ своеобразными жизненными условіями государства, пишутъ такъ, какъ это угодно ихъ хозяевамъ, редакціямъ, а эти требуютъ пищи, которая приходится особенно по вкусу читателямъ. Я въ состояніи документально доказать, что нѣмецкія газеты перваго ранга, которымъ удалось добыть честныхъ корреспондентовъ, знающихъ языкъ, страну и людей, неумолимо вычеркивали у такихъ сотрудниковъ все, что содержало въ себѣ хотя малѣйшій намекъ на признаніе извѣстной цѣны за русскими отношеніями, давая мѣсто лишь всеосуждающей критикѣ. Въ такомъ переработанномъ видѣ они преподносили корреспонденціи своей публикѣ до тѣхъ поръ, пока честные люди, въ справедливомъ негодованіи, не отказывались отъ отвѣтственности за такую дырявую и искаженную истину, очищая поле болѣе podatливымъ умамъ, танцовавшимъ подъ дудку редакцій. А какимъ образомъ пишется большая часть новѣйшихъ сочиненій о Россіи, не говоря о немногихъ исключеніяхъ, каковы на примѣръ труды Г. фонъ Ленгельфельда (1876) и дру-

гихъ, впрочемъ не имѣвшихъ выдающагося значенія и не пріобрѣтшихъ особенной популярности? Быть можетъ, слѣдуютъ примѣру и берутъ въ образецъ лучшихъ англійскихъ писателей: Диксона, Берри, Уоллеса, которые много лѣтъ провели въ Россіи, самымъ основательнымъ образомъ изучили языкъ, страну, народъ, учрежденія и нравы, и только тогда вооруженные богатымъ запасомъ знанія, дерзали приступать къ разрѣшенію тяжелой задачи—написать книгу о Россіи? Нисколько. Напротивъ, появляются въ свѣтъ обширнѣйшія сочиненія о Россіи, задающіяся цѣлю—изобразить замѣчательныя обнаруженія ея жизни, а издатели ихъ никогда не бывали въ Россіи, не знаютъ языка этой страны и то, что пишутъ, частію вычитали изъ мало достовѣрныхъ источниковъ, частію заимствовали изъ рассказовъ различныхъ авантюристовъ. Не удивительно послѣ этого, что эти публикаціи полны (wimmeln) лжи, грубыхъ ошибокъ, забавныхъ недоразумѣній и самыхъ очевидныхъ доказательствъ величайшаго несправедливаго. Безсмысленная критика вѣнчаетъ дѣло, провозглашая подобныя сочиненія явленіями, составляющими эпоху, и скиваетъ имъ вѣру и расположеніе толпы. Въ виду такого положенія, я въ качествѣ нѣмецкаго писателя, которому дорога честь нѣмецкой литературы, съелъ своимъ долгомъ принять предложеніе издателя написать для ея научной бібліотеки (Wissen der Gegenwart) книгу о Россіи.—Таковъ отзывъ нѣмецкаго писателя объ отношеніи нѣмецкой прессы къ Россіи.

Что касается въ частности до сужденій нѣмецкой печати о православной Церкви и русскомъ сектанствѣ, то здѣсь мы въ состояніи сослаться на отзывъ другаго, не менѣе, чѣмъ Мейеръ-фонъ Вальдекъ, компетентнаго лица. Мы имѣемъ въ виду автора вышедшей въ началѣ прошлаго года брошюры, составляющей одинъ изъ выпусковъ общераспространеннаго въ Германіи дешеваго изданія: „Zeitfragen des christlichen Volkslebens“. Брошюра озаглавлена: „Русскіе сектанты“ *) и принадлежитъ перу Николая фонъ-Гербель-Эмбаха, известнаго автора вышедшей ранѣе брошюры о русскомъ нигилизмѣ **).

*) Russische Sectirer. Von Dr. Nicolaus von Gerbel-Embach. Heilbron. 1883.

***) Die Attentatsperiode in Russland.

Трудъ г. Н. Гербель-Эмбаха представляет собою рѣдкое явленіе въ области иностранной литературы по своей объективности и сравнительной основательности, свидѣтельствующей о знакомствѣ автора съ русскимъ языкомъ и нашею литературою, и что всего необычайнѣе—не только съ свѣтскою, но и духовною. Не имѣя въ виду входить въ обстоятельное разсмотрѣніе названнаго труда, я позволяю себѣ привести здѣсь лишь начальныя строки, въ коихъ авторъ передаетъ свой взглядъ на русскій расколъ. „Русское сектантство—говоритъ авторъ,—образуетъ одно изъ самыхъ выдающихся, поразительныхъ и своеобразнѣйшихъ явленій русской народной и государственной жизни. При этомъ принимаются въ соображеніе не только характерныя черты русскаго сектантства, но преимущественно также его происхожденіе и дальнѣйшее развитіе, потому что русское сектантство или, выражаясь по русски, расколъ возникъ въ Россіи безъ содѣйствія западно-европейскихъ вліяній. Равнымъ образомъ дальнѣйшая судьба этого возникшаго въ греко-россійской Церкви раздѣленія столь своеобразна, что изученіе его... во многихъ отношеніяхъ можетъ быть въ высшей степени поучительнымъ“. Нѣсколько далѣе онъ продолжаетъ: „однако расколъ можетъ быть понятенъ лишь при знаніи его первоначальной исторіи, что особенно примѣнимо къ читателямъ въ Германіи, и вообще въ западной Европѣ“,—добавляетъ при этомъ авторъ. Итакъ, вотъ выводъ, къ какому пришелъ Гербель-Эмбахъ, выводъ, весьма поучительный не только для нѣмецкихъ читателей, но и для большинства нѣмецкихъ писателей, берущихся судить и рядить о предметахъ, извѣстныхъ имъ только изъ мало достовѣрныхъ источниковъ или по рассказамъ тѣхъ путешественниковъ, кои хотя и имѣютъ глаза и уши, но видятъ и слышатъ не то, что есть въ дѣйствительности, и что желательно имъ или той редакціи, для которой они пишутъ свои оригинальныя корреспонденціи.

Дрезденъ.
Августъ 1834 г.

Діаконъ П. Буянцевъ.

(Продолженіе будетъ).

ИДЕАЛИЗМЪ И РЕАЛИЗМЪ.

(Продолженіе *).

VII.

Стремленіе къ умственной самостоятельности—исходный пунктъ новой философіи.—Важнѣйшіе вопросы въ этой философіи.—Отличительный ея характеръ.—Декартъ и Бэконъ какъ представители различныхъ направленій мысли въ новой философіи (раціонализма и эмпиризма).—Потребность самостоятельнаго изслѣдованія—общая ихъ черта.—Отличительныя черты умственнаго направленія Декарта, порожденнаго сознаніемъ неудовлетворительности тогдашняго образованія.—Декартъ искалъ знанія достовѣрнаго.—Признаки такого знанія.—Какъ нашелъ Декартъ положенія, признанныя имъ достовѣрными и въ чемъ они состоятъ?—Декартъ и Спиноза.—Въ чемъ Бэконъ видѣлъ неудовлетворительность современной ему науки и что признавалъ важнѣйшею ея цѣлью.—Вопросъ о методѣ.—Разность методовъ, предлагаемыхъ Декартомъ и Бэкономъ.—Сближеніе противоположныхъ взглядовъ Декарта и Бэкона относительно познавательной дѣятельности разума, происшедшее въ послѣдствіи на почвѣ вопроса объ отношеніи между вѣрою и разумомъ.—Исторія этого вопроса.—Исключительная важность знанія по понятіямъ Декарта и Бэкона.—Направленія философской критики относительно религіозной вѣры.—Существенное единство этихъ направленій.

Въ эпоху возрожденія классической древности отрицаніе схоластики было общимъ дѣломъ, въ которомъ сходились все представители гуманизма, особенно-же представители тогдашней философіи. Но отрицая схоластику, думали замѣнить ее древнею философіею, которую усердно старались возобновить въ ея подлинномъ видѣ, а если были также попытки и къ самостоятельному мышленію, то серьезнаго значенія онѣ не могли имѣть по причинѣ отсутствія въ нихъ всякаго опредѣленнаго метода. Такимъ образомъ отрицаніе схоластической философіи въ эпоху возрожденія классицизма опиралось глав-

*) См. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 18.

нымъ образомъ на авторитетъ древнихъ. Новая-же философія началась отрицаніемъ не только схоластики, но и самаго авторитета древнихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ были также положены начала для дальнѣйшаго, уже самостоятельнаго исполнѣ, развитія науки, особенно-же философіи, при чемъ, и это главное,— были указаны пути къ такому развитію.

Очевидно, по исходному своему пункту, заключающемуся въ требованіи полной умственной самостоятельности и въ стремленіи къ такой самостоятельности, новая философія начала съ того-же, съ чего начала и древняя философія, которая также съ самаго начала выступила на путь самостоятельнаго, ничѣмъ нестѣсненнаго и потому стройнаго, послѣдовательнаго развитія. Но при этомъ сходствѣ по исходному началу, древняя и новая философія представляютъ важное различіе относительно главной задачи, къ разрѣшенію которой были направлены усилія мышленія въ той и другой философіи.

Такъ какъ новой философіи предшествовало господство авторитета въ самой философіи, то чтобы обезпечить независимость отъ авторитета и исполнѣ самостоятельное развитіе, требовалось указать прежде всего надежный путь къ такому развитію, а это возможно было сдѣлать лишь установивъ, или по крайней мѣрѣ предположивъ извѣстный взглядъ на познаніе. Отсюда въ новой философіи вопросы, касающіеся познанія, являются постоянно на первомъ планѣ и получаютъ значеніе, какого они не имѣли въ древности. Даже рѣшеніе вопросовъ онтологическихъ основывается въ новой философіи на предварительномъ изслѣдованіи вопросовъ о познаніи. Древняя философія не была связана въ такой степени авторитетомъ преданій, а потому она сразу выступила на путь самостоятельнаго изслѣдованія и съ самаго начала устремила вниманіе на главный предметъ своихъ изысканій,—на природу. А потому и главный вопросъ, стоявшій всегда въ древней философіи на первомъ планѣ, былъ—о *сущности вещей*. Въ зависимости отъ этого древняя философія всегда отличалась преобладаніемъ предметной стороны въ ея изысканіяхъ и теоріяхъ, т. е. обращеніемъ главнаго вниманія на объективную сторону дѣйствительности, а не на субъективную сторону познанія; всего болѣе древняя

философія была занята тѣмъ, какъ существуютъ вещи, какова ихъ природа, а не тѣмъ, какъ онѣ познаются. Такимъ образомъ, господствующею чертою древняго философскаго мышленія слѣдуетъ признать *объективизмъ*, тогда какъ главною чертою новаго мышленія, въ отличіе отъ древняго, является *субъективизмъ*, какъ это видно хотя-бы уже изъ того, что первые и главные представители обоихъ направленій новой философіи, *раціонализма* и *эмпиризма* (Декартъ и Локкъ), одинаково находили возможнымъ усумниться въ бытіи внѣшняго міра, признавъ достовѣрнѣйшимъ для насъ, для нашего сознанія или мышленія, собственное наше субъективное бытіе. Впрочемъ, не безъ вліянія конечно, въ рассматриваемомъ отношеніи, было какъ на древнюю философію, такъ и на философію новую, то религіозное міросозерцаніе, на основѣ котораго развивалась та и другая философія, и едва-ли не важнѣйшее значеніе именно религіозному міросозерцанію слѣдуетъ приписать въ опредѣленіи отличительнаго характера обѣихъ философій, какъ-бы ни оцѣнивали это значеніе для себя самые представители философіи. Древнее греко-римское религіозное міросозерцаніе было натуралистическимъ, а по этому самому—*объективнымъ* по преимуществу: преимущественное присутствіе и обнаруженіе наиболѣе совершеннаго и священнаго древнее религіозное міросозерцаніе усматривало во внѣшней дѣйствительности, въ природѣ. Напротивъ христіанство есть религія духа по преимуществу, а потому можно сказать, что она, сравнительно съ древними натуралистическими религіями, есть преимущественно *субъективная*, ибо главное присутствіе и проявленіе наиболѣе совершеннаго и святаго христіанство полагаетъ въ духѣ, въ мірѣ субъективномъ, а не объективномъ; отсюда и поклоненія Богу оно требуетъ въ духѣ и истинѣ.

Декартъ и *Бэконъ Веруламскій*, отъ которыхъ ведетъ свое начало новая философія, одинаково начали тѣмъ, что отвергли всю прежнюю ученость, признали крайне несостоятельнымъ современное имъ образованіе. Но основаніемъ, служившимъ къ оправданію ихъ отрицательнаго взгляда на прежнюю ученость и состояніе тогдашняго образованія, является уже не пристрастіе къ древнимъ, а потребность самостоятельнаго изслѣдова-

нія. вмѣсто увлеченія и у Декарта и у Бэкона мы видимъ рѣшительное пренебреженіе къ древнимъ. По словамъ Бэкона, вся мудрость его вѣка потому и была несовершенна, что цѣликомъ заимствована у древнихъ. Оттого она представляла младенчество знанія, ибо была болтлива, но бесплодна. Декартъ не отвергалъ пользы изученія древнихъ языковъ и литературъ однакъжъ онъ полагалъ, что кто много занимается старыми книгами, того можно уподобить путешественнику, который, если долго остается въ чужихъ краяхъ, то разучается, наконецъ, понимать свой отечественный языкъ ¹⁾).

Какъ же именно выразилось стремленіе къ самостоятельному излѣдованію въ философіи Декарта и Бэкона? Декартъ собственнымъ опытомъ пришелъ къ убѣжденію въ шаткости научныхъ знаній того времени, испыталъ внутреннее состояніе сомнѣнія, бывшее послѣдствіемъ неудовлетворенной пытливости его ума. Онъ усердно занимался въ школѣ изученіемъ тогдашнихъ наукъ, но вышелъ изъ школы, не нашедши въ ней умственного удовлетворенія. Изъ всѣхъ наукъ одна лишь матема-

1) См. общее введеніе въ соч. Бэкона: *Magna instauratio scienciarum*. — „Я, говоритъ Декартъ, не пренебрегалъ упражненіями обычными въ школахъ. Я зналъ, что языки, которые тамъ изучаются, необходимы для пониманія древнихъ книгъ; что прелесть древнихъ пошествовацій возбуждаетъ духъ, что тѣ замѣчательныя дѣйствія, о которыхъ рассказываютъ историки, возвышаютъ его, и что если читать ихъ со вниманіемъ (*avec discretion*), то они изощряютъ разсудокъ, что чтеніе всѣхъ хорошихъ книгъ есть какъ-бы бесѣда съ лучшими людьми прошедшихъ вѣковъ, написавшими эти книги и въ нихъ положившими свои наиболее цѣнныя мысли, — что краснорѣчіе обладаетъ могуществомъ и красотой необычайными, что у математиковъ не мало есть замысловатыхъ вещей и замѣчательныхъ и полезныхъ, что сочиненія, въ которыхъ трактуется о правахъ, содержатъ много поучительнаго и располагающаго къ добродѣтели, что богословіе научаетъ достигать вѣчнаго блаженства, что философія даетъ возможность говорить обо всемъ и возбуждаетъ удивленіе у людей малознающихъ, что юриспруденція, медицина и другія науки доставляютъ богатство и почести тѣмъ, которые ими занимаются.... Но я полагалъ, что уже довольно употребилъ времени на языки и чтеніе старыхъ книгъ, исторій и сказокъ, ибо постоянно обращаться съ исторіями и сказаніями прежнихъ вѣковъ тоже, что путешествовать. Хорошо знать въ некоторой мѣрѣ нравы различныхъ народовъ, чтобы лучше судить о своихъ, и чтобы мы не думали, что все несогласное съ нашими обычаями смѣшно и неразумно. Но когда употребляютъ на путешествія слишкомъ много времени, то наконецъ дѣлаются иностранцами въ своемъ отечествѣ, и когда слишкомъ интересуются тѣмъ, что дѣлалось въ прежніе вѣка, то слѣдствіемъ этого бываетъ невѣдѣніе того, что происходитъ теперь“. *Discours de la methode, 1-re partie.*

тика приковывала къ себѣ его умъ очевидностію своихъ основныхъ положеній и ясностію доводовъ. Поэтому онъ думалъ, что и философію, дабы сдѣлать наукою достовѣрною, необходимо построить по методу математическому. Методъ же этотъ состоитъ въ томъ, чтобы изъ вполне достовѣрныхъ основныхъ положеній послѣдовательно извлекать, необходимо вытекающіе изъ нихъ, выводы и, такимъ образомъ, въ строгомъ порядкѣ, шагъ за шагомъ переходить отъ одного познанія къ другому; а потому требовалось прежде всего отыскать основныя положенія ¹⁾, и вотъ какъ Декартъ рѣшаетъ эту ближайшую и важнѣйшую задачу своей философіи.

Декартъ искалъ положеній достовѣрныхъ. Онъ искалъ прежде всего таковыхъ положеній потому, что не нашелъ удовлетворенія своей пытливости въ тогдашней наукѣ. Неудовлетворительное состояніе знаній того времени возбудило сомнѣніе у Декарта. А сомнѣніе можетъ быть разсѣяно только знаніемъ достовѣрнымъ.

Какими же признаками отличается знаніе достовѣрное? Какъ отличить достовѣрное отъ недостовѣрнаго? Знаніе достовѣрное, какъ выше сказано, есть то, которое въ состояніи дать

¹⁾ „Мнѣ особенно нравились, говоритъ Декартъ, математическія упражненія, по причинѣ достовѣрности (de la certitude) и очевидности основаній (raisons), но я еще не понималъ истиннаго значенія ихъ, и думая, что они служатъ только на пользу механическимъ искусствамъ, я удивлялся, что на основаніяхъ столь твердыхъ и надежныхъ ничего не воздвигнуто божіе возвышеннаго, какъ наоборотъ я сравнивалъ сочиненія древнихъ язычникомъ, въ которыхъ трактуется о нравственности, съ дворцами величественными и блестящими, но построенными на пескѣ“. Ibid. „Эти длинныя сцѣпленія основаній (chaines de raisons) прстыя и легкія, которыми пользуются геометры, дабы достигнуть болѣе трудныхъ доказательствъ, дали мнѣ случай вообразить, что всѣ вещи, доступныя нашему познанію, такимъ-же образомъ слѣдуютъ одна за другою, и что если только удерживаться отъ принятія за истину того, что на самомъ дѣлѣ ложно, и если сохранять должный порядокъ, когда выводимъ одну вещь изъ другой, тогда нѣтъ столь отдаленныхъ вещей, чтобы не возможно ихъ было достигнуть и до такой степени сокровенныхъ, чтобы нельзя было открыть. Принимая во вниманіе, что между всѣми, которые доселѣ искали истины въ наукахъ, одни только математики могли найти нѣкоторыя доказательства (demonstrations), т. е. основанія вѣрныя и очевидныя, я не сомнѣвался, что и мнѣ слѣдуетъ по примѣру ихъ начинать съ легчайшаго, хотя при этомъ я и не ожидалъ никакой иной пользы, какъ только того, чтобы приучить свой умъ питаться истинною и не довольствоваться ложными основаніями“. Ibid. seconde partie.

полное удовлетвореніе нашему уму, — присущей ему пытливости. А умъ — это какъ-бы внутреннее зрѣніе, око души ¹⁾. Поэтому умъ только тогда можетъ быть вполне удовлетвореннымъ, когда онъ познаетъ ясно и раздѣльно, точно также какъ и глазами мы вполне видимъ предметъ только тогда, когда видимъ его совершенно ясно и раздѣльно. Сомнѣніе относительно познанія яснаго и раздѣльнаго было бы умѣстно только тогда, если предположить, что разумъ нашъ во все лишень способности познавать истину; но усумниться въ способности разума познавать истину — значитъ усумниться въ истинности самого Бога, который одарилъ насъ разумомъ, конечно, не для того, чтобы разумъ нашъ только обманывался. Далѣе знаніе достовѣрное должно быть непреложно: достовѣрное знаніе есть истинное знаніе, а истина неизмѣнна. Отсюда очевидно, что только такія идеи могутъ дать намъ достовѣрныя положенія, которыя не зависятъ отъ нашего произвола, не могутъ быть образованы нами самопроизвольно. Но могутъ ли быть предметомъ и основаніемъ достовѣрныхъ положеній идеи, заимствованныя отъ внѣ, приобрѣтенныя чрезъ чувственное воспріятіе? И этого рода идеи также не могутъ намъ дать достовѣрныхъ положеній. Такъ какъ только умъ обладаетъ способностью познавать ясно и раздѣльно (чувства, какъ увидимъ, такого познанія не даютъ), а только такое познаніе достовѣрно, то, въ чемъ заключаются признаки достовѣрнаго познанія, тамъ же долженъ быть и самый источникъ такого познанія. Ясность и раздѣльность — эти признаки могутъ быть даны только въ нашемъ умѣ, а потому и самыя положенія или истины, познаваемые ясно и раздѣльно, также должны быть неизмѣнно присущи нашему разуму, а это само собою предполагаетъ, что идеи, служащія предметомъ таковыхъ положеній, должны быть прирожденными нашему уму ²⁾. Если же такъ,

¹⁾ „Умственное постиженіе, говоритъ Декартъ, не есть зрѣніе, ни прикосновеніе, ни воображеніе, но созерцаніе духа (n'est point une vision... mais seulement une inspection de l'esprit), которое можетъ быть и темнымъ и яснымъ, смотря потому, съ какимъ вниманіемъ мы относимся къ тому, что въ немъ содержится“. *Meditations touchant la philosophie premiere... Meditation seconde.*

²⁾ „Во-первыхъ я старался найти вообще принципы или первыя причины всего, что есть или можетъ быть въ мірѣ, не теряя, конечно, изъ мысли того, что Богъ

то ясно, что самое первое и достовѣрнѣйшее познание можетъ быть добыто единственно путемъ размышленія, именно чрезъ обращеніе ума къ самому себѣ, слѣдовательно путемъ само-сознанія. Какъ самообольщеніе есть единственный источникъ заблужденій, такъ, наоборотъ, самопознание есть единственный путь къ достовѣрному познанію.

Посмотримъ теперь, какъ Декартъ выводитъ первое достовѣрное положеніе, а затѣмъ и другія, признаваемые имъ столь же достовѣрными, и которыя онъ поэтому полагаетъ въ основу всей своей философіи.

Сомнѣніе побудило Декарта искать знанія достовѣрнаго; въ немъ-же, въ сомнѣніи, онъ ищетъ и самаго выхода изъ него, въ немъ ищетъ указанія на разрѣшающее его достовѣрное познание. И это понятно. Сомнѣніе порождается тѣмъ, что не достовѣрно. Итакъ, чтобы видѣть, какъ далеко простирается недостовѣрное, для этого нужно только довести сомнѣніе до послѣдней степени возможности. Крайній предѣлъ возможнаго сомнѣнія и будетъ показателемъ того, гдѣ начинается достовѣрное познание. Какъ-же далеко можетъ простираться наше сомнѣніе? Можно усомниться во всемъ, о чемъ свидѣтельствуя виѣшнія чувства, такъ какъ чувства нерѣдко обманываютъ, а потому мы можемъ предположить, что весь этотъ окружающій насъ міръ и даже собственное наше тѣло не существуетъ. Далѣе можно допустить, что и разумъ насъ обманываетъ, что онъ не способенъ познавать истину, но и послѣ этого всего остается нѣчто несомнѣннымъ, и только это одно и не можетъ подлежать сомнѣнію, а именно: существованіе того самаго я, которое сомнѣвается. Что я существую, въ этомъ удостовѣряетъ меня самое сомнѣніе: я не могъ бы сомнѣваться, если бы не существовалъ, а сомнѣваться—значитъ мыслить; поэтому иначе и яснѣе слѣдуетъ сказать, что въ мышленіи заключается ручательство нашего существованія. А какъ-бы это могло быть, какимъ-бы образомъ чрезъ мышле-

одинъ его произвелъ, и не заимствуя ихъ изъ какого либо иного источника, какъ только изъ нѣкоторыхъ сѣмянъ истинъ, заключающихся въ природѣ нашихъ душъ“ (sans rien considérer pour cet effet que Dieu seul qui l'a créé, ni les (principes) tirer d'ailleurs que de certaines semences de vérités qui sont naturellement en nos âmes) Discours de la methode, sixieme partie.

ніе я удостовѣрялся въ собственномъ существованіи, если-бы мышленіе не было неразрывно связано съ моимъ существованіемъ, если-бы, т. е., въ мышленіи не заключалось собственное наше существо, сущность нашего бытія? Итакъ, вотъ первое достовѣрное положеніе, какое только мы можемъ имѣть. Несомнѣнно, что мы существуемъ и что сущность нашего бытія заключается въ мышленіи. Отсюда видно, что прежде всего мы должны признать прирожденною нашему уму идею о нашемъ я, какъ субстанціи мыслящей. Означенное положеніе о собственномъ нашемъ существованіи отличается совершенною ясностію и раздѣльностію, а вмѣстѣ съ тѣмъ оно достовѣрно, причемъ достовѣрность его опирается на безусловной невозможности въ немъ усумниться. Коль скоро-же положеніе вполне достовѣрное отличается ясностію и раздѣльностію, то необходимо отсюда заключить, что и всякое другое положеніе, отличающееся тѣми-же качествами, должно быть признано не менѣе достовѣрнымъ. Такъ оправдывается сдѣланное выше предположеніе, что достовѣрное познаніе должно быть яснымъ и раздѣльнымъ; вмѣстѣ съ этимъ мы теперь уже должны устранить тотъ предлогъ къ сомнѣнію, что разумъ нашъ, быть можетъ, обманывается. Теперь для насъ уже не подлежитъ сомнѣнію, что когда познаніе, заимствуемое изъ разума, ничѣмъ не затемнено, но отличается ясностію и раздѣльностію, тогда нельзя сомнѣваться въ его достовѣрности. Между тѣмъ сверхъ идеи о я, какъ существѣ мыслящемъ, мы имѣемъ и другія идеи, которыя познаемъ столь-же ясно и раздѣльно. Таковы: идея безконечной субстанціи, идея субстанціи протяженной. Подобно тому какъ я существую чрезъ то, что мыслю себя, изъ чего видно, что мышленіе имѣетъ необходимую связь съ моимъ бытіемъ,—такъ точно мыслимая мною идея безконечнаго существа имѣетъ необходимую связь съ бытіемъ этого существа и потому сама по себѣ свидѣтельствуетъ о бытіи этого существа. Безъ идеи субстанціи безконечной и я самъ не могъ-бы сознавать себя ограниченнымъ; только въ виду неограниченнаго существа и въ сравненіи съ нимъ дѣлается очевидною для меня ограниченность собственнаго существа, слѣдовательно столь-же необходимую связь имѣетъ идея без-

конечной субстанціи съ сознаніемъ нашего ограниченнаго бытія, какъ и съ бытіемъ самой безконечной субстанціи. Наконецъ, я познаю себя съ совершенною ясностію и отчетливою не только какъ мыслящее, но вмѣстѣ и какъ протяженное существо, причемъ съ протяженіемъ также необходимо соединяется бытіе тѣла, какъ съ мышленіемъ неразлучно бытіе духа, и слѣдовательно чрезъ идею протяженія, данную во мнѣ, также точно познается существо тѣла, какъ чрезъ идею мышленія познается существо духа. Итакъ идея души, какъ мыслящей субстанціи, идея Бога, какъ субстанціи безконечной и идея тѣла, какъ субстанціи протяженной,—таковы идеи, находимыя прежде всего въ нашемъ мышленіи. Эти идеи, по Декарту, составляютъ основаніе всѣхъ дальнѣйшихъ познаній нашихъ, какъ о безконечной субстанціи, такъ и о субстанціяхъ конечныхъ, а потому должны быть признаны данными въ нашемъ умѣ первоначально, т. е. природными. Таковы главные выводы философіи Декарта.

Исходный пунктъ этой философіи заключается въ самосознаніи. Но можно-ли признать самосознаніе въ самомъ дѣлѣ первоначальнымъ исходнымъ пунктомъ философскаго познанія? Однако самъ-же Декартъ нашелъ, что мы не могли-бы сознать своей ограниченности, если-бы не было у насъ идеи безграничной субстанціи ¹⁾. Самосознаніе въ томъ главномъ образомъ состоитъ, что я сознаю себя ограниченнымъ существомъ, а ограниченное предполагаетъ бытіе неограниченнаго и только на основаніи идеи неограниченнаго можетъ быть познавано; само-же неограниченное какъ существуетъ чрезъ себя самого, такъ равно чрезъ себя самого должно и познаваться.

¹⁾ „И я не долженъ въобразить, что безконечное я понимаю (conçois) не чрезъ истинную идею, а только посредствомъ отрицанія конечнаго, такъ-же какъ я разумѣю покой и тьму чрезъ отрицаніе движенія и свѣта, ибо напротивъ я вижу ясно, что больше реальности содержится въ субстанціи безконечной, чѣмъ въ субстанціи конечной, и слѣдовательно я имѣю въ себѣ понятіе о безконечномъ прежде понятія о конечномъ, т. е. понятіе о Богѣ во мнѣ предшествуетъ понятію о себѣ самомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ-бы образомъ я могъ сознать, что я сомнѣваюсь и желаю, т. е. что мнѣ чего-то недостаетъ и что я неполнѣ совершененъ, если-бы у меня не было идеи о существѣ болѣе совершенномъ, чѣмъ я самъ, чрезъ сравненіе съ которымъ я познаю недостатки собственной природы“.
Meditatio troisieme.

Отсюда очевидно, что исходный пунктъ философіи долженъ заключаться не въ самосознаніи, а въ Богопознаніи, не въ идеѣ ограниченнаго существа, а въ идеѣ существа безграничнаго. Такова точка зрѣнія философіи *Спинозы*. Только тогда и возможно выполнить требованіе Декарта, чтобы философія была построена по математическому методу, если за исходный пунктъ философіи берется идея неограниченнаго существа. Сущность математическаго метода, какъ сказано, состоитъ въ томъ, что одно познаніе выводится изъ другаго, какъ слѣдствіе изъ основанія. Но понятно само собою, что основаніемъ для вывода познанія обо всемъ существующемъ можетъ служить единственно идея такого существа, чрезъ которое все другое существуетъ и познается, но которое само ни отъ чего независимо, а потому чрезъ себя и существуетъ и познается. Этимъ оправдывается принятая Спинозою, означенная выше точка зрѣнія въ его философіи.

Бэконъ, какъ мы видѣли, также пришелъ къ отрицанію современной учености и созналъ необходимость выступить на путь самостоятельнаго изслѣдованія. Но къ сознанію несостоятельности современнаго ему образованія и науки онъ пришелъ не чрезъ сомнѣніе, какъ *внутреннее* состояніе духа испытующаго и не находящаго удовлетворенія, а чрезъ *внѣшнее* наблюденіе надъ пѣкоторыми фактами. Эпоха, когда жилъ Бэконъ, была ознаменована многими открытіями и изобрѣтеніями, имѣвшими большое практическое значеніе. Между тѣмъ Бэконъ видѣлъ, что никакой правильности и системы не было въ происхожденіи этихъ изобрѣтеній и открытій. По замѣчанію Бэкона, изобрѣтенія и открытія, сдѣланныя въ то время, были дѣломъ случая, а не преднамѣреннаго изученія: не было никакой необходимой связи между наукою его времени и тѣми счастливыми открытіями, которыя измѣнили состояніе міра. Такъ какъ всякое полезное изобрѣтеніе въ сущности есть только примѣненіе даннаго закона природы, то ясно, что путь къ открытіямъ и изобрѣтеніямъ лежитъ въ *систематическомъ изученіи природы*. Но доселѣ такого изученія, по мнѣнію Бэкона, не было. Ученые занимались словопреніями, а не изученіемъ вещей. Они заботились не объ умноженіи знаній, а

только объ усвоеніи и передачѣ послѣдующимъ временамъ того, что дошло до нихъ по преданію отъ древнихъ временъ, когда наука была въ состояніи младенческомъ; если-же и замѣчается у нѣкоторыхъ стремленіе къ самостоятельности, то не истолкованіе природы было ихъ цѣлью, а торжество своего мнѣнія надъ мнѣніями другихъ. Это-то именно поклоненіе авторитету древнихъ, отсутствіе самостоятельнаго изслѣдованія и было главною причиною того, что наука оставалась неподвижною и бесплодною для жизни. Между тѣмъ истина—дочь времени, а не авторитета: наука должна поэтому двигаться вмѣстѣ съ потребностями и задачами своего времени. Она должна заимствовать для себя цѣли изъ современнаго состоянія міра ¹⁾.

¹⁾ „Знанія, говоритъ Вэконъ, которыми владѣемъ мы нынѣ, почти цѣликомъ получили начало въ Греціи, ибо то, что могли присоединить къ нимъ писатели римскіе и арабскіе, или даже болѣе повне, не имѣетъ большой важности ни по объему, ни по достоинству своему. И каковы-бы ни были эти добавленія, во всякомъ случаѣ несмнѣнно, что основаніемъ ихъ служатъ найдепное греками. Между тѣмъ эта мудрость грековъ была проникнута наставническимъ тономъ и распускалась въ словесныхъ диспутахъ, каковое занятіе наиболѣе неблагопріятно для изысканія истины... Нельзя умолчать о сужденіи, или вѣрнѣе пророчествѣ, египетскаго жреца касательно грековъ: вы всегда были дѣтьми, сказалъ онъ, и бѣтъ у васъ ни древности знанія, ни знанія древности. Въ самомъ дѣлѣ, прилагая къ грекамъ то, что характеризуетъ дѣтей, можно сказать, что у нихъ былъ болтливыи языкъ, но не были они способны раждать, и ихъ мудрость была столь-же не богата дѣйствіями, сколько плодотворна на слова. Самый лучший знакъ, по которому можно оцѣнить философскія ученія—это ихъ плоды... Но какіе плоды дали философскія умозрѣнія Греціи и ихъ развѣтвленія въ частныхъ наукахъ? Едва-ли въ продолженіи столькихъ вѣковъ можно указать хотя-бы одинъ опытъ, сдѣланный съ цѣлью улучшить положеніе людей и который можно-бы признать послѣдствіемъ всѣхъ этихъ умозрѣній и философскихъ догматовъ. Еще Цельсусъ указалъ на это съ удивительною проницательностію и безпристрастіемъ: „Не слѣдуетъ думать, говоритъ онъ, что лекарства, употребляемая медиками, изобрѣтены методически на основаніи познанія причинъ или принциповъ философіи и были ихъ практическими послѣдствіями. Напротивъ, сначала эти средства были найдены, потомъ уже стали объ нихъ разсуждать, рѣшились отыскивать ихъ причины и осмѣлились назвать ихъ“. Недаромъ у египтянъ, которые воздавали публичныя почести изобрѣтателямъ слезныхъ вещей и причисляли таковыхъ къ богамъ, находимъ больше изображеній животныхъ, чѣмъ образовъ человеческихъ: дѣло въ томъ, что животныя, руководимыя инстинктомъ, указали людямъ путь къ многочисленнымъ изобрѣтеніямъ, между тѣмъ какъ люди умѣли только разсуждать и нагромождать доказательства, не сдѣлавъ этимъ бесплоднымъ способомъ никакихъ истинныхъ открытій. Впрочемъ, занятія химиковъ не остались бесплодными,

Итакъ первое условіе для самостоятельности изслѣдованія— не довѣрять слѣпо мнѣніямъ другихъ. Но не слѣдуетъ также увлекаться и собственными мнѣніями. Необходимо имѣть въ виду, что умъ, предоставленный самому себѣ, порождаетъ лишь предразсудки, и до такой степени къ нимъ пристращается, что теряетъ способность правильно познавать вещи. Онъ предупреждаетъ природу вмѣсто того, чтобы слѣдовать ея указаніямъ. Создаваемые имъ идолы, подобно блудящимъ огнямъ, своимъ фальшивымъ свѣтомъ увлекаютъ его на ложный путь. Поэтому необходимъ надежный руководитель, который должнымъ образомъ направлялъ-бы дѣятельность ума. Такимъ ру-

но это зависѣло отъ случая и какъ-бы мимоходомъ произошло: до извѣстной степени они разнообразить свои опыты, какъ это дѣлаютъ обыкновенные ремесленники, но не руководясь истинными принципами своего искусства и не пользуясь для этого извѣстною теоріею, которая-бы освѣщала имъ путь, ибо та теорія, которую они измыслили, способна скорѣе разстроитъ практику, чѣмъ оказать ей помощь. И это должно сказать даже о тѣхъ, которые занимаются такъ называемую натуральною магіею,—и тѣ изобрѣли немного; притомъ-же всё ихъ изобрѣтенія вничтожны и много въ нихъ обмана. Между тѣмъ основное требованіе религіи, чтобы вѣра проявлялась въ дѣлахъ, приложимо и къ философіи. И объ ней должно судить по ея плодамъ; и если она бесплодна, то слѣдуетъ ее отвергнуть, какъ бесполезную, особенно когда вмѣсто винограда и оливы она своими диспутами и дебатами изводитъ только волцы и тернія... Тѣзнанія, которыя имѣютъ свое основаніе въ самой природѣ, возрастаютъ и усовершенствуются; имѣющія-же основаніемъ не природу, а мнѣніе, только измѣняются, но не возрастаютъ... Если-бы ученія, о которыхъ говоримъ, имѣли свои корни въ самой природѣ, такъ чтобы изъ нея могли замѣтывать все свое существо, то не оставались-бы въ теченіи двухъ тысячъ лѣтъ почти въ томъ-же состояніи, безъ всякаго замѣтнаго усовершенія. Между тѣмъ въ искусствахъ механическихъ, имѣющихъ своимъ основаніемъ самую природу и освѣщаемыхъ свѣтомъ опыта, мы видимъ ходъ дѣлъ противоположный тому состоянію, въ какомъ находятся науки. Искусства эти какъ бы проникнуты животворящимъ духомъ, побуждающимъ ихъ произрастать и расширяться непрерывно“. *Novum Organum* LXXI—LXXV. „Мы видимъ, говоритъ далѣе Бэконъ, что полезныя открытія и прекрасныя изобрѣтенія занимаютъ первое мѣсто между человѣческими дѣяніями, и таково было сужденіе объ этомъ предметѣ глубокой древности, воздававшей божескія почести изобрѣтателямъ... Не худо также представить себѣ силу, удивительное вліяніе и безчисленныя послѣдствія нѣкоторыхъ открытій. Нѣтъ другаго болѣе очевиднаго и поразительнаго прихѣра такого вліянія, какъ тотъ, который представляютъ собою три вещи, не извѣстныя древнимъ, происхожденіе которыхъ, хотя и недавнее, совершилось безъ шума и блеска. Я говорю объ изобрѣтеніяхъ книгопечатанія, пороха и комнаса. Эти три изобрѣтенія измѣнили видъ земнаго шара и произвели три великихъ переворота: одинъ въ наукахъ, другой въ военномъ искусствѣ и третій въ мореплаваніи“. *Ibid.* CXXIX.

ководителемъ для ума въ лабиринтѣ природы можетъ быть только правильный методъ. Именно, чтобы дѣятельность ума была плодотворною, т. е. чтобы познаніе вещей дѣйствительно достигалось, для этого умъ долженъ въ своемъ дѣйствіи опираться на широко поставленномъ опытѣ, многообразно и всесторонне провѣряемомъ, и не иначе подвигаться впередъ въ своихъ обобщеніяхъ и выводахъ, какъ непрерывно слѣдуя указаніямъ опыта, переходя такимъ образомъ отъ познанія явленій къ опредѣленію причинъ этихъ явленій, отъ частныхъ фактовъ мало-по-малу восходя къ опредѣленнымъ принципамъ.

Съ перваго взгляда очевидно, что и для Бэкона и для Декарта первостепенное значеніе имѣлъ вопросъ о методѣ. И это понятно. Самостоятельное изслѣдованіе можетъ быть обезпечено только правильнымъ методомъ; чтобы безъ чужой помощи идти къ предположенной цѣли, для этого необходимо знать тотъ путь, который ведетъ къ этой цѣли. Одинаково сознавая важность правильнаго метода въ дѣлѣ изслѣдованія, Бэконъ и Декартъ сходились и въ опредѣленіи ближайшей задачи методическаго изслѣдованія. Задача эта должна состоять въ открытіи основныхъ принциповъ, т. е. такихъ общихъ положеній, на которыхъ-бы утверждались всѣ наши познанія и которыя давали-бы намъ ключъ къ изъясненію всѣхъ доступныхъ нашему познанію предметовъ. Но при этомъ Декартъ полагалъ, что достаточно одного правильно веденнаго размышленія для отысканія принциповъ философскаго познанія вещей. Бэконъ-же былъ убѣжденъ въ томъ, что размышленіе само по себѣ безсильно проникнуть въ природу вещей, что для этого самый умъ нуждается въ надежномъ руководителѣ, а такимъ руководителемъ можетъ быть только правильный опытъ, т. е. наблюденіе, вспомоцествуемое искусственнымъ воспроизведеніемъ наблюдаемыхъ явленій съ цѣлію точнѣйшаго и всесторонняго ихъ изученія. Отсюда различно также понимается у Декарта и Бэкона и самый методъ, предлагаемый тѣмъ и другимъ въ качествѣ необходимаго и надежнаго орудія къ самостоятельному изслѣдованію. Методъ Декарта состоитъ въ указаніи пути или руководящихъ правилъ для мышленія. Методъ-же Бэкона даетъ правила для систематическаго наблюденія, для анализа

наблюдаемаго и вывода заключеній изъ данныхъ опыта. Однакожь, какъ не велика, повидимому, противоположность между Декартомъ и Бэкономъ въ ихъ взглядахъ относительно направленія и конечныхъ цѣлей научнаго самостоятельнаго изслѣдованія, положеніе того и другаго въ отношеніи къ прошлому, а также и къ будущему дальнѣйшему развитію философіи, было таково, что неминуемо должно было послѣдовать сближеніе и взаимодействіе и, наконецъ, смѣшеніе знаменуемыхъ названными философами направленій мысли. А чтобы яснѣе представить это ихъ положеніе относительно прошлаго и вліяніе этого положенія на дальнѣйшее, припомнимъ въ общихъ чертахъ уже разсмотрѣнное доселѣ развитіе философіи.

Въ древней философіи, какъ выше представлено, реализмъ и идеализмъ выразились въ попыткахъ рѣшенія вопроса о сущности вещей, такъ какъ этотъ вопросъ былъ первенствующимъ въ тогдашней философіи. Реализмъ признавалъ бытіе по сущности множественнымъ: всякая отдѣльная вещь состоитъ, по ученію реализма, изъ множества частицъ, и самый этотъ міръ, въ которомъ мы находимся, есть одинъ изъ безчисленнаго множества таковыхъ-же міровъ. Всѣ переменны, и прежде всего основныя переменны происхожденія и разрушенія, состоятъ въ механическихъ процессахъ соединенія и раздѣленія частицъ. Идеализмъ-же, то отрицая, то признавая существованіе множества, полагалъ, что не множество, а единство есть важнѣйшее существенное опредѣленіе бытія (причемъ, по мнѣнію однихъ, что даетъ единство множеству, лежитъ внѣ самаго множества, по мнѣнію-же другихъ—нераздѣльно связапо со множествомъ). А потому идеализмъ училъ, что не множество міровъ, а одинъ только міръ существуетъ, что въ этомъ единомъ мірѣ господствуетъ всеобъемлющій порядокъ и гармонія частей въ цѣломъ и что, наконецъ, начало, приводящее все къ единству, есть разумъ, который, хотя и проявляется, какъ сила не только соединяющая, но и раздѣляющая, однако самое раздѣленіе имѣетъ цѣлію единство (ибо раздѣляется разнородное, дабы однородное могло соединиться съ однороднымъ). Вообще разумъ, по ученію древняго идеализма, проявляетъ себя въ дѣятельности, направленной къ осуществленію цѣлей, причемъ

самая цѣлесообразность все устрояющей дѣятельности разума состоитъ въ подчиненіи частнаго общему, въ согласованіи отдѣльныхъ частей съ порядкомъ цѣлаго, слѣдовательно въ господствѣ единства надъ множествомъ. Въ правоучительной философіи древности противоположность идеализма и реализма проявилась въ той-же формѣ универсализма съ одной стороны и индивидуализма съ другой. Такъ какъ однако, по ученію идеализма, разумъ повсюду только стремится къ единству, то слѣдовательно единство не есть самый разумъ, а выше его (неоплатонизмъ). Единство есть первая причина и цѣль, къ которой направляется все существующее, а прежде всего самый разумъ, который и порождается первѣе всего этимъ единствомъ.

Существенный смыслъ средневѣковыхъ споровъ между реалистами (т. е. идеалистами) и номиналистами (т. е. реалистами), въ виду предыдущаго, можетъ быть выраженъ такъ: имѣетъ ли объединяющая дѣятельность разума, насколько она проявляется въ образованіи общихъ понятій, значеніе реальное, объективное, или-же только номинальное, субъективное; иначе,—единство, усматриваемое разумомъ въ множественномъ, есть-ли реальное или только номинальное? Спрашивается, какъ произошла такая постановка вопроса? Дѣло въ томъ, что въ древней философіи разумъ понимали какъ начало объективное по преимуществу, дѣйствующее повсюду въ мірѣ; человѣческій разумъ, по обычному представленію древнихъ философовъ, не болѣе, какъ часть міроваго общаго разума, а потому и въ общихъ понятіяхъ или идеяхъ видѣли отображенія объективной дѣятельности.

Христіанство принесло съ собою новое начало для жизни и мысли; это именно начало *отры*. Вѣра—внутреннее состояніе человѣка, возрожденнаго духомъ и истиною къ новой жизни. А такъ какъ вѣра, въ значеніи руководящаго начала новой правственной жизни, противопоставалась обыкновенно разуму, то понятно, что и самый разумъ при этомъ понимали также въ смыслѣ начала субъективнаго. Поэтому если, какъ показано въ своемъ мѣстѣ, такое важное значеніе имѣли для средневѣковой философіи нѣкоторыя положенія изъ логики

Аристотеля, а также замѣтки Порфирія о родахъ и видахъ, то это объясняется совпаденіемъ тѣхъ и другихъ съ общимъ настроеніемъ мысли того времени, и хотя означенныя положенія и замѣтки могли послужить случайнымъ поводомъ къ возбужденію споровъ въ схоластической философіи о значеніи универсалій, тѣмъ не менѣе самые эти споры далеко не были случайны. Схоластическая философія имѣла въ виду установить согласіе между вѣрою и разумомъ. Затѣмъ когда соглашеніе этихъ началъ не было достигнуто и стали совершенно отдѣлять вѣру отъ разума, то вмѣстѣ съ тѣмъ и естественная цѣль дѣятельности разума, именно знаніе получило самостоятельное независимое отъ вѣры значеніе. Уже соглашеніе вѣры и разума было такою цѣлью, которую стремились осуществить въ интересѣ разума, ибо задача состояла въ томъ, чтобы вѣру сдѣлать разумною, представить вѣру въ видѣ вполне удовлетворительной для разума системы ученія, сдѣлать предметы вѣры если не совершенно понятными, то по крайней мѣрѣ обоснованными посредствомъ раціональныхъ доводовъ. Тѣмъ болѣе отдѣленіе вѣры отъ разума было признано необходимымъ и дѣйствительно было проводимо въ наукѣ и жизни не иначе, какъ въ видахъ вполне самостоятельнаго, свободнаго и по возможности широкаго развитія дѣятельности разума. Разумъ, бывшій союзникъ вѣры, мало-по-малу сдѣлался враждебнымъ ей, и вотъ именно это-то, — правда, сдѣлавшееся явнымъ лишь въ послѣдствіи, — враждебное отношеніе разума къ вѣрѣ и послужило почвою для сближенія и даже смѣшенія тѣхъ противоположныхъ направленій мысли, которыхъ первыми представителями можно признать Бэкона и Декарта. Само по себѣ знаніе безъ отношенія къ вѣрѣ сдѣлалось цѣлью дѣятельности разума послѣ того, какъ стали раздѣлять эти два начала, а потому ближайшій вопросъ, требовавшій разрѣшенія, состоялъ въ томъ, каково должно быть употребленіе разума, чтобы вѣрѣ достигалась означенная цѣль. Рѣшеніе вопроса, конечно, зависѣло отъ того понятія о разумѣ, или разумномъ духѣ человѣка, которое при этомъ принималось въ руководство. По Декарту, человѣкъ одаренъ способностію изъ нѣдръ своего духа, посредствомъ правильнаго методическаго мышле-

нія, извлекать всѣ необходимыя основы знанія. Обладая истинною, разумъ не можетъ заблуждаться. Источникъ заблуждений не въ разумѣ, а во внѣшнихъ чувствахъ и воображеніи, именно: мы заблуждаемся, когда воля, увлекаемая аффектами, происходящими отъ чувствъ и воображенія, своимъ рѣшеніемъ предупреждаетъ ясное познаніе разсудка ¹⁾. По Бэкону, духъ человѣка не что иное, какъ зеркало, отображающее въ себѣ міръ, но притомъ зеркало невѣрное, требующее исправленія, — не только отображающее въ себѣ вещи, но въ тоже время и искажающее ихъ ²⁾.

Итакъ, по философіи Декарта, человѣкъ можетъ и долженъ

¹⁾ „Ни способность произволенія (воля), говоритъ Декартъ, которую я получилъ отъ Бога, не есть сама по себѣ причина моихъ заблуждений, ни также способность понимать или разумѣть (разсудокъ), ибо постигая все не иначе, какъ посредствомъ этой способности постигать (*concevoir*), которую мнѣ далъ Богъ, я безъ сомнѣнія все, что ни уразумеваю, разумѣю правильно, и невозможно, чтобы я обманывался. Откуда-же мои заблужденія? Они происходятъ единственно по той причинѣ, что воля, будучи шире разсудка, не удерживается мною въ тѣхъ-же границахъ, какъ и разсудокъ, но простирается на вещи, которыхъ я не разумѣю...“ *Meditation quatrième*.

²⁾ Умъ человѣческій, говоритъ Бэконъ, облеченный и затмѣваемый тѣломъ, вмѣсто того чтобы быть похожимъ на зеркало ясное и хорошо отполированное, напротивъ представляетъ собою какъ-бы волшебное и обольщающее зеркало, дающее видѣть одни лишь призраки. *De dignitate et augmentis scientiarum V, 4*. Какова наша цѣль? Она состоитъ въ томъ, чтобы начертать въ умѣ человѣческомъ изображеніе, копію вселенной, какъ она есть въ дѣйствительности, а не такую, какою она представляется тому или другому по внушеніямъ собственнаго его разума. *Novum Organum CXXIV*. Умъ человѣческій, подобно фальшивому зеркалу, преломляя лучи, идущіе отъ предметовъ и примѣшивая собственную природу къ природѣ вещей, искривляетъ, такъ сказать, и искажаетъ всѣ образы, которые въ немъ отражаются. *Ibid XLI*. Такъ какъ наше намѣреніе не въ томъ состоятъ, чтобы воздвигнуть нѣчто въ родѣ пирамиды или иного пышнаго памятника гордости человѣческой, а въ томъ, чтобы заложить въ духъ человѣка основаніе для храма, посвященнаго общему благу и воздвигнутаго по образцу вселенной, то какой-бы предметъ намъ ни пришлось описывать, мы считаемъ своимъ дѣломъ въ этомъ случаѣ только вѣрно копировать оригиналъ. Ибо все, достойное существованія, достойно и познанія, которое есть изображеніе дѣйствительности. *Ibid. CXX*. Въ чемъ состоитъ истинная цѣль наукъ? Она состоитъ въ обогащеніи человѣческой жизни дѣйствительными открытіями, т. е. новыми средствами къ благосостоянію. *Ibid. LXXXI*. Наука должна быть изображеніемъ истины (*imago veritatis*), ибо истина существованія и истина познанія тождественны и не болѣе различаются между собою, какъ лучъ прямой и лучъ отраженный: *veritas essendi et veritas cognoscendi idem sunt, nec plus a se invicem differunt, quam radius directus et radius reflexus. De dignitate et augmentis scientiarum, lib. I*

истину добывать извнутри себя, изъ своего духа, по Бэкону же истина заимствуется извнѣ. Отношеніе познающаго къ предмету познанія, съ точки зрѣнія Бэкона, есть внѣшнее; оно должно оставаться таковымъ даже тогда, когда предметомъ познанія для человѣка служитъ самъ-же человѣкъ: и въ этомъ случаѣ источникомъ знаній должно служить внѣшнее наблюденіе надъ жизнью, а также опытъ минувшихъ вѣковъ. Напротивъ, по Декарту—отношеніе познающаго къ предмету познанія есть внутреннее, а не внѣшнее: оно состоитъ въ обращеніи познающаго къ себѣ самому, такъ что основаніемъ всякаго познанія должно служить самопознаніе. Изъ этой характеристики взглядовъ Бэкона и Декарта на познаніе видно, что тѣ взгляды на самомъ дѣлѣ не исключаютъ, а скорѣе лишь пополняютъ другъ друга. Очевидно, что Декартъ имѣлъ въ виду познаніе раціональное, совершеннѣйшій образецъ котораго онъ видѣлъ въ математикѣ; напротивъ Бэконъ главною своею задачею считалъ—указать путь къ приобрѣтенію опытнаго познанія о природѣ, и соотвѣтственно этой своей задачѣ онъ высказываетъ и самыя понятія о познаніи такія, какія могутъ имѣть мѣсто лишь въ естествознаніи. Но важно то, что имѣя въ виду различные виды познанія, а въ зависимости отъ того высказывая различные и даже противоположные взгляды на познаніе относительно происхожденія его и содержанія, Бэконъ и Декартъ одинаково придаютъ знанію, можно сказать, всеобъемлющее и верховное значеніе для человѣка. Хотя тотъ и другой опредѣляютъ значеніе познанія своеобразно каждый, но это уже зависѣло отъ ихъ различнаго взгляда на жизнь. Между тѣмъ какъ высоко цѣнятъ они значеніе познанія, это достаточно видно уже изъ того, что оба одинаково признавали познающую дѣятельность средствомъ къ удовлетворенію тѣхъ жизненныхъ потребностей и задачъ, которыя представлялись каждому изъ нихъ важнѣйшими. Въ мышленіи заключастся, по Декарту, существо человѣческаго духа. Поэтому изыскивать истину, познавать оную посредствомъ размышленія, значитъ дѣйствовать въ согласіи съ собственнымъ существомъ, или иначе, значитъ выполнять свое предназначеніе; а если такъ, то познающая дѣятельность разума должна

быть источникомъ внутренняго духовнаго удовлетворенія, слѣдовательно, полнаго счастья для человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, исходный пунктъ философіи заключается въ сомнѣніи. Сомнѣніе—состояніе мучительное, это болѣзнь духа; поэтому, наоборотъ, достовѣрное познаніе вещей, достигаемое чрезъ методическое размышленіе, должно имѣть своимъ послѣдствіемъ внутреннее удовлетвореніе, спокойствіе духа, слѣдовательно, высшее совершенство и счастье, возможное для человѣка. Какова цѣль познанія по Бэкону? Она заключается въ постепенномъ увеличеніи человѣческаго могущества надъ природою. На этомъ основаніи Бэконъ училъ, что знаніе есть величайшая сила; могущество человѣка опредѣляется его знаніемъ (*tantum possumus quantum scimus*). Ибо познаніе законовъ природы даетъ человѣку возможность къ увеличенію своего благосостоянія. Конечно, не всякое знаніе, а только знаніе законовъ природы плодотворно для жизни; только такое знаніе обезпечиваетъ непрерывное усовершеніе жизни, напротивъ, пренебреженіе къ нему было причиною ея неподвижности. Но собственно лишь знаніе законовъ природы одно достойно этого имени: оно-то и есть истинное знаніе, тогда какъ знаніе схоластическое было призрачнымъ, мнимымъ, а не дѣйствительнымъ.

Коль скоро такъ высоко и вмѣстѣ широко поставяется значеніе знанія для жизни, то уже не остается при этомъ мѣста для иныхъ началъ жизни; по крайней мѣрѣ значеніе ихъ дѣлается сомнительнымъ. Въ самомъ дѣлѣ Бэконъ не могъ иначе уяснить себѣ жизненное значеніе искусства (поэтическаго), какъ только приурочивъ различные его виды къ различнымъ видамъ познанія, такъ что искусство у него оказалось лишь несовершеннымъ, первобытнымъ проявленіемъ познающей дѣятельности человѣка, да и такое второстепенное значеніе, по Бэкону, есть принадлежность не вообще искусства, а лишь совершеннѣйшихъ его видовъ. О религіозной вѣрѣ Бэконъ ничего иного не могъ выразить, какъ только поставить оную внѣ научной области. А какъ научное знаніе есть величайшая сила, то тѣмъ самымъ, т. е. простымъ исключеніемъ изъ области знанія не подвергалась-ли религіозная вѣра

если не прямому отрицанію, какъ нѣчто лишенное всякой силы и значенія для жизни, то по крайней мѣрѣ очевидной опасности въ послѣдствіи сдѣлаться предметомъ такого осужденія, что и дѣйствительно произошло съ теченіемъ времени.

По Декарту душа наша есть мыслящая субстанція. А какъ мышленіе есть дѣятельность познающая, то ясно вытекаетъ отсюда тотъ выводъ, что всѣ проявленія душевной жизни должны имѣть тѣспѣйшую связь съ познающею дѣятельностію души и относиться къ ней, и притомъ значеніе ихъ само собою уже опредѣляется тѣмъ, насколько содѣйствуютъ или по крайней мѣрѣ не препятствуютъ успѣшному исполненію познавательной дѣятельности. Съ этой точки зрѣнія и нравственное совершенство человѣка должно заключаться не въ чемъ иномъ, какъ только въ свободномъ, безпрепятственномъ совершеніи въ панемъ духѣ познавательной дѣятельности. Дѣйствительно, по философіи Спинозы, послѣдователя Декарта, добродѣтель есть не что иное, какъ могущество и крѣпость души, порокъ-же есть ея слабость, безсиліе; но душа могущественна, когда она господствуетъ надъ аффектами, напротивъ безсилна, когда находится подъ ихъ властію; между тѣмъ господство надъ аффектами достигается преобразованіемъ несоразмѣрныхъ / смутныхъ идей (ощущеній) въ идеи яснаго и соразмѣрныя , т. е. чрезъ познающую дѣятельность разума.

Человѣкъ, говоритъ Бэконъ, господствуетъ надъ природою только тогда, когда повинуется ея законамъ. Отсюда сама собою получается тотъ выводъ, что только согласное съ природою обязательно и имѣетъ важность для человѣка. Наука потому именно и есть величайшая сила, что научаетъ различать согласное отъ несогласнаго съ природою, разоблачая ея законы. На этомъ основаніи и по отношенію къ религіи, какъ мы увидимъ, сама собою давался тотъ критерій для оцѣнки ея достоинства и значенія, что только то и признавалось въ ней истиннымъ и, слѣдовательно, обязательнымъ, что находили согласнымъ съ природою вещей и человѣка, и только притомъ, насколько усматривалось это согласіе.

По Декарту чувства и воображеніе — источники заблужденій, и только разумъ даетъ истинное познание вещей, ибо раз-

умъ не можетъ обманываться. Отсюда опять получался новый критерій для обсужденія религіи, по которому лишь настолько не отрицали оную, насколько находили въ ней *согласіе съ разумомъ* (раціонализмъ). Такъ возникли *различныя направленія философской критики* по отношенію къ религіозной вѣрѣ, которыя характеризуются названіями: *раціонализма* и *натурализма*, сущность которыхъ, впрочемъ, одна и состоитъ въ отрицаніи всего сверхъестественнаго, чудеснаго (признаваемаго религіозною вѣрою) и даже болѣе: въ отрицаніи всего, несводимаго на раціональныя понятія и очевидные факты опыта. Единство раціонализма съ натурализмомъ выразилось уже въ томъ, что Декартъ обыкновенно называетъ разумъ *натуральнымъ свѣтомъ* (противопологая его откровенію), а Спиноза безконечную субстанцію, т. е. безконечный разумъ опредѣлитъ, какъ безграничную силу, вѣчно дѣйствующую въ природѣ и неотдѣлимую отъ ея произведеній (*natura naturans et natura naturata*).

П. Анницкій.

(Продолженіе будетъ).

СУДЬБЫ ИДЕИ О БОГѢ

ВЪ

ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОГО МИРОСОЗЕРЦАНІЯ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ.

(Продолженіе *).

Прежде всего 1) относительно имени Божества: *что есть имя Елу?* спросимъ мы у Орфиковъ, какъ спрашивали у Гомера 1). Мы уже отчасти видѣли, что главнымъ именемъ существа Высочайшаго у Орфиковъ является достопочтенное для всякаго грка имя Зевса, т. е. Бога свѣта, неба, дня. Въ этомъ смыслѣ, намъ кажется, не безъ основанія древніе Орфики сосредоточивали особенное вниманіе предварительно на Фанитѣ, названномъ такъ потому, какъ мы видѣли, что онъ вводилъ ясный, чистый свѣтъ (φάος) 2). А мы припомнимъ также, что тотъ-же Фанитъ назывался у Орфиковъ и Митисомъ (Μῆτις), какъ умъ (νοῦς), Ирикепземъ, какъ сила (δύναμις), Фанитомъ, какъ отецъ (πατήρ) 3) и т. д.; что затѣмъ онъ поглощенъ былъ Зевсомъ, который такимъ образомъ воспринялъ въ себя все то, что соединялось доселѣ съ именемъ Фанита, и вполне замѣнилъ собою послѣдняго. Имя и бытіе Фанита нужно было Орфикамъ для того, чтобы объяснить имя, бытіе и значеніе Зевса или Діа, Божества вообще, единаго истиннаго Божества греческой религіи. Тѣмъ болѣе, конечно, для той же цѣли нужны были имъ имена и бытіе другихъ

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ за 1884 г. № 18.

1) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 № 9, отд. филос. стр. 495.

2) Гимнъ Фаниту. Orphica, ed. Herm. pag. 263.

3) Lobesck, 483.

божествъ народной религіи. Яснѣе всего это видно изъ слѣдующихъ случаевъ орфическаго богословствованія. Воспѣвая гимнъ Солнцу (Геліосу) и называя его, согласно народному преданію, титаномъ, какъ порожденіе Урана ¹⁾, Орфики обращаются къ нему, между прочимъ, и съ такимъ воззваніемъ:

„Палящій жаромъ, нескверный, отецъ времени, бессмертный Зевсъ!“ ²⁾.

Или, воспѣвая гимнъ Плутону (Аиду), богу подземнаго царства, они обращаются къ нему съ молитвеннымъ воззваніемъ:

„Зевсъ подземный скипетродержецъ“ ³⁾.

Ясно, что, по представленію Орфииковъ, и Геліосъ, и Аидъ, какъ и другія божества народной религіи, служили только выраженіемъ различныхъ сторонъ одного и того-же Божества—Зевса. Но это мы отчасти замѣчали уже и у Гомера ⁴⁾. Между тѣмъ у Орфииковъ являются еще нѣкоторыя черты ученія объ именахъ Божества, совершенно новыя. Мы помнимъ, что новыя или младшіе Орфиики называли Зевса, между прочимъ, Паномъ въ томъ смыслѣ, что онъ есть распорядитель всего міра. И это ученіе есть обще-орфическое. Доказательствомъ того служитъ орфическій гимнъ Пану, въ которомъ этотъ послѣдній называется прямо „Зевсомъ“ ⁵⁾, а между тѣмъ чествуется, какъ „совокупность міра“ (*κόσμοιο τὸ σύνταχ* ⁶⁾), какъ божество, членами котораго служатъ „небо, море, земля и бессмертный огонь“ ⁷⁾. Наконецъ, мы встрѣчаемъ у Орфииковъ и еще болѣе прямое выраженіе того же ученія, а именно въ

¹⁾ Срав. Гезіода Теог. ст. 134—135 и 371—374.

²⁾ Orphica, ed. Негмаиц, pag. 265 v. 13; conf. 2.

³⁾ Ibid. pag. 279, v. 3. Срав. также воззваніе: „Зевсъ Діонисъ! отецъ моря“ и пр. (Lobeck, 745).

⁴⁾ См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 № 10 отд. филос. стр. 550 и выше.

⁵⁾ Orphica ed Негм. pag. 271, v. 12.

⁶⁾ V. 1. Надобно имѣть въ виду, что между тѣмъ какъ древнѣйшее преданіе въ основѣ своего пониманія имени Пана имѣло представленіе о пастбищѣ (*πάσμα*—пріобрѣтаю; владѣю; ѣмъ; пасусь) и потому считало его богомъ долинъ, лѣсовъ и пр. (срав. Гомер. гимнъ Пану), со времени Орфииковъ стало входить въ силу пониманіе его, какъ всеобщаго божества (отъ *πᾶς*—весь), при чемъ не уграчивалось и древнѣйшее его значеніе (см. орфическій гимнъ Пану, стихи 4 и дал.).

⁷⁾ V. 2—3.

гимнѣ божеству вообще (*δαίμων*). Въ этомъ гимнѣ читаются такія слова:

„Божество (*δαίμονα*) призываю, великое, благоуправителя, грознаго,
„Но умольнаго Діи (Зевса), всѣхъ родителя, подателя жизни мертвымъ,
„Зевса великаго, далеко блуждающаго, мстителя, царя всѣхъ ¹⁾ и пр.

Такимъ образомъ имя истиннаго Божества у Орфикивъ прямо и необиновенно отождествляется съ именемъ Зевса. Теперь, какъ-же понимали они

2) существо Божества? Хотя самое существо Божественное непостижимо, однако человѣческое сознаніе стремится хотя сколько-нибудь приблизить его къ своему разумѣнію и такъ или иначе представляетъ себѣ это существо. Мы знаемъ, что перуководимое свѣтомъ сверхъестественнаго откровенія, религіозное сознаніе человѣчества нерѣдко имѣло весьма грубыя представленія о существѣ Божества, воображало Его „подобнымъ золоту, или серебру, или камню“ (Дѣян. 17, 29) и т. д., или сливало Его съ міромъ (натуралистически или пантеистически). Только болѣе счастливыя народности достигали до представленія Его, какъ личности, даже какъ Духа. И къ числу такихъ народностей принадлежала греческая. Мы видѣли уже у Гомера зачатки такого пониманія существа Божественнаго. Еще яснѣе и нагляднѣе представляютъ такъ Божественное существо Орфики, хотя, конечно, и ихъ представленіе, какъ Гомерово, не свободно отъ главнаго недостатка, — избытка человѣкообразности (антропоморфизма). Орфики ясно представляютъ Божество (Зевса), какъ личность, къ которой они обращаются съ молитвенными воззваніями (въ гимнахъ), которую окружаютъ эпитетами и выраженіями, приличными только и исключительно личности, которой приписываютъ силы (умъ, сердце и волю) и дѣйствія, возможные только въ личности, а отнюдь не въ существѣ безличномъ и т. д. Этого мало. Они представляютъ себѣ Божество не только какъ личность, но и именно какъ личность духовную, какъ Духа. Сюда относятся не только тѣ мѣста орфической литературы, въ

¹⁾ Orphica ed. Hegel pag. 342, v. 1—3. Сравни. раньше (журн. „Вѣра и Разумъ“ 1884 годъ, № 9, отд. философск., стр. 495) раскрытое понятіе объ этомъ имени Божества.

которыхъ Божеству усвояются силы чисто духовныя и которыя мы приведемъ въ свое время, но и тѣ, въ которыхъ прямо указывается на духовность природы Божества. Мы припомнимъ, конечно, ученіе младшихъ Орфиковъ о происхожденіи Зевса. Хотя слишкомъ чувственны и грубы черты, которыми описывается онъ при этомъ (съ золотыми крыльями на плечахъ, съ головою вола и т. д.), однако несомнѣнно и то, что прежде такого описанія дана общая характеристика: „произошелъ безтѣлесный (*ἀσώματος*) богъ ¹⁾. Если-же онъ „безтѣлесный“, то уже не долженъ имѣть въ сущности того вида, какой здѣсь описывается. Ясно, что соединеніемъ такихъ первѣротныхъ чертъ въ описаніи его Орфики хотѣли выразить только всеобщность его значенія, которую и обозначили затѣмъ, назвавъ его Паномъ. Но безтѣлесность—отрицательный признакъ сущности Божества. Между тѣмъ въ орфической литературѣ есть и положительное обозначеніе духовности существа Зевса въ словахъ:

„Зевсъ—дыханіе всего“ (*πνοὴ πάντων*) ²⁾.

Правда, въ орфическомъ представленіи о существѣ Божества иногда замѣтно проглядываетъ пантеистическое пониманіе о Немъ, какъ разлитомъ во всемъ мірѣ; но за то и представленіе о Немъ, какъ личности, такъ живо у Орфиковъ, что несомнѣнно они не могутъ быть названы въ строгомъ смыслѣ пантеистами. Вотъ самое общее описаніе Божества (Зевса) у Орфиковъ, выражающее ихъ понятіе о существѣ Его и относящееся къ моменту, слѣдовавшему за поглощеніемъ Фанита Зевсомъ:

„Зевсъ есть первый, Зевсъ—самый послѣдній, управляющій молніею,

„Зевсъ—глава, Зевсъ—средина. Отъ Зевса все произошло.

„Зевсъ—мужескій полъ, Зевсъ—безсмертная ³⁾ нимфа ⁴⁾,

„Зевсъ—основаніе земли и звѣзднаго неба,

„Зевсъ—дыханіе всего. Зевсъ—устремленіе неугасимаго огня,

„Зевсъ—дно морское, Зевсъ—солнце и луна;

¹⁾ Anecd. gr. ed. Wolfii, t. III, pag. 255.

²⁾ Слова изъ отрывка, который мы вскорѣ приведемъ

³⁾ По другимъ чтеніямъ: „нетлѣнная“.

⁴⁾ Нимфа значитъ: „невѣста“. Этими Орфики хотѣли выразить ту мысль, что въ Зевсѣ, какъ и въ Фанитѣ, заключалась и мужская и женская производительная сила.

„Зевсъ—царь, Зевсъ самъ родоначальникъ всѣхъ;
 „Единая держава, единое Божество ¹⁾, великій начальникъ всего,
 „Единое царственное вмѣстѣлище, которымъ объемлется все сіе:
 „Огонь и вода, земля и эфиръ, ночь и день,
 „Митись ²⁾, первый родитель и Кротъ ³⁾ многосладкій;
 „Ибо все это заключается въ великомъ тѣлѣ Зевса.
 „Главою его и прекраснымъ лицомъ является для взора
 „Блистательное небо, съ котораго свѣшиваются отовсюду
 „Прекраснѣйшіе золотые волосы свѣтящихся звѣздъ;
 „А съ двухъ сторонъ два золотые воловьи рога:
 „Востокъ и западъ,—пути боговъ небесныхъ ⁴⁾;
 „Очи-же его суть солнце и противоположная солнцу луна;
 „Не ложный умъ его есть царственный, нетлѣнный эфиръ,
 „Которымъ онъ все слышитъ и замѣчаетъ, и иѣтъ
 „Рѣчи или звука, иѣтъ шума или голоса,
 „Который укрылся-бы отъ ушей Діа, всемогущаго Кроніона.
 „Такъ онъ имѣетъ безсмертную главу и умъ,
 „Таеъ и тѣло у него огнеблестящее, безпредѣльное, непоколебимое,
 „Неподвижное, крѣпкое, всемогущее.
 „Шлечи и грудь и широкая спина бога
 „Широковластный воздухъ; крылья-же у него выросли
 „Такія, которыми онъ на все взлетаетъ; священною утробою для него служить
 „Земля—всѣхъ мать и высокія вершины горъ,
 „А среднимъ поясомъ волны сильно шумящаго моря
 „И пучины; ступнями ногъ—корни подпочвы,
 „Мрачные тартары и крайніе предѣлы земли.
 „Но все сокрывъ, онъ вновь изнесъ изъ священныхъ иѣдръ
 „На многорадостный свѣтъ, совершая великое дѣло“ ⁵⁾.

Такимъ образомъ весь міръ представляется какъ-бы однимъ великимъ тѣломъ Зевса, чрезъ что вносится въ представленіе о Божествѣ иѣчто, какъ мы замѣтили, пантеистическое. Но достаточно только всмотрѣться ближе въ отдѣльныя черты, которыми описывается Зевсъ съ этимъ его тѣломъ, чтобы видѣть здѣсь въ немъ существо личное, а не безличное пантеистиче-

¹⁾ Δαίμων. Сравъ выше сказанное объ этомъ имени.

²⁾ Μῆτις—совѣтъ, мудрость—одно изъ именъ Фангта.

³⁾ Ἔρως—любовь—также одно изъ названій Фангта.

⁴⁾ Οὐρανίωνωνъ можетъ значить и потомковъ Урана. Впрочемъ, одно другому не противорѣчатъ.

⁵⁾ См. Текстъ этихъ замѣчательныхъ орфическихъ стиховъ въ цитов. изд. Германа, стран. 457—458;—Лебека, стр. 521—525 и у Муллаха, стр. 169. Эти стихи приводили многіе и языческіе и христіанскіе писатели (изъ христіанскихъ напр. Климентъ Александрійскій и Евсевій Памфилъ), о чемъ можно читать въ тѣхъ-же изданіяхъ Германа и др.

ское нѣчто. Самое описаніе его, какъ личности, обладающей членами тѣла какъ-бы человѣческаго, обладающаго умомъ мудрымъ (Митисъ), не ложнымъ, чувствомъ (Еротъ) и волею (всемогущій), свидѣтельствуемъ о томъ, что Орфики представляли Зевса не пантеистически безличнымъ универсумомъ, а личнымъ виновникомъ всего, равно какъ и послѣднею цѣлію всего. И въ этомъ именно смыслѣ они называютъ его „первымъ и самымъ послѣднимъ“ (πρῶτος καὶ ἔσχατος), подобно тому, какъ истинный Богъ христіанскій говоритъ Самъ о Себѣ: *Азъ есмь Альфа и Омега, начатокъ и конецъ* ¹⁾, *первый и послѣдній* (πρῶτος καὶ ἔσχατος, Апок. 22, 13; см. 1, 8; Иса. 41, 4; 44, 6; 48, 12 и др.). Въ этомъ-же смыслѣ они говорятъ о немъ и то, что „отъ него все произошло“, подобно тому, какъ и о Богѣ христіанскомъ говоритъ Апостолъ, что *изъ Того, и Тѣмъ, и въ Немъ всяческая* (Рим. 11, 36), или: *всяческая Тѣмъ и о Немъ создашася* (Кол. 1, 16) и под. Въ томъ-же смыслѣ говорятъ они и то, что „Зевсъ—основаніе земли и звѣзднаго неба“, между тѣмъ какъ далѣе указываютъ на небо, какъ на главу и лицо его, потому что и о Богѣ христіанскомъ говорится въ Св. Писаніи: *Господь прострый небо и основаяй землю* (Зах. 12, 1) или, какъ Самъ Онъ говоритъ о Себѣ: *рука Моя основа землю, и десница Моя утверди небо* (Иса. 48, 13). Еще болѣе въ томъ-же смыслѣ говорятъ Орфики: „Зевсъ—дыханіе всего“, подобно тому какъ и о Богѣ истинномъ говорится въ Писаніи: *Господь, создавый дыханіе* (πνοήν) *всѣмъ* (Притч. 24, 12) и т. д. Особеннаго-же вниманія въ этомъ смыслѣ заслуживаютъ послѣдніе два стиха отрывка, гдѣ говорится, что Зевсъ, „все сокрывъ“ въ себѣ, „вновь изнесъ изъ священныхъ пѣдръ на многорадостный свѣтъ, совершая великое дѣло“; т. е., онъ не остался поглотившимъ все, заключившимъ все въ себѣ вмѣстѣлицемъ, не слился навсегда съ міромъ, а выдѣляетъ изъ себя міръ, какъ чуждый себѣ по родѣ. Иначе мы нашли-бы пантеизмъ и въ такихъ изреченіяхъ Св. Писанія, какъ: *еда небо и землю не Азъ наполняю?* (Іер.

1) Ἀρχὴ καὶ τέλος. Срав. о Зевсѣ: ἀρχὴ πάντων πάντων τε τελευτή въ 7 стихѣ гимна ему (Orphica, pag. 276).

23, 24) или *Духъ Господень исполни вселенную* (Прем. Сол. 1, 7) и т. п. ¹⁾. Другой кажущійся недостатокъ орфическаго представленія о существѣ Божіемъ — избытокъ челоѵкообразности, также не долженъ смущать насъ, когда мы подобное-же встрѣчаемъ и въ Св. Писаніи Ветхаго Заѵта о Богѣ, какъ на примѣръ въ одномъ изъ приведенныхъ сейчасъ мѣстъ, гдѣ рѣчь идетъ о *руку Господней* и въ другихъ мѣстахъ, гдѣ рѣчь идетъ о другихъ членахъ тѣла, приписываемыхъ Господу. Что Орфики представляли въ дѣйствительности существо Зевса невидимымъ, неосязаемымъ, духовнымъ, это видно изъ сопоставленія между собою всѣхъ стиховъ приведеннаго сейчасъ отрывка, равно какъ и изъ нѣкоторыхъ другихъ мѣстъ орфической литературы, гдѣ говорится, на примѣръ, что Зевса „никто изъ смертныхъ не видитъ, а онъ видитъ всѣхъ“ ²⁾, что „никакая изъ душъ смертныхъ не видитъ его, а созерцаетъ только умомъ“ ³⁾ и под. ⁴⁾. Итакъ несомнѣнно, что Орфики не представляли существа Божественнаго ни въ грубо чувственныхъ чертахъ, ни пантеистически, и слѣдовательно тѣ черты, которыми описывается тѣло Зевса, должны быть понимаемы не въ собственномъ, а въ иносказательномъ смыслѣ, что мы и разяснимъ въ дальнѣйшемъ. Но не должны быть они понимаемы, какъ мы замѣчали выше, и въ пантеистическомъ смыслѣ. Къ сказанному выше мы добавимъ теперь лишь орфическій гимнъ Зевсу, который можетъ служить и наилучшимъ заключеніемъ нашихъ доказательствъ въ пользу этого:

„Зевсъ многопочтенный, Зевсъ нетлѣнный! Сіе тебѣ мы
 „Воздаемъ разрѣшительное свидѣтельство ⁵⁾ и возсылаемъ моленіе:
 „О царь! твоимъ умомъ явилось все:
 „Богиня мать-земля, высокія горныя вершины,
 „Море и все, что небо содержитъ въ себѣ.

¹⁾ Срав. на примѣръ еще многія описательныя черты въ Псалмѣ 103-мъ.

²⁾ *Fragm. philos. gr. ed. Mullach, pag. 166 col. 1.*

³⁾ *Ibid. col. 2.*

⁴⁾ См. напр. тамъ-же, стр. 167.

⁵⁾ *Μαρτυρική λύτρωσις*. По мнѣнію Геснера, здѣсь разумѣется разрѣшительная отъ грѣховъ хартія, которою снабжался публично каждый чтитель Зевса. Но ближе въ дѣлу, кажется, будетъ то объясненіе, которое вытекаетъ изъ самаго заглавія гимна: „куреніе Зевсу — стиракса“, т. е. унпловствительный, разрѣшительный отъ грѣховъ даръ, съ которымъ приходилъ вѣнчавшій гимнъ, — стиракса.

- „Зевсъ Кроніонъ, скитродержецъ, сходящій въ видѣ молніи, могущественный духомъ,
 „Производитель всего, начало всего и конецъ всего,
 „Потрясающій землю, всего распространитель, очиститель, все потрясающій;
 „Молніеносный, громовержецъ, мещущій молнію, плодотворитель Зевсъ!
 „Услышь меня, разновидный ¹⁾; даруй совершенное здравіе,
 „Миръ божественный и полную славу изобилія.
 „Самъ для себя являющійся Отцемъ, Отецъ блаженныхъ боговъ и людей,
 „Даруй милость на воззванія, а уму даруй все здравомысленное,
 „Даруй жизнь счастливую“ и пр. ²⁾.

Этотъ гимнъ не только напоминаетъ собою Гомеровъ гимнъ тому-же вышему Божеству народной греческой религіи, уже извѣстной намъ ³⁾, но и отображаетъ въ себѣ многія черты христіанскихъ молитвенныхъ воззваній, обращаемыхъ уже, конечно, не къ безличному пантеистическому универсуму, а къ личному Богу истинному и живому. Ибо и мы возсылаемъ моленія, славословія и благодаренія *Царю тьмовъ невидимому, невидимому, единому премудрому* (1 Тим. 1, 17), *Который вся премудростію сотворилъ* (Псал. 103, 24), *Который есть начало и конецъ* (Апок. 1, 8; 22, 13), *Который творитъ землю трястися* (Псал. 103, 32) и пр. А между тѣмъ пельзя не видѣть, что этотъ гимнъ Зевсу во многомъ повторяетъ собою и описательныя черты Зевсова существа, представляющіяся въ вышеприведенномъ отрывкѣ.

3. Описывая существо Божества, Орфики тѣмъ самымъ уже описываютъ, изображаютъ и свойства Его, какъ существенныя, онтологическія, такъ и нравственныя, идеальныя, принадлежащія Ему, какъ личному Духу. И если собрать въ одно цѣлостное обозрѣніе уже упомянутыя въ приведенномъ отрывкѣ и гимнѣ черты и присовокупить къ нимъ другія однородныя, разсѣянныя тамъ и сямъ въ области орфической литературы, то получится столь ясное и вмѣстѣ возвышенное представленіе о свойствахъ Божіихъ, что оно окажется наилучшимъ истолкованіемъ Гомерова представленія о Божествѣ, со-

¹⁾ То-есть въ разныхъ видахъ являющійся.

²⁾ Orphica, ed. Hegm. pag. 276—277.

³⁾ См. ж. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 9 отд. филос. стр. 499—500 и примѣч. Гимнъ орфическій служитъ лишь распространеніемъ и истолкованіемъ Гомерова гимна.

ставленнымъ подъ условіемъ несомнѣннаго дѣйствія философствующей мысли, но въ тоже время и подъ надежнымъ руководствомъ еще недопускавшей сомнѣнія вѣры.

а) Изъ свойствъ божественныхъ первое мѣсто занимаетъ *абсолютное совершенство*, равно относящееся и къ онтологическимъ и къ духовнымъ, какъ ихъ общее качество. Мы припомнимъ, что у Гомера употребляются для сего эпитеты (*ἄριστος*, *ὑπάτος* и др.), которые не вполне точно выражаютъ весь объемъ значенія этого свойства; къ тому-же примѣняются у него не къ одному Зевсу, а и къ другимъ божествамъ греческой народной религіи ¹⁾. Орфики усовершенствуютъ эту часть Гомерова представленія о Божествѣ. Они не только называютъ Зевса, — и единственно Зевса, — „величайшимъ изъ всѣхъ боговъ“ ²⁾, „славнѣйшимъ и величайшимъ изъ боговъ“ ³⁾, „Богомъ всяческихъ и соединителемъ всего“ ⁴⁾ и т. п., но и прямо „единымъ, самосовершеннымъ“. „Единъ есть самосовершенный (*εἷς ἕσθ' αὐτοτελής*), — говорятъ они, — и Имъ все совершается (*τελείται*)“ ⁵⁾. Сами христіанскіе писатели не могли опустить изъ вниманія это замѣчательное мѣсто и приводятъ его въ своихъ твореніяхъ въ доказательство согласія основныхъ истинъ языческаго богословія съ христіанскими, какъ напримѣръ Евсевій Кесарійскій въ 12-й главѣ XIII книги своего „Предъуготовленія къ Евангелію“.

б) Изъ онтологическихъ свойствъ на первомъ мѣстѣ по справедливости ставится *единство*. Ибо „единъ“ только есть „самосовершенный“, какъ говорятъ Орфики; многихъ абсолютно совершенныхъ не можетъ быть, по требованію здраваго разума. И Орфики столь ясно и раздѣльно исповѣдывали единство Божества, что христіанскіе апологеты поставляли въ этомъ отношеніи Орфея въ образецъ самимъ язычникамъ, какъ напримѣръ св. Іустинъ философъ и мученикъ въ своемъ „Увѣ-

¹⁾ См. журн. „Вѣра и Разумъ“ 1884 г. № 9, отд. фил. стр. 498 и дал.

²⁾ *Μέγιστος θεῶν πάντων*. *Fragm. phil. gr. ed. Mull. pag. 167 col. 2.*

³⁾ *Κύδιστος, μέγιστος θεῶν*. *Ibid. pag. 180 col. 1 et 2.*

⁴⁾ *Ibid. pag. 179. col. 2.*

⁵⁾ *Ibid. pag. 165 col. 2. Conf. Orphica, ed. Hermann, pag. 450.*

щани къ язычникамъ“¹⁾, Климентъ Александрійскій въ своемъ также „Увѣщательномъ словѣ къ язычникамъ“²⁾ и др. Въ самомъ дѣлѣ, мы уже читали слова этой исповѣди о Зевсѣ у Орфиковъ:

„Единая держава, единое Божество, великій начальникъ всего,
„Единое царственное вмѣстительство“ и пр.

И недавно:

„Единый есть самосовершенный“,

или, какъ другіе древніе писатели читали:

„Единый есть саморожденный, и отъ единого все произошло“³⁾.

А вотъ и еще не менѣе замѣчательныя въ этомъ-же отношеніи мѣста изъ орфической литературы, послѣ того, какъ сказано было:

„Единый есть саморожденный“,

вскорѣ добавляется:

„И нѣтъ кого-либо иного кромѣ великаго царя“⁴⁾.

И еще:

„Единый Зевсъ, единый Аидъ, единое Солнце, единый Діонисъ,
„Единый Богъ между всѣми“⁵⁾: что мнѣ говорить тебѣ кромѣ сего? ⁶⁾.

Это послѣднее мѣсто, въ связи съ раньше приведенными мѣстами, гдѣ имена Солнца (Геліуса), Аида и другихъ отдѣльныхъ божествъ народной религіи отождествляются съ именемъ Зевса, ясно показываетъ, какъ широко проводятъ и опредѣлительно выражаютъ Орфики мысль, которую мы высказывали уже относительно Гомерова воззрѣнія на всѣ другія, при единомъ Зевсѣ, божества греческой народной религіи, т. е.,

¹⁾ Pag. 18 ed. R. Stephani. См. у *Муллаха* въ цит. изд. стр. 166 столбецъ 1-й, у *Германа* въ цит. изд. стр. 447 и др.

²⁾ Cap. VII pag. 63 t. I ed. Klotz. Lipsiae, 1881. См. также въ цит. изд. *Германа*, *Муллаха* и др.

³⁾ См. цитов. мѣста въ изд. *Германа* и *Муллаха*.

⁴⁾ Mullach., ed. cit. pag. 166 col. 1, conf. ibid. col. 2. А выше было сказано: взирай на единого (μοῦνον) Царя міра. Conf. Orphica, ed. Herm. pag. 447, 450, 451.

⁵⁾ Εἷς θεὸς ἐν πάντεσσι. Что можетъ быть яснѣе этого выраженія идеи единобожія?

⁶⁾ Mullach. ed. cit. pag. 168 col. 1. Conf. Orphica, ed. Herm. pag. 455.

что всё они суть только выраженіе силы и дѣятельности самого Зевса, разнообразное проявленіе этой силы и дѣятельности во вселенной ¹⁾. Особенно ясно высказываются объ этомъ Орфики въ одномъ мѣстѣ, которое читается такъ:

- „Ермъ толкователь ²⁾ есть вѣстникъ всѣхъ;
 „Нимфы—вода, Ифестъ—огонь, Димитра—хлѣбъ;
 „Море—великій Посидонъ,—землеколебатель.
 „Война—Арей, а миръ—Афродита.
 „Вино, которое любятъ боги и смертные люди,
 „И которое смертнымъ доставляетъ облегченіе отъ всѣхъ скорбей,
 „—Рожденный воломъ Діонисъ; оно доставляетъ смертнымъ
 „Пріазвенную радость и находится при всѣхъ пиршествахъ.
 „Фемидя,—которая устанавливаетъ для всѣхъ правосудіе.
 „Солнце ³⁾,—которое называютъ Аполлономъ славящимся лукомъ,
 „Фебомъ далеко стрѣляющимъ, прорицателемъ далеко на всѣхъ дѣйствующимъ,
 „Цѣлителемъ болѣзней Эскулапомъ: это все одно.
 „Зевсъ-же есть Богъ всяческихъ и соединитесь всего (въ себѣ) ⁴⁾.

Поэтому-то, какъ мы видѣли, и называютъ: небо—главою Зевса, эфиръ—умомъ его, солнце и луну—очами его и т. д. Поэтому-же судьба (*μοῖρα*) у Орфиковъ именуется „совершеннымъ окомъ Зевса“ ⁵⁾ и „умомъ“ его ⁶⁾; судьбы (*μοῖραι*) повинуются ему“ ⁷⁾; всѣ боги „боятся“ его ⁸⁾ и т. д. И слѣдовательно ничего не будетъ неестественнаго, если мы будемъ относить къ Зевсу свойства и качества божественныя, приписываемыя другимъ божествамъ народной религіи грековъ Орфиками.

в) *Самобытность*. Не смотря на то, что орфики не только строго сохранили народное преданіе о происхожденіи божествъ (теогонія), но и расширили его, какъ мы видѣли, привнесеніемъ въ теогонію новыхъ родословій, ихъ разумъ не могъ

¹⁾ Сравни журн. „Вѣра и Разумъ“ 1884 № 10, отд. фил. стр. 550.

²⁾ Ἑρμῆς ἐρμηνεύς.

³⁾ Ἥλιος. — Гелиосъ.

⁴⁾ См. Mullach, cit. ed. pag. 179. Conf. Orphica, ed. Hermann, pag. 486—487; conz. pag. 492.

⁵⁾ Hermann, ed. cit. pag. 326, v. 13.

⁶⁾ Ibid. v. 14.

⁷⁾ Mullach, pag. 167 col. 2.

⁸⁾ Ibidem.

однако-же не признавать самобытности необходимымъ предикатомъ Божества, какъ существа всесовершеннаго. И додуматься до этого тѣмъ было легче для нихъ, что предшественниками въ этомъ они уже имѣли Гомера и Гезіода. Но какъ въ другихъ, такъ и въ этомъ случаѣ они идутъ много дальше своихъ предшественниковъ. Не смотря на происхожденіе Зевса отъ Крона, утверждаемое и Орфиками, они ясно, и о немъ именно, какъ мы видѣли выше, употребляютъ такіа замѣчательныя выраженія, какъ: „единъ есть саморожденный“ (αὐτογενής), что все равно, какъ и „самобытный“, или: „самъ для себя являющийся отцемъ“ (αὐτοπατήρ). Не смотря на то, что по еогоніи и греческой вообще и орфической въ частности Зевсъ является далеко не первымъ, онъ у Орфиковъ именуется не только „первымъ“, но и „началомъ всего“ и, между прочимъ, „отцемъ блаженныхъ боговъ и людей“, „производителемъ всего“ и т. д., какъ мы видѣли выше.

г) *Неизмѣняемость*. Мы помнимъ, что у Гомера это свойство Божества только предполагается, а не раскрывается ясно, такъ какъ для раскрытія его требуются отвлеченныя, даже философскія соображенія, на почвѣ которыхъ еще не стояло Гомерово богословіе. Занятый другаго рода соображеніями въ области идеи Божества, Гезіодъ также не предлагалъ яснаго раскрытія этого онтологическаго свойства. Только Орфики вступаютъ первые на путь философскаго изслѣдованія этого свойства. И во-первыхъ они много болѣе Гомера устраниютъ всякую мысль объ измѣняемости въ природѣ Божества, особенно тѣмъ, что устанавливаютъ непосредственную связь между Фанитомъ и Зевсомъ по преемству божественной власти чрезъ поглощеніе перваго послѣднимъ, хотя по еогоніи между Фанитомъ и Зевсомъ стояли еще Уранъ и Кроны. Послѣ поглощенія Фанита, перваго бога, Зевсомъ, все бывшее въ Фанитѣ неизмѣнно и непоколебимо утвердилось въ Зевсѣ, какъ то мы видѣли выше. Во-вторыхъ Орфики и прямо говорятъ о неизмѣняемости существа въ Божествѣ, когда называютъ Зевса „нетлѣннымъ“ (ἀφθίτος) ¹⁾, существо его (тѣло) „непоколе-

¹⁾ Кроме выше приведенныхъ мѣстъ, срав. для сего еще Mallach, pag. 167 col. 2, v. 14, 16 и др.

бимымъ (*ἀστροφέλιχτον*), неподвижнымъ“ (*ἄτρομον*) ¹⁾, судьбы (*μοῖραι*) его „непреложными“ (*ἀμετάτροποι*) ²⁾, звѣзды, составляющія, какъ мы видѣли, часть существа его, „неизмѣняемыми“ (*ἀνάλλακτοι*) ³⁾ и т. д. Орфики, такимъ образомъ, прокладываютъ путь философской терминологіи для обозначенія разсматриваемаго свойства Божества. И если мы видѣли, что они называютъ Зевса, напримѣръ, „разновиднымъ“, т. е. являющимся въ разныхъ видахъ, если утверждаютъ превращеніе его въ Ерота (Ферекпдъ), то это только для того, чтобы показать всеобъемлемость его значенія въ міровой жизни.

д) *Вездѣсущіе* или вездѣприсутствіе Божества по существу его Орфики до наглядности ясно представляютъ, когда изображаютъ Зевса наполняющимъ собою весь міръ, „единымъ царственнымъ вмѣстительствомъ, которымъ объемлется все сіе: огонь и вода, земля и эфиръ, ночь и день“ и пр., когда называютъ его и „Зевсомъ подземнымъ“, когда говорятъ, что „крыльями своими онъ на все взлетаетъ“ и т. д. Но въ то же время они устраняютъ грубо чувственное представленіе о его вездѣприсутствіи, когда называютъ Зевса „дыханіемъ всего“, когда говорятъ, что его нельзя видѣть, что „очи смертныхъ бессильны видѣть Діа (Зевса) всѣмъ управляющаго“ ⁴⁾ и т. п. „Ты все легко увидѣлъ-бы,—говоритъ Орфей ученику своему Мүзею,—если-бъ увидѣлъ его (Зевса). Послѣ я когда-либо покажу тебѣ его, сынъ мой, здѣсь на землѣ, когда увижу слѣды его и крѣпкую руку могучаго Бога. Самого-же его я не вижу, ибо вокругъ него утвердилось облако; для меня одинъ, а для всѣхъ людей десять покрововъ окружаютъ его..... Онъ управляетъ вѣтрами въ воздухѣ и на водахъ; онъ производитъ блескъ сильно жгучаго огня. А самъ утвердился въ великомъ небѣ на золотомъ престолѣ; по землѣ-же ногами шествуетъ; десную руку простеръ къ крайнимъ предѣламъ океана; внутреннѣйшія основанія горъ трепещутъ отъ гнѣва его и не могутъ выносить сплетней ярости его. Но во всякомъ

¹⁾ См. въ вышеприведенномъ отрывкѣ.

²⁾ См. *Orphica* ed. Hermann pag. 327.

³⁾ *Ibid.* 454; conf. Mullach, pag. 166, col. 2, v. 7—8.

⁴⁾ Mullach, pag. 166 col. 1. Conf. *Orphica*, ed. Hermann, pag. 447.

случаѣ онъ самъ—существо небесное, и на землѣ все совершаетъ, самъ содержа въ себѣ начало, средину и конецъ“¹⁾. Въ такихъ отрывочныхъ, но сильныхъ выраженіяхъ изображаютъ Орфики вездѣприсутствіе Божества. Не читаемъ-ли мы нѣчто подобное и у нашего священнаго псалмопѣвца въ словахъ: *камо пойду отъ Духа Твоего? и отъ лица Твоего камо бѣжу? Аще озыду на небо, Ты тамо еси: аще сниду во адъ, тамо еси: аще возму крыль мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо бо рука Твоя наставитъ мя и удержитъ мя десница Твоя.* (Псал. 138, 7—10)?

е) *Вѣчность.* Уже эпитетомъ „нетлѣнный“ (*ἄφθιτος*) Орфики обозначили характерную черту вѣчности существа божественнаго. Встрѣчаемъ мы у нихъ и эпитеты: *ἄμρτοτος*, *ἀθάνατος*—безсмертный о богахъ вообще и о Зевсѣ въ особенности. Такъ мы уже читали выраженія ихъ о Зевсѣ, какъ „безсмертной (*ἄμρτοτος*) нимфѣ“, какъ имѣющемъ „безсмертную (*ἀθάνατον*) главу и умъ“²⁾. Но все это эпитеты, указывающіе только на безконечность существа божественнаго. А между тѣмъ Орфики ясно учатъ и о вѣчности въ смыслѣ безначальности и о вѣчности вообще. Ибо въ этомъ именно смыслѣ они называютъ, какъ намъ извѣстно изъ выше приведенныхъ мѣстъ. Зевса „Кропіономъ“, т. е., сыномъ вѣчности,— „первымъ и самымъ послѣднимъ“, „началомъ, серединою и концемъ всего“, „отцемъ времени“. Или вотъ выраженіе клятвы у Орфики: „клянусь вѣчно сущими (*αἱ ἐν ἑόντας*) родителями безсмертныхъ“ (*ἀθάνατων*)³⁾, гдѣ значеніе общаго понятія вѣчности усиливается соединеніемъ выраженій: „вѣчно сущіе родители“ и притомъ „безсмертныхъ“. Правда, родители эти, здѣсь-же упоминаемые, суть: „огонь и вода, земля и небо, луна и солнце, великій Фанитъ и черная ночь“⁴⁾. Но мы припомнимъ, конечно, что все это, по поглощеніи Фанита Зевсомъ, заключалось

¹⁾ Mullach, pag. 166—167; Hegmann, pag. 451. Это мѣсто также приводится многими христіанскими писателями, что можно видѣть здѣсь-же.

²⁾ Срав. также у Лѣбека на стр. 512 рѣчь о золотомъ „безсмертномъ вѣкѣ“, вишневикомъ котораго является Зевсъ.

³⁾ Mullach, pag. 168 col. 2.

⁴⁾ Ibidem.

и въ существѣ послѣдняго. А вотъ и прямое усвоеніе вѣчности одному Зевсу, котораго Орфики въ одномъ мѣстѣ называютъ „петлѣннымъ, безсмертнымъ, единымъ Богомъ, именуемымъ между безсмертными“¹⁾, при чемъ достопримѣчательно опять исключительное положеніе „безсмертнаго“ между „безсмертными“, на подобіе Того, Котораго св. Апостолъ называетъ *единымъ, имѣющимъ безсмертіе* (1 Тим. 6, 16), Который есть *Алфа и Омега, начатокъ и конецъ, первый и послѣдній* (Апок. 22, 13).

ж) Изъ нравственныхъ, духовныхъ свойствъ Божества и именно, со стороны *разума*, — *премудрость* ясно исповѣдуютъ Орфики, когда говорятъ, что въ Зевсѣ заключается, между прочимъ, „Митисъ“, т. е., *созѣтъ, мудрость*, что богиня мудрости Аѣнна „есть искусная исполнительница предначертаній ума (νοῦς) Кронидова“²⁾, что онъ и произвелъ ее на свѣтъ изъ главы своей, „дабы она была исполнительницею его великихъ дѣлъ“³⁾, что онъ имѣетъ „безсмертную главу и умъ“ и по. Кроме того у Орфиковъ „боги“ вообще (θεοί) называются „воздѣями пресвѣтлой премудрости“ (σοφίης⁴⁾). Премудрость божественная, по ученію Орфиковъ, была виновницею мірозданія и міроустройства. „Твоимъ умомъ, — взываютъ они въ гимнѣ Зевсу, — явилось все; богиня мать-земля, высокія горныя вершины, море и все, что небо содержитъ въ себѣ“. Въ этомъ-же смыслѣ они устанавливаютъ клятву такую: „клянусь тобою, небо, дѣло великаго мудраго Бога“ (θεοῦ μεγάλου σοφοῦ ἔργου⁵⁾). Нельзя не видѣть въ этихъ словахъ отраженія священныхъ истинъ, возвѣщаемыхъ въ Библии словами: *Богъ премудростію основы землю, уготова же небеса разумомъ* (Притч. 3, 19); или: *Господь, сотворивый землю въ крѣпости Своей, устроивый вселенную въ премудрости Своей, и разумомъ Своимъ простре небо* (Іерем. 10, 12); или: *сотворивый небо и землю со всею мнототою ихъ и связавый море словомъ повелѣнія Твоего.*

1) Mullach, pag. 167 col. 2.

2) Orphica, ed. Hermann pag. 488, conf. Mullach, pag. 180.

3) Hermann, ibid. Mullach, ibid.

4) Hermann, ibid.

5) Hermann, pag. 455; Mullach, pag. 168

(Молитва Манассин въ концѣ 2 Паралипоменона, читаемая и на великомъ повечеріи).

з) *Всеобщіе* Божества не менѣе ясно исповѣдуютъ Орфики, когда именуютъ Зевса „всевиждащимъ“ (*Ζεὺς ὁ πανόπτης* ¹⁾) или *Ζεὺς πανομφαῖος* ²⁾ или когда говорятъ, что

„Предъ очами Зевса отца, царя
„Живутъ безсмертные боги и смертные люди,
„А также все, что было рождено и что послѣ родится“ ³⁾.

Припомнимъ также слова вышеприведеннаго отрывка о Зевсѣ, что

„Очи его сугь солнце и противоположная солнцу луна;
„Неложный умъ его есть царственный, нетлѣнный эфиръ,
* „Которымъ онъ все слышитъ и замѣчаетъ, и нѣтъ
„Рѣчи или звука, нѣтъ шума или голоса,
„Который укрылся-бы отъ ушей Діа, всемогущаго Кроніона“.

Не забудемъ также и тѣхъ выраженій въ орфической литературѣ, въ которыхъ Зевсъ отождествляется съ солнцемъ (Гелиосомъ),—этимъ окомъ Зевса, согласно сейчасъ сказанному; а въ гимнѣ солнцу (Гелиосу) мы читаемъ:

„Услыши блаженный, имѣющій всевидающее вѣчное око“ ⁴⁾.

Равно также припомнимъ и то выраженіе, что Зевса

„Никто изъ смертныхъ не видитъ, а онъ видитъ всѣхъ“.

Всѣ эти выраженія въ своей совокупности не могутъ не напоминать изреченій слова Божія такихъ, какъ: *очи Его (Бога) назираютъ всю землю* (2 Пар. 16, 9); *нѣсть тварь не явлена предъ Нимъ, вся же нага и объявлена предъ очима Его* (Евр. 4, 13); *той бо зритель есть дѣлъ человеческихъ, утаится же отъ Него ничто же отъ тѣхъ, яже творятъ: ниже будетъ мѣсто укрытиса творящимъ беззаконная* (Іов. 34, 21—22) и под.

и) Со стороны воли Божества Орфики прежде всего утверждаютъ свободу ея, хотя и вполнѣ благоразумную: воззваніе къ „благоразумному совѣту“ (*εὐφρον βουλή*) Божества не рѣдко

¹⁾ Hermann, pag. 466, Mullach, pag. 170 col. 2 и др

²⁾ Hermann, pag. 125 и 236.

³⁾ Ibid. pag. 492; Mullach, pag. 182 col. 2; conf. Lobeck, Aglaoph. pag. 526.

⁴⁾ *Πανδερξὲς αἰώνιον ὄμμα*. Hermann, pag. 264.

встрѣчается въ орфическихъ гимнахъ ¹⁾. Усвояютъ они Боже-
ству и полную свободу, когда говорятъ, напримѣръ, что оно
„избавитъ отъ бѣдствій, кого восхощетъ“ ²⁾ что „крыльями
Зевсъ можетъ взлетать на все“ и под. Затѣмъ—

и) *Всемогущество* божественной воли Орфики представляютъ,
когда говорятъ о Зевсѣ, какъ „всемогущемъ“ (*ὀπέρμενής*), „крѣп-
комъ“ (*κρατερός*), равно также о тѣлѣ его, какъ „крѣпкомъ, всемо-
гущемъ“, особенно-же, когда изображаютъ его, какъ молніе-
носца и громовержца, каковому изображенію посвящены два
особенныхъ гимна Зевсу. Въ этихъ-же гимнахъ Орфики назы-
ваютъ Зевса „непобѣдимымъ“ (*ἀνίκητος*), ³⁾ говорятъ, обраща-
ясь къ нему: „Твою силу мы знаемъ всѣ“ ⁴⁾ и т. д. Вообще,
какъ прежде мы замѣчали относительно Гомера и Гезіода,
такъ и теперь должны сказать, что всемогущество божествен-
ное производило самое сильное и живое впечатлѣніе на ре-
лигіозное сознание древнихъ грековъ (какъ и другихъ наро-
довъ). Но чего мы не видѣли у Гомера и Гезіода, а находимъ
у Орфики, такъ это указанія на—

к) *Святость* воли божественной. Орфики называютъ Зевса
„несквернымъ“ (*ἀμίαντος*), не разъ — „чистымъ“ (*ἄγιόν*) богомъ“ ⁵⁾;
называютъ его, какъ мы видѣли выше, и „очистителемъ“ (*κα-
θάρσιος*), т. е. требующимъ святости и отъ людей.

л) *Правосудіе* воли божественной Орфики представляютъ очень
ясно, когда говорятъ, что еще „прежде бытія міра судъ (*δίκη*)
сочетался съ Зевсомъ“, ⁶⁾ что „законъ присѣдитъ Зевсу“, ⁷⁾
что „судъ есть спутникъ Зевса“, ⁸⁾ что „онъ возсѣдаетъ на свя-
щенномъ престолѣ царя Зевса“ ⁹⁾. А вотъ и болѣе подроб-
ное изображеніе правосудія Божія Орфиками:

¹⁾ См. напр. гимны: 58 ст. 20; 69. 1; 73, 9; 78, 11 по цитов. изданію *Германа*.

²⁾ Mullach, pag. 186 col. 1.

³⁾ Orphica, ed. Негманн, pag. 283.

⁴⁾ Ibidem, pag. 282.

⁵⁾ Orphica, ed. Негм. pag. 283; conf. pag. 281 и др. срав. вышеприведеннаго
слова гимна солицу.

⁶⁾ Lobesck, pag. 533.

⁷⁾ Ibidem.

⁸⁾ Ibidem., pag. 532.

⁹⁾ Orphica, ed. Негманн, pag. 330.

„Зевсъ наблюдаетъ, кто чтитъ законы о родителяхъ
 „И кто небрежетъ о нихъ, имѣя безстыдное настроеніе духа;
 „И къ тѣмъ Онъ благосклоненъ и милостивъ, даруетъ имъ блага,
 „А этихъ безъ милосердія и съ негодованіемъ предаетъ Евменидамъ ¹⁾:
 „Ужасны на землѣ Ериніи, ²⁾ мстятія за родителей“ ³⁾.

Въ этомъ отрывкѣ, кромѣ указанія на справедливость, правосудіе воли Божіей, есть уже указаніе и на—

м) *Благость* ея, именно въ замѣчаніи, что къ читателямъ законовъ о родителяхъ, т. е. къ почитающимъ родителей, Зевсъ „благосклоненъ и милостивъ, даруетъ имъ блага“. И въ другихъ случаяхъ Орфики называютъ Зевса „благосклоннымъ“ (*εὐμενής*), ⁴⁾ „умолимымъ“ (*μελίχιος*), ⁵⁾ т. е. собственно защитникомъ тѣхъ, которые призываютъ его и ублажаютъ умоливательными жертвами—*μελίχια ἱερά*, и под. Припомнимъ также слова гимна Зевсу, въ которыхъ ему приписывается власть раздавать блага жизни достойнымъ. Равнымъ образомъ въ томъ-же отношеніи дочь Зевса, богиня мудрости, Аѳина Паллада, въ гимнѣ ей, именуется „благоразуміемъ для благихъ“ (*ἀγαθοῦς φρόνησις*), ⁶⁾ т. е. направительницею ко благу ума людей добрыхъ. Наконецъ—

и) Со стороны *чувства* у Орфиковъ также, какъ и у Гомера съ Гезіодомъ, боги вообще и Зевсъ въ особенности именуются „блаженными“ (*μακάρες*). „Всѣ безсмертныя, блаженные боги и богини, — читаемъ мы у Орфиковъ, — все, что было прежде и что будетъ послѣ,—все это соединилось во чревѣ Зевса“ ⁷⁾. Или: „царская власть надъ безсмертными блаженными перешла къ улаждающемуся молніями Зевсу“ ⁸⁾. Припомнимъ также слова гимна Зевсу, гдѣ онъ названъ „отцемъ блаженныхъ боговъ и людей“. Въ другомъ гимнѣ ему

¹⁾ Богинямъ гнѣвнаго проклятія и суроваго отмщенія.

²⁾ Ериніи тоже, что Евмениды.

³⁾ Orphica, ed. Hermann, pag. 472, conf. Mullach, pag. 174.

⁴⁾ Orphica, ed. Hermann, pag. 283.

⁵⁾ Ibidem, pag. 342.

⁶⁾ Ibidem, pag. 293.

⁷⁾ Ibid. pag. 457. Рѣчь идетъ о времени, следовавшемъ за поглощеніемъ Фаванта Зевсомъ.

⁸⁾ Ibid, pag. 88.

же, какъ молніеносцу, онъ и самъ прямо называется „блаженнымъ“ (*μάκαρ*). „Но блаженный,—взываютъ къ нему при этомъ Орфики,—излей тяжкій гнѣвъ твой въ волны моря или на вершины горъ: твою силу мы знаемъ всѣ“¹⁾. А въ одномъ случаѣ мы встрѣчаемъ у Орфиковъ даже такое обозначеніе разсматриваемаго свойства Божія, какое еще не встрѣчалось намъ у Гомера и Гезіода, именно названіе боговъ „всеблаженными“ (*πανμάκαρες*). Это обозначеніе встрѣчается въ гимнѣ Зевсу, какъ молніеносцу, гдѣ онъ изображается, какъ „потрясающій божественными громами мѣстопребываніе всеблаженныхъ“ боговъ, т. е. Олимпъ²⁾.

Въ заключеніе всего не можемъ, хотя мимоходомъ, не отмѣтить той черты въ орфическихъ представленіяхъ о Божествѣ, что Зевсъ представляется здѣсь, какъ творецъ всего міра, какъ „создатель всяческихъ“ (*ὁ τῶν ὅλων δημιουργός*)³⁾. Мы уже видѣли доказательства на это въ вышеприведенныхъ отрывкахъ орфической литературы, въ ученіи Ферекида и въ гимнѣ Зевсу. Такой черты мы также не встрѣчали еще ни у Гомера, ни у Гезіода. А это, какъ и все другое вышерассмотрѣнное, чѣмъ Орфики пополняютъ міросозерцаніе старѣйшихъ основоположителей языческаго богословія древней Греціи—Гомера и Гезіода,—ясно показываетъ, сколь многое изъ глубины своей премудрости показываетъ Богъ разуму человѣческому, когда сей послѣдній въ своихъ изысканіяхъ о Богѣ водится внушеніями вѣры. Въ орфическихъ представленіяхъ о Божествѣ мы видимъ уже ту ступень религіознаго міросозерцанія, на которой оно въ значительной мѣрѣ окрашивается философскимъ оттѣнкомъ, становясь такимъ образомъ религіозно-философскимъ. То, что Орфики приняли отъ предковъ или учителей своихъ, какъ за вѣтъ и достояніе живой вѣры, они небезотчетно приняли, но съ размысленіемъ, даже философскимъ. И однако на всей, довольно продолжительной (VIII—V вв. до Р. Хр.) исторіи своего собственнаго религіозно-философскаго міросозерцанія ясно показали, что по скольку ихъ разумъ не отторгался отъ на-

¹⁾ Ibid, pag. 282.

²⁾ Ibidem, pag. 280.

³⁾ Ibidem, pag. 456; conf. Mullach, pag. 168 col. 2.

чалъ вѣры, онъ глубже и глубже, посредствомъ размышленія, входилъ въ тайны чистаго источника идеи Божества и болѣе чистыя струи ученія о предметѣ этой идеи износили изъ своего размышленія о Немъ, и наоборотъ, чѣмъ дальше отторгался отъ этихъ началъ (какъ у младшихъ Орфиковъ), тѣмъ мутнѣе становились и струи его ученія о Богѣ.

И. Жорсунскій.

(Продолженіе будетъ).

ПИСЬМА

Ф И Л О С О Ф А С Е Н Е К И .

ПИСЬМО XLVI *).

МУДРЫЙ, ИЩУЩІЙ ДОБРОДѢТЕЛИ И СЧАСТІЯ, ДОЛЖЕНЪ ОБЕРЕГАТЬ СЕБЯ ОТЪ ВОЛНЕНІЙ ДУШЕВНЫХЪ.

Я до сихъ поръ тебя берегъ и оставлялъ безъ вниманія все, что оставалось еще запутаннаго въ нашихъ разысканіяхъ, какъ-бы радуясь дать тебѣ возможность предвкусить то, что приводитъ наша школа въ доказательство ученія, что добродѣтель сама по себѣ достаточно дѣйствена для сообщенія жизни полноты счастія. А теперь ты требуешь, чтобы я охватилъ заразъ всѣ выводы, которые или мы сами **) выставили, или другіе придумали для нашего обмана и посмѣянія: пожелай я этого—выйдетъ не письмо, а книга. Я уже столько разъ увѣрялъ и теперь повторяю, что не нахожу удовольствія въ такомъ способѣ веденія доказательствъ. Я стыжусь свизойти до битвы за боговъ и людей, вооружившись иглою сапожника ***). „Кто мудръ, тотъ обуздываетъ себя; кто обуздываетъ себя, тотъ—человѣкъ твердаго характера; кто твердаго характера, тотъ не возмущается страстями; кто не возмущается страстями, тотъ безпечаленъ; кто безпечаленъ, тотъ счастливъ: слѣдственно, мудрый счастливъ, и мудрость достаточно обезпечиваетъ счастливую жизнь“. На этотъ выводъ нѣкоторые перипатетики ****) отвѣчаютъ такимъ образомъ, что понятія

*) Ер. 85.

**) То есть, стоики.

***) То есть, тонкимъ оружіемъ остроумничанья.

****) Перипатетика—последователи Аристотеля, названные такъ или отъ одной изъ залъ Лицея, въ которой училъ Аристотель, или отъ крытой аллеи, или отъ его обычая при лекціяхъ не стоять, а ходить кругомъ.

„невозмутимый, твердый характеромъ и безпечальный“ толкуютъ такъ, какъ будто-бы невозмутимымъ назывался человекъ, только рѣдко и въ малой степени тревожимый страстями, а не тотъ, который никогда не замущается ими. Также и безпечальнымъ у нихъ называется тотъ, который не можетъ быть обвиненъ, какъ поддающійся печали и который не часто бываетъ подверженъ этой слабости и не чрезмѣрно. Ибо, говорятъ они, человѣческая природа не допускаетъ, чтобы душа въ комъ-либо была *совсѣмъ* избавлена отъ печали; что мудрый не обезсиливается печалью, а только задѣвается ею. И остальное видоизмѣняютъ они подобнымъ образомъ по основнымъ положеніямъ своей школы. Они не подавляютъ душевныхъ волненій *), а только ослабляютъ ихъ, не допуская до чрезмѣрности: но какъ-же мало удѣляемъ мы мудрому, если онъ только сильнѣе слабѣйшихъ, радостнѣе отягченныхъ печалью, сдержаннѣе разнузданныхъ и величавѣе низкихъ? Что, если-бы кто сталъ удивляться проворству своихъ ногъ, озираясь на хромыхъ и увѣчныхъ?

Быстро летѣла она по верхушкамъ сѣжаго злака,
Колоса пѣжнаго легкой стогою совсѣмъ не касаясь;
Даже средь моря, качался на вспухнувшей зыбл,
Шла, и — проворной стопы морскою волной не смочила **).

Это стремительность, оцѣненная сама по себѣ, а не получающая хвалу отъ сравненія съ неповоротливостью другихъ. Ну, назовешь-ли ты здоровымъ страдающаго легкою лихорадкой? Легкій характеръ болѣзни — не доброе здоровье. „Мудрый скажутъ, въ такомъ смыслѣ называется безмятежнымъ, какъ извѣстныя гранатовыя яблоки называются безсѣмянодолцыми, не потому, что у нихъ нѣтъ сѣмянныхъ зеренъ, а потому, что эти зерна не такъ сѣлы“. Живое приравниваніе. Вѣдь я въ добродѣтельномъ мужѣ отличаю не уменьшеніе недостатковъ, а полное освобожденіе отъ нихъ: не только малыхъ не долженъ онъ носить въ себѣ, но и совсѣмъ никакихъ. Ибо лишь только какіе-либо есть на лицо, они будутъ расти, и въ

*) Affectus.

**) Virg. Aen. VII. 508 и слѣд. Здѣсь говорится о Камиллѣ, дочери царя Меттаба (въ области Вольсковъ), который носилъ ее, какъ служительницѣ Діаны, въ любви къ борьбѣ и охотѣ.

это самое время сдѣлаются задерживающимъ бременемъ на нашемъ пути. Какъ сильное изліяніе крови въ органъ зрѣнія совершенно ослѣпляетъ его, такъ незначительный подтекъ заволакиваетъ его мглою. Если ты уступишь для мудраго какія-либо душевныя волненія, то разумъ не останется въ состояніи равной силы съ ними, и будетъ унесенъ далеко, какъ-бы стремительнымъ какимъ потокомъ, особенно когда дозволишь ему не одно, а цѣлый сонмъ душевныхъ волненій, съ которыми нужно будетъ бороться. Совмѣстное пребываніе *въ душѣ* многихъ, хотя-бы и незначительныхъ волненій, болѣе имѣетъ силы надъ человѣкомъ, чѣмъ сколько можетъ властвовать надъ нимъ принуждающая сила одного, хотя-бы и напряженнаго волненія. „Онъ любитъ деньги,—говорятъ имъ *перипатетики*,—но не чрезмѣрно; обнаруживаетъ честолюбіе, но не порывистое; показываетъ *иногда* вспыльчивость, но поддающуюся успокоенію; обнаруживаетъ нетвердость, но не слѣпо блуждающую и измѣнчивую; обнаруживаетъ страстность, но не ведущую за собой потери разсудка“. Положеніе того, который имѣлъ-бы одинъ крупный недостатокъ, лучше было-бы обставлено, чѣмъ положеніе того, который имѣлъ-бы не укрѣпившіеся пороки, но всякіе. Послѣ этого не важно, какъ велико душевное волненіе: каково-бы оно ни было количественно, послушанія оно не знаетъ, совѣта не принимаетъ. Какъ ни одно животное не водится разумомъ, ни дикое, ни смирное домашнее (ибо оно по природѣ, какъ глухой, не способно слышать его внушеній), такъ и волненія душевныя не соображаются съ разумомъ, и не слушаютъ его, какъ-бы слабы онѣ ни были. Тигры и львы никогда не разстанутся со своей дикостью; иногда они прячутъ ее внутрь себя: и когда менѣе всего ожидаешь, снова распаляется ихъ успокоенная лютость. Пороки не дѣлаются болѣе ручными отъ простодушнаго довѣрія къ нимъ. Отсюда, если разумъ преобладаетъ въ человѣкѣ, душевныя волненія даже и не возникнутъ; если-же они возникнутъ безъ соизволенія разума, то и держаться будутъ упорно *въ челоуѣкѣ* противъ его воли. Ибо легче воспрепятствовать ихъ появленію, чѣмъ сдерживать ихъ натискъ. Итакъ ложь—эта умѣренность, эта средняя мѣра *пороковъ* несогласна

съ истиной дѣйствительности, не приноситъ пользы и должна быть считаема въ той-же степени цѣнности, какъ и то, что кто-либо сказалъ-бы: нужно безумствовать умѣренно, быть большимъ умѣренно. Одна добродѣтель имѣетъ средства къ соображенію мѣры, злыя-же движенія души не допускаютъ въ себѣ мѣрности: легче уничтожить ихъ, чѣмъ держать ихъ въ рукахъ. Неужели есть какое сомнѣніе въ томъ, что застарѣвшіе и укрѣпившіеся пороки человѣческой души, называемые нами болѣзнями, такіе, какъ любостыжаніе, жестокость, необузданность, забвеніе обязанностей къ Богу и людямъ,— суть чрезмѣрны? Слѣдственно, и волненія душевныя чрезмѣрны, ибо отъ нихъ прямой переходъ къ страстямъ. После этого, если ты уступилъ часть своей самостоятельности печали, страху, похоти и прочимъ извращеннымъ движеніямъ *душевному*, то онѣ не будутъ потомъ въ нашей власти. Почему? потому что впѣ насъ то, чѣмъ они возбуждаются. И такимъ образомъ онѣ возрастаютъ болѣе или менѣе, соотнositельно съ тѣмъ, какъ велики или малы причины, которыми онѣ раздражаются. Боязнь будетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ болѣе или ближе замѣтно будетъ устрашающее, страстное пожеланіе тѣмъ стремительнѣе, чѣмъ значительнѣе предметъ, ожиданіемъ котораго оно вызвано. Если не въ нашей волѣ находится—быть или не быть душевнымъ волненіямъ, тогда и это не отъ насъ зависитъ, насколько онѣ могутъ быть въ насъ; если ты дозволилъ имъ основаться, онѣ будутъ расти вмѣстѣ съ причинами, *ихъ вызывающими*, и настолько увеличатся, насколько даю имъ будетъ хода. Представь себѣ теперь еще и то, что онѣ, сколь-бы ни были малы, выступаютъ все напряженнѣе: пагубное никогда не соблюдаетъ мѣры. Начало болѣзней кроется въ незначительной причинѣ, а онѣ тѣмъ не менѣе по немногу распространяются *въ тѣлѣ*, и болѣе организмы губитъ иногда незначительный припадокъ. Не безуміе-ли это—имѣть склонность вѣрить, что въ нашемъ распоряженіи находятся границы тѣхъ вещей, начало которыхъ лежитъ впѣ нашей воли? Какъ я окажусь въ достаточной силѣ положить границы тому, что я не въ состояніи держать вдали отъ себя? такъ какъ, вѣдь, легче дать имъ отпоръ, чѣмъ, разъ до-

пустивши къ себѣ, сокращать ихъ. Нѣкоторые усмотрѣли раздвоеніе въ мудромъ, такъ что начали утверждать: „сдержанный и мудрый спокоевъ именно въ отношеніи къ внутреннему положенію и состоянію своей души, но не относительно того, что извнѣ приключается съ нимъ; ибо, па сколько это относится къ расположенію духа, онъ не обезпокоивается, не опечаливается, не приводится въ страхъ, но вмѣшиваются многія внѣшнія причины, которыя приносятъ ему волненіе“. Этимъ они желаютъ сказать вотъ что: хотя онъ (мудрый) и не гнѣвливъ, однако иногда поддается гнѣву; хотя онъ и не малодушенъ, однако иногда подпадаетъ страху, т. е. онъ чуждъ порока бояливости, но не свободенъ отъ душевнаго волненія *этого рода*. Но приметъ онъ къ сердцу это прираженіе,—отъ частой привычки боязнь переходитъ въ порокъ; допустить онъ близко къ себѣ гнѣвъ, этотъ послѣдній спметъ съ него покровъ негнѣвливости. Кромѣ того, если не пренебрегаетъ извнѣ приходящихъ обстоятельствъ тотъ, кто хотя немного доступенъ страху,—то, когда ему за отечество, за законы, за свободу придется выступить противъ мечей и огня, онъ пойдетъ раздумчиво и съ унавшимъ духомъ. Такого душевнаго раздвоенія не терпитъ мудрый. Затѣмъ, то—я думаю—слѣдуетъ наблюдать, чтобы не смѣшались двѣ вещи, которыя должны быть доказываемы отдѣльно. Ибо само по себѣ слѣдуетъ, что нравственно доброе есть единственное благо; и опять по существу дѣла другое заключеніе связано съ прежнимъ, что для счастливой жизни достаточно одной добродѣтели. Если нравственно-доброе есть единственное благо, то все согласится, что добродѣтель для счастливой жизни вноситъ достаточную полноту; и обратно, если одна только добродѣтель дѣлаетъ счастливымъ, никакой нельзя сдѣлать уступки въ томъ, что одно есть благо-нравственно—доброе. Ксенократъ и Спевзиппъ *) думали, что можно быть счастливымъ лишь отъ единой добродѣтели, одна

*) Ксенократъ изъ Халкидона, р. 396 г. до Р. Хр. ум. 314 г., ученикъ Платона, знаменитый философъ Старой академіи, представителемъ которой онъ былъ въ теченіи 25 лѣтъ, каковую обязанность онъ принялъ по желанію больного Спевзиппа. — Спевзиппъ—сынъ Евримедона и Потоны, сестры Платона, род. около 395 г. и нѣкоторое время былъ преемникомъ послѣдняго въ академіи.

ко нравственно-доброе *будто-бы* не есть единственное благо. И Эпикуръ также рѣшаетъ, что счастливъ тотъ, кто живетъ въ границахъ добродѣтели, но что сама добродѣтель для счастливой жизни не вноситъ всей полноты, потому что *будто-бы* счастливымъ дѣлаетъ удовольствіе, которое возникаетъ изъ добродѣтели, а не сама добродѣтель. Неудачное разграниченіе! Вѣдь самъ онъ въ то-же время говоритъ, что добродѣтель не можетъ не сопровождаться удовольствіемъ. Такимъ образомъ, если оно всегда находится въ соединеніи съ добродѣтелью и неотдѣлимо отъ нея, то добродѣтель и сама по себѣ достаточна для *возращенія* счастливой жизни: ибо она, добродѣтель, несетъ съ собою удовольствіе, котораго она никогда не лишается, хотя и существуетъ сама по себѣ. А такое утвержденіе нелѣпо, что хотя и можно быть счастливымъ даже отъ единой добродѣтели, но нельзя сдѣлаться счастливѣйшимъ. Какъ это можетъ произойти, я не нахожу способа къ разумнѣю: вѣдь счастливая жизнь заключаетъ въ себѣ благо совершенное, несравнимое; а если она есть именно такое благо, то является счастливой безусловно. Если жизнь боговъ заключаетъ въ себѣ то, чего нѣтъ величественнѣе и лучше, а счастливая жизнь свойственна Божеству, то счастливой жизни дальше некуда и идти. Сверхъ того, если счастливая жизнь не ничто ничего отъ нея, то всякая такая жизнь совершенно полна, и въ силу этого не только есть счастливая, но и счастливѣйшая. Если сомнѣваешься, что счастливая жизнь — высочайшее благо? А коль скоро она заключаетъ въ себѣ высочайшее благо, то, слѣдовательно, представляетъ вершину счастья. Какъ достигшее предѣльнаго верха не допускаетъ никакого роста, такъ какъ дальше некуда и идти, такъ и счастливая жизнь не совмѣщается ни съ какимъ недостаткомъ, когда она не отчуждена отъ высшаго блага. Вѣдь если ты выставишь кого-нибудь болѣе счастливымъ сравнительно съ другими, то этимъ самымъ ты установишь безчисленныя степени для высшаго блага; между тѣмъ какъ подъ высшимъ благомъ я разумѣю то, которое не имѣетъ никакой высшей степени внѣ себя. Если кто менѣе счастливъ, чѣмъ другой, то отсюда слѣдуетъ, что онъ посягаетъ на жизнь болѣе счастливую, чѣмъ его собственная; счастливый же ни-

чего не ставить выше своей жизни. И тотъ и другой изъ обоихъ случаевъ невѣроятенъ, что: или для счастливаго остается еще нѣчто такое, чѣмъ онъ охотнѣе желаетъ быть сравнительно съ тѣмъ, что онъ теперь, или—что онъ не предпочитаетъ то, что у него есть лучшее, отсутствующему. Вѣдь, по истинѣ, чѣмъ кто разсудительнѣе, тѣмъ болѣе тотъ будетъ тянуться къ тому, что есть наилучшее, и всѣми мѣрами захочетъ достигнуть его. Какъ-же можетъ быть счастливымъ тотъ, который еще можетъ желать, даже чувствуетъ себя должнымъ? Я скажу, откуда исходитъ это заблужденіе. Не достаетъ знанія о томъ, что счастливая жизнь есть только единое; въ наилучшее положеніе ставитъ ее ея качество, а не ея пространственный объемъ. Итакъ, она на равной степени находится, долга-ли она или коротка, пространнѣе или ограниченнѣе, простирается-ли она на многія мѣста и многія стороны, или сосредоточена въ одномъ пунктѣ. Кто оцѣниваетъ ее числомъ, мѣрою и частями, отнимаетъ у нея то отличительное, что ей принадлежитъ. Что-же отличительное въ счастливой жизни? То, что она есть всеполное цѣлое. Цѣль ѣды и питья есть, напр., сытость. Одинъ ѣстъ больше, другой меньше: какое это имѣетъ отношеніе къ дѣлу? Вѣдь оба они послѣ этого не чувствуютъ голода. Одинъ пьетъ болѣе, другой менѣе: что новаго вносить это обстоятельство въ наше дѣло? Вѣдь оба они послѣ этого не испытываютъ жажды. Одинъ много лѣтъ прожилъ, другой меньше: никакой нѣтъ прибыли *для счастливой жизни* въ томъ, что этотъ былъ счастливъ въ теченіи многихъ, а тотъ немногихъ лѣтъ. Тотъ, котораго ты называешь менѣе счастливымъ, *совсѣмъ* не есть счастливъ; это названіе не можетъ быть уменьшено *въ объемъ своего содержанія*. Кто силенъ душой, тотъ не поддастся страху; кто не поддастся страху, тотъ безпечаленъ; кто безпечаленъ, тотъ счастливъ. Таковъ выводъ нашей школы. Противъ него усиливаются возразить, что мы отстаиваемъ вещь обманную и подлежащую спору въ качествѣ признанной, когда говоримъ, что кто силенъ душой, тотъ не обнаруживаетъ страха. „Какъ? скажутъ. Мудрый не будетъ страшиться угрожающихъ золъ? Это — признакъ безумнаго и потерявшаго сознаніе своего личнаго бытія человѣка, а не

бодраго. На самомъ дѣлѣ онѣ—продолжаютъ—въ умѣренной степени подверженъ боязливости, только совѣмъ отъ нея не избавленъ“. Утверждающіе это возвращаются на прежній путь, желая поставить на мѣсто добродѣтелей незначительные пороки. Вѣдь кто дѣйствительно тревожится страхомъ, хотя изрѣдка и немного, не чуждъ дурнаго качества, а только мучится отъ него менѣе. „А я считаю того за безумнаго, который не подверженъ приступамъ боязни въ виду грядущихъ бѣдъ“. Ты правъ, если эти бѣды *дѣйствительно* зло; но если онъ твердо увѣренъ, что онѣ не зло, и считаетъ за зло только постыдное, то обязанъ безъ тревоги взирать на опасности и пренебрегать тѣмъ, что другимъ кажется ужасающимъ. Иначе, если не бояться несчастій находится въ свойствахъ *даже* неразумнаго и безумнаго, то, чѣмъ кто проникательнѣе, тотъ будетъ бояться больше. „По вашему мнѣнію — скажутъ — мужественный, слѣдовательно, будетъ оставлять себя на произволь опасностей“. Нисколько; онъ не будетъ ихъ бояться, но отдаляться будетъ; осторожность ему къ лицу, а страхъ неприличенъ. „Что-же? скажутъ—смерти, оковъ, огня и другихъ стрѣлъ судьбы онъ не будетъ бояться?“ Нѣтъ; ибо онъ знаетъ, что они не зло, а только кажутся имъ: онъ считаетъ ихъ только пугалами человѣческой жизни. Опши ему жизнь въ плѣну, побои, голодаше, боли тѣла, терзаемаго болѣзнію или насиліемъ,—и все, что ты ни представишь ему, онъ будетъ считать между предметами, возбуждающими страхъ только у обезумѣннаго, ужаснымъ только для малодушнаго. Или ты то считаешь зломъ, къ чему иногда слѣдуетъ идти добровольно? Какое это зло? ты спросишь. Это—дѣлать уступку въ тѣхъ вещахъ, которыя называются бѣдствіями и поступаться для нихъ своей свободой, изъ-за которой и надлежитъ терпѣть всяческое. Свобода исчезаетъ, когда мы не пренебрегаемъ тѣмъ, что возлагаетъ на насъ ярмо. Не стали-бы сомнѣваться въ томъ, что прилично смѣлодушному мужу, если бы знали, что такое твердость духа. Это не есть—необдуманная, слѣпая отвага, не исканіе опасностей со стороны любителя, не расположеніе особенное къ ужасному: оно есть умѣнье различать, что есть зло и что не есть. Мужество души очень заботливо въ защитѣ себя самого,

но и очень терпѣливо въ перенесеніи того, что имѣетъ только обманчивый видъ зла. „Какъ? когда мечъ готовъ уцѣсть на шею неустрашимаго мужа, когда части его тѣла, одна за другою, покрываются разрѣзами, когда онъ видитъ выпаденіе внутренностей, если послѣ остановки, дабы сильнѣе чувствовалъ мученія, онъ снова подвергается пораненіямъ, и по едва зажившимъ язвамъ у него снова полетѣтъ кровь,—онъ не трепещетъ и не испытываетъ боли“? Онъ страдаетъ, конечно; добродѣтель не отнимаетъ у человѣка чувство; но не трепещетъ передъ страданіемъ; не побѣжденный имъ, онъ смотритъ на него изъ высокой дали. Что за мужество у него бываетъ тогда? ты спросишь. Такое-же, какое бываетъ у людей, угѣшающихъ больнаго друга. „Что зло, то вредитъ; что вредитъ, то дѣлаетъ худшимъ; страданія и бѣдность не дѣлаютъ худшимъ, слѣдственно они не зло“. Ложно—скажутъ—то, что вы здѣсь доказываете: ибо, что вредитъ, не дѣлаетъ потому самому худшимъ. Непогода и буря вредятъ кормчему, но не дѣлаютъ его худшимъ. Нѣкоторые стоики на это отвѣчаютъ слѣдующее: „кормчій отъ непогоды и бури дѣлается худшимъ, потому что не можетъ выполнять то, что предположилъ, и не можетъ наблюдать курса; онъ не дѣлается худшимъ въ отношеніи къ своему искусству, а именно въ его примѣненіи“. Перипатетики возражаютъ: „такимъ образомъ, и мудраго дѣлаютъ худшимъ бѣдность, страданіе и иное подобное; ибо хотя они не похищаютъ у него добродѣтели, но въ дѣятельности затрудняютъ его“. Въ этихъ словахъ была-бы правда, если бы въ положеніи кормчаго и мудраго не было кореннаго различія. Задача послѣдняго въ жизнедѣятельности не въ томъ состоитъ, чтобы непременно совершать то, что замыслилъ, но во всѣхъ дѣйствіяхъ быть справедливымъ: кормчему-же предстоитъ непременно довести корабль до пристани. Въ услуженіи у него искусство и ловкость, они должны доставить то, что обѣщаютъ; мудрость же одна, въ одно и то-же время, повелѣваетъ и управляетъ. Искусство и ловкость служатъ подмогой жизни, мудрость повелѣваетъ ею. Я думаю, умѣстнѣе здѣсь иной, именно такого рода отвѣтъ, что ни способности кормчаго, ни отправление имъ своего дѣла не сдѣлаются худшими отъ непогоды. Кормчій обѣ-

щаетъ тебѣ не благополучное плаваніе, а только свои полезныя услуги и опытность въ управленіи кораблемъ: и она проявляется тѣмъ болѣе, чѣмъ большая сила случайностей стоитъ на пути. Кто могъ сказать: „Нептунъ, даруй, чтобы этотъ корабль шелъ не иначе, какъ по правильному пути“, тотъ при своемъ искусствѣ сдѣлалъ довольно; непогода препятствуетъ не дѣйствіямъ кормчаго, а его успѣху. Какъ-же? скажутъ: не вредитъ кормчему то, что мѣшаетъ ему пристать въ гавань: что дѣлаетъ напраснымъ его напряженіе, что его относить. задерживаетъ и лишаетъ его корабль оснастки?—Это вредитъ ему не какъ кормчему, а какъ путнику. Иногда даже это столь мало препятствуетъ искусству кормчаго, что еще болѣе его обнаруживаетъ: на тихомъ морѣ—говоритъ пословица—всякій кормчій хорошъ. Эти вещи затруднительны для судна, а не для кормчаго, какъ таковаго. Кормчій имѣетъ двѣ роли: одна общая со всѣми тѣми, которые сѣли на тотъ-же самый корабль, на которомъ и онъ самъ путникъ; другая—его собственная, насколько онъ кормчій. Непогода вредитъ ему, какъ путнику,—не какъ кормчему. И потомъ, искусство кормчаго существуетъ на благо другихъ, оно близко касается тѣхъ, которыхъ онъ везетъ на кораблѣ, какъ искусство врача—тѣхъ, которыхъ онъ лѣчитъ. Мудрость-же есть нераздѣльное, всѣмъ принадлежащее благо,—и тѣмъ, съ которыми мудрый живетъ, и ему самому лично. Такимъ образомъ для кормчаго, можетъ быть, невыгодно, если его служба по веденію корабля затрудняется непогодой: мудрому нѣтъ вреда ни отъ бѣдности, ни отъ страданія, ни отъ другихъ жизненныхъ невгодъ. Ибо не вся дѣятельность его задерживается, а только та, которая касается другихъ: онъ всегда находится при дѣлѣ, не всегда только является при успѣхѣ; и онъ тогда наиболѣе величественъ, когда судьба возстаетъ противъ него; тогда онъ именно и ведетъ дѣло самой мудрости, которая есть и его собственнос, и всѣхъ благо, какъ мы сказали. Впрочемъ, даже и другимъ приносить пользу онъ не находитъ препятствія, когда его самого угнетаютъ какія-либо неизбѣжныя обстоятельства. По причинѣ бѣдности онъ далекъ отъ того, чтобы давать наставленія, какъ должно быть управляемо государство; но за то онъ учитъ тому, какъ долж-

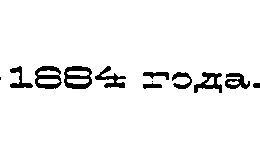
по относиться къ бѣдности: его дѣла ему хватаетъ на цѣлую жизнь. Такимъ образомъ ни судьба, ни случай не преграждаетъ дѣятельности мудраго: онъ вѣдь ведетъ то самое дѣло, изъ-за котораго ему закрывается доступъ къ чему-либо другому. Въ обоихъ случаяхъ онъ является на мѣстѣ: и какъ управитель счастія, и какъ успѣшный ратоборецъ несчастія. Онъ, говорю я, вывелъ себя на такой просторъ, что можетъ обнаруживать свою добродѣтель какъ въ счастіи, такъ и въ несчастіи, и охватываетъ умственнымъ взоромъ не внѣшнюю ея оболочку, а самое существо ея. Послѣ этого ему не мѣшаетъ ни бѣдность, ни страданіе, ни иное что-либо, что неопытныхъ сбиваетъ съ пути и спинаетъ съ ногъ. Ты думаешь, несчастія придавливаютъ мудраго? Онъ обращаетъ ихъ въ пользу себѣ. Не изъ слоновой только кости Фидій *) умѣлъ дѣлать статуи: дѣлалъ онъ ихъ и изъ мѣди; принесъ-ли-бы ты ему мраморъ, или еще худшій матеріалъ, онъ сдѣлалъ-бы изъ него что только могъ лучшее. Такъ и мудрый разовьетъ свою доблесть и при богатствѣ, если можно будетъ; если нѣтъ, то и при бѣдности; если можно, въ отечествѣ; если нельзя, то и въ изгнаніи; если можетъ, то какъ полководецъ; гдѣ этого нельзя, то какъ простой воинъ; если можно, то при здоровьѣ нетропныхъ силъ; а если нѣтъ, то и при слабости. Какія-бы обстоятельства ни окружали его, онъ и среди нихъ произведетъ нѣчто достойное доброй памяти. Есть укротители, которые самыхъ свирѣпыхъ, и своею встрѣчею возбуждающихъ въ чловѣкѣ ужасъ, звѣрей приучаютъ терпѣть ярмо, и не довольствуясь тѣмъ, что уменьшили ихъ дикость, приручаютъ ихъ до совмѣстнаго житія. Укротитель просовываетъ свою руку въ пасть львовъ, цѣлуется съ тигромъ его надсмотрщикъ; самый маленькій еѳіоплянинъ заставляетъ слона стать на колѣна и ходить, повинаясь веревкѣ. Такъ и мудрый—самый свѣдущій чловѣкъ въ искусствѣ обезсиловать злое. Страданіе, бѣдность, безславіе, тюрьма, ссылка и все иное, возбуждающее въ насъ отвращеніе ужаса, когда коснутся его, въ его рукахъ теряютъ свои ужасающія свойства.

*) Фидій, изъ Аѳинъ, род. приблизительно около 500 л. до Р. Хр., знаменитый ваятель, живописецъ и архитекторъ Греціи.

ЛИСТОКЪ

ДЛЯ

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ

15 Октября № 19. 1884 года.

Содержаніе: Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.—Отъ Харьковскаго комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.

Опредѣленіе Святѣйшаго Синода.

Отъ 5—18 сентября 1884 года за № 1801, о Высочайше утвержденныхъ уставахъ и штатахъ духовныхъ семинарій и училищъ.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложеніе г. исполняющаго обязанности синодальнаго Оберъ-Прокурора, отъ 29 минувшаго августа за № 4168, коимъ объявляетъ Святѣйшему Синоду, для зависящихъ распоряженій, о томъ, что согласно опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 8 минувшаго августа, г. Оберъ-Прокуроромъ были повергнуты на Высочайшее Его Императорскаго Величества воззрѣніе проекты измѣненныхъ уставовъ и штатовъ духовныхъ семинарій и училищъ, и что Государь Императоръ, въ 22-й день того-же августа, удостоивъ означенные проекты утвержденія, вмѣстѣ съ тѣмъ Высочайше соизволилъ на предоставленіе Святѣйшему Синоду ввести, съ начала наступившаго 1884—5 учебнаго года, эти уставы и штаты лишь въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются собственно административнаго строя духовныхъ семинарій и училищъ, введеніе же въ дѣйствіе части учебной отложить до будущаго 1885—6 учебнаго года. И, по справкѣ, приказали: 1) Высочайше утвержденные, въ 22-й день минувшаго августа, уставы и штаты духовныхъ семинарій и училищъ поручить Хозяйственному Управленію при Святѣйшемъ Синодѣ, по напечатаніи въ здѣшней синодальной типографіи, въ потребномъ количествѣ экземпляровъ, разослать въ сино-

далыныя конторы, членамъ Святѣйшаго Синода и епархіальнымъ преосвященнымъ архіереямъ, въ подлежащемъ каждому изъ преосвященныхъ количествѣ, какъ для нихъ лично, такъ для духовныхъ академій (гдѣ онѣ находятся), духовныхъ семинарій и училищъ, епархіальныхъ консисторій, состоящихъ при преосвященныхъ канцелярій, а равно и викарныхъ архіереевъ, передавъ, сверхъ того, по два экземпляра таковыхъ уставовъ и штатовъ въ Учебный Комитетъ при Святѣйшемъ Синодѣ, въ канцелярію Оберъ-Прокурора, во всѣ отдѣленія синодальной канцеляріи и къ дѣламъ управляющаго сею канцеляріею. 2) Для припечатанія означенныхъ Высочайше утвержденныхъ уставовъ и штатовъ въ „Сенатскихъ Вѣдомостяхъ“, въ „Церковномъ“ и „Правительственномъ“ Вѣстникахъ, препроводить печатные экземпляры тѣхъ уставовъ и штатовъ въ Правительствующій Сенатъ при вѣдѣніи, а въ редакціи названныхъ изданій при выпискахъ. 3) На основаніи 2-го пункта изъясненной въ настоящемъ предложеніи Высочайшей воли ввести новые уставы и штаты съ наступившаго 1884—5 учебнаго года одновременно во всѣхъ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ лишь въ тѣхъ частяхъ, которыя касаются собственно административнаго строя духовныхъ семинарій и училищъ, введеніе-же въ дѣйствіе части учебной на основаніяхъ, которыя имѣютъ быть выработаны впоследствии, отложить до будущаго 1885—6 учебнаго года. 4) Принимая во вниманіе, что, съ введеніемъ въ будущемъ учебномъ году въ дѣйствіе учебной части въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ, на основаніяхъ настоящихъ Высочайше утвержденныхъ уставовъ и штатовъ сихъ учебныхъ заведеній, нѣкоторые изъ преподавателей, вслѣдствіе новой постановки учебной части по всѣмъ предметамъ и особенно вслѣдствіе уменьшенія числа уроковъ по классическимъ языкамъ, должны будутъ остаться за штатомъ, поручить епархіальнымъ преосвященнымъ представить Святѣйшему Синоду къ 1 апрѣля 1885 года свѣдѣнія о таковыхъ преподавателяхъ и соображенія о томъ, не окажется-ли возможности дать этимъ лицамъ другія назначенія въ учебныхъ заведеніяхъ ихъ епархій. 5) О содержаніи настоящаго опредѣленія, чрезъ напечатаніе онаго въ „Церковномъ Вѣстникѣ“, поставить въ извѣстность епархіальнымъ преосвященнымъ архіереевъ для зависящихъ съ ихъ стороны, въ чемъ слѣдуетъ, распоряженій къ исполненію сего опредѣленія.

На подлинныхъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Быть по сему“.

Въ Петергофѣ,
22-го августа 1884 года.

УСТАВЫ И ШТАТЫ

ПРАВОСЛАВНЫХЪ ДУХОВНЫХЪ СЕМИНАРІЙ И УЧИЛИЩЪ.

Уставъ православныхъ духовныхъ семинарій

Гл. I.—Общія положенія.

§ 1. Духовныя семинаріи суть учебно-воспитательныя заведенія для приготовленія юношества къ служенію православной Церкви.

§ 2. Семинаріи учреждаются съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода и содержатся на состоящія въ его распоряженіи средства, при Всемилощивѣйше дарованномъ пособіи изъ государственнаго казначейства.

§ 3. Семинаріи, подъ главнымъ управленіемъ Святѣйшаго Синода, находятся въ ближайшемъ вѣдѣніи епархіальныхъ архіереевъ.

§ 4. При семинаріи состоятъ: ректоръ, инспекторъ и его помощники, преподаватели, духовникъ, онъ-же и священникъ семинарской церкви, врачъ, экономъ и почетный блюститель по хозяйственной части.

§ 5. При семинаріи полагается правленіе для дѣлъ по учебной, нравственной и хозяйственной частямъ.

§ 6. Въ семинаріи принимаются молодые люди православнаго исповѣданія изъ всѣхъ сословій.

§ 7. Въ семинаріи полагается шесть классовъ съ годичнымъ курсомъ въ каждомъ.

§ 8. Въ епархіяхъ многочисленныхъ могутъ быть открываемы штатныя параллельныя отдѣленія, на средства Святѣйшаго Синода, въ нѣкоторыхъ или во всѣхъ классахъ семинарій, сообразно съ потребностями каждой епархіи.

§ 9. По желанію духовенства, для дѣтей его могутъ быть открываемы на мѣстныхъ средства сверхштатныя параллельныя отдѣленія, на одинаковыхъ основаніяхъ съ классами, по штату положенными.

§ 10. За обученіе въ семинаріи платы не взимается.

§ 11. Сироты и дѣти бѣдныхъ родителей, отличающіеся усилъами въ наукахъ и добрымъ поведеніемъ, принимаются на казенное содержаніе по числу опредѣляемыхъ отъ Святѣйшаго Синода вакансій, соотвѣтственно потребностямъ каждой епархіи.

§ 12. Въ семинаріяхъ учреждаются общежитія для казенныхъ и своихъ комитныхъ воспитанниковъ, согласно съ правиламъ устава.

§ 13. По окончаніи курса наукъ, лучшіе воспитанники поступаютъ въ духовныя академіи, другіе; по прошеніямъ, опредѣляются епархіальнымъ начальствомъ на священно- и церковно-служительскія мѣста, или-же занимаютъ учительскія и надзирательскія должности въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ.

Гл. II.—О власти епархіальнаго архіерея въ отношеніи къ семинаріи.

§ 14. Епархіальный архіерей, какъ главный начальникъ духовныхъ училищъ своей епархіи, имѣетъ высшее наблюденіе за направліемъ преподаванія, воспитаніемъ учащихся и вообще за исполненіемъ въ семинаріи сего устава.

§ 15. Онъ посѣщаетъ семинарію во всякое время, входитъ во все подробности управленія и удостоверяется въ степени ея благоустройства.

§ 16. Онъ присутствуетъ на испытаніяхъ воспитанниковъ, особенно оканчивающихъ курсъ.

§ 17. О всехъ мѣрахъ къ устраненію замѣчаемыхъ недостатковъ или къ улучшенію той или другой части семинарскаго устройства, въ предѣлахъ настоящаго устава, преосвященный даетъ правленію семинаріи письменныя предложенія къ исполненію, или для обсужденія.

§ 18. Поставляя на видъ, кому слѣдуетъ, усмотрѣнныя несправности по службѣ, преосвященный, въ случаѣ важнаго проступка со стороны должностнаго лица, даетъ правленію предложеніе о временномъ устраненіи виновнаго отъ должности, а по обслѣдованіи вины законнымъ порядкомъ дѣлаетъ соотвѣтственное распоряженіе.

§ 19. Епархіальный архіерей, по окончаніи каждаго учебнаго года, представляетъ Святѣйшему Синоду по § 34 отчетъ о состояніи семинаріи въ учебномъ и нравственномъ отношеніи.

§ 20. Епархіальный архіерей увольняетъ въ отпуски ректора и инспектора; отъ него-же зависятъ отпуски и прочихъ должностныхъ лицъ въ учебное время на срокъ болѣе четырнадцати дней, но не выше четырехъ мѣсяцевъ, въ случаяхъ крайней необходимости.

§ 21. Епархіальный архіерей охраняетъ права и преимущества семинаріи и, по представленію ректора, ходатайствуетъ о награжденіи должностныхъ лицъ; прочія отношенія его къ семинаріи опредѣляются въ подлежащихъ главахъ устава.

Гл. III.—О ректорѣ семинаріи.

§ 22. Ректоръ есть непосредственный начальникъ семинаріи, отвѣтствующій за благоустройство и благосостояніе ея во всехъ частяхъ.

§ 23. Ректоръ назначается Святѣйшимъ Синодомъ, по представленію епархіальнаго архіерея, изъ лицъ съ ученою степенью магистра или кандидата богословія.

§ 24. На открывшуюся вакансію ректора епархіальный преосвященный представляетъ одного или двухъ кандидатовъ. Отъ усмотрѣнія Святѣйшаго Синода зависятъ утвердить одного изъ представленныхъ, или назначить иное лицо.

Примѣчаніе. Если на должность ректора будетъ назначенъ изъ монашествующихъ лицъ не извѣющей сана архимандрита, а изъ блага духовенства священникъ, то, при утвержденіи на должность, первый возводится въ санъ архимандрита, а послѣдній—въ санъ протоіерея.

§ 25. Ректору, какъ ближайшему начальнику семинаріи, подчиняются все должностныя лица оной.

§ 26. Кроме службы при семинаріи, ректоръ не можетъ занимать никакой другой должности.

Примѣчаніе. Если семинарія помѣщается въ монастырѣ, то ректоръ (архимандритъ) можетъ быть вмѣстѣ и настоятелемъ того монастыря. Кроме сего ректоръ имѣетъ право состоять непремѣннымъ членомъ комитетовъ, управляющихъ городскими и общественными бібліотеками и быть предсѣдателемъ совѣтательнаго комитета епархіи по церковно-приходскимъ школамъ.

§ 27. Главное вниманіе ректора должно быть обращено на учебную часть.

§ 28. Преподавая Св. Писаніе въ VI классѣ, ректоръ, независимо отъ сего, обязывается: посѣщать, сколько можно чаще, классы, вникать въ направленіе и способы преподаванія, наблюдать за точнымъ исполненіемъ утвержденныхъ программъ, за своевременнымъ окончаніемъ установленныхъ оными курсовъ преподаванія въ каждомъ классѣ, слѣдить за усѣбнымъ прохожденіемъ предметовъ и личнымъ вліяніемъ направлять дѣятельности наставниковъ къ достиженію общей цѣли семинарскаго образованія.

§ 29. Ректоръ обращаетъ заботливое вниманіе и на прочія части семинарскаго устройства, лично наблюдая за исполненіемъ правилъ касательно религіозно-нравственнаго и физическаго воспитанія учащихся, содержанія и леченія больныхъ, сохраненія внѣшняго порядка и исправности по хозяйственной части.

§ 30. Ректоръ, какъ предсѣдатель правленія семинаріи, опредѣляетъ время его засѣданій, предлагаетъ на обсужденіе свои предположенія, соблюдаетъ очередь при разсмотрѣніи вопросовъ, вносимыхъ другими членами, слѣдитъ за правильностію и порядкомъ засѣданій, отбрасываетъ голоса, на основаніи высказанныхъ мнѣній предлагаетъ проекты рѣшеній и, по подписаніи журнала, дѣлаетъ распоряженія согласно §§ 106 и 107 сего устава.

§ 31. Ректоръ требуетъ отъ всехъ должностныхъ лицъ точнаго исполненія ихъ обязанностей; въ нужныхъ случаяхъ дѣлаетъ внушенія и замѣчанія, а при неѣffectивности сихъ мѣръ доноситъ епархіальному архіерею.

§ 32. Все жалобы по семинаріи какъ словесныя, такъ и письменныя, ректоръ, смотря по ихъ важности, или рѣшаетъ собственною властію, или вноситъ на разсмотрѣніе правленія.

§ 33. По истеченіи каждаго мѣсяца, ректоръ представляетъ преосвященному краткія свѣдѣнія о семинаріи, а о значительныхъ пропущеніяхъ доноситъ ему немедленно.

§ 34. По истеченіи каждаго учебнаго года, ректоръ составляетъ подробный отчетъ по учебной и нравственной частямъ, который, по разсмотрѣніи правленіемъ, представляетъ епархіальному архіерею.

§ 35. Ректоръ даетъ служащимъ при семинаріи отпуски въ учебное время на срокъ не свыше четырнадцати дней, въ случаѣ крайней необходимости.

§ 36. Онъ входитъ съ представленіями къ преосвященному о награжденіи должностныхъ лицъ семинаріи, по его усмотрѣнію заслуживающихъ особаго вниманія начальства.

§ 37. По всѣмъ дѣламъ семинаріи ректоръ сносится, по принадлежности, съ разными лицами и мѣстами, кромѣ вышнихъ, сношенія съ коими производятся отъ имени епархіальнаго архіерея въ предѣлахъ его власти.

Гл. IV.—Объ инспекторѣ.

§ 38. Инспекторъ назначается Святѣйшимъ Синодомъ, по представленію епархіальнаго преосвященнаго, изъ лицъ, имѣющихъ степень магистра или кандидата богословія, предпочтительно состоящихъ въ духовномъ санѣ.

§ 39. Преподавая Св. Писаніе въ V классѣ, инспекторъ раздѣляетъ труды ректора по всѣмъ частямъ семинарскаго управленія; главную-же его обязанность составляетъ наблюденіе за нравственнымъ и физическимъ воспитаніемъ обучающихся въ семинаріи.

§ 40. Руководствуясь въ своей дѣятельности уставомъ и особою инструкціею, составляемою правленіемъ и утверждаемою епархіальнымъ архіереемъ, инспекторъ обязуется присутствовать при молитвахъ учениковъ, при ихъ столѣ и во время приготовленія уроковъ.

§ 41. Наблюденіе за исправнымъ посѣщеніемъ учениками классовъ, дознаніе причинъ ихъ отсутствія, бдительный надзоръ, въ семинаріи и внѣ оной, за ихъ поведеніемъ, чистотою, опрятностію, состояніемъ ихъ здоровья, лежатъ также на обязанности инспектора.

§ 42. Кромѣ сего инспектору поручается смотрѣть, чтобы установленное по семинаріи распредѣленіе времени было исполняемо съ точностію какъ учащими, такъ и учащимся.

§ 43. На инспектора возлагается попеченіе о томъ, чтобы бібліотека семинаріи, физическій кабинетъ и другія учебныя пособія содержались постоянно въ надлежащей исправности.

§ 44. Онъ заботится и о томъ, чтобы не было недостатка въ классныхъ принадлежностяхъ и учебныхъ руководствахъ и пособіяхъ, о чемъ своевременно представляетъ правленію семинаріи.

§ 45. Инспекторъ, дѣйствуя на учащихся всѣми предоставленными ему мѣрами, о несправныхъ или учинившихъ какой-либо важный проступокъ представляетъ, съ согласія ректора, правленію.

§ 46. Инспекторъ даетъ учащимся отпуска на дни воскресные и праздничные, также на вакаціонное время; въ дни несвободные отъ занятій увольняетъ ихъ въ отпускъ, съ согласія ректора.

§ 47. Инспекторъ представляетъ правленію ежемѣсячныя и годичныя вѣдомости объ успѣхахъ и поведеніи воспитанниковъ.

§ 48. Въ случаѣ отсутствія или болѣзни ректора, инспекторъ исправляетъ его должность.

Гл. V.—О помощникахъ инспектора.

§ 49. Помощники инспектора опредѣляются на должности при началѣ учебнаго года Святѣйшимъ Синодомъ, по представленіямъ академическихъ совѣтовъ, а въ теченіе учебнаго года Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, по докладамъ Учебнаго Комитета.

§ 50. Помощники инспектора назначаются изъ лицъ, имѣющихъ степень магистра или кандидата духовной академіи; въ случаѣ-же нужды могутъ быть назначаемы и дѣйствительные студенты академіи, съ жалованьемъ 700 руб. въ годъ.

Примѣчаніе. При недостаткѣ лицъ съ академическимъ образованіемъ, допускаются къ исправленію должностей помощниковъ инспектора и студенты семинаріи, съ разрѣшенія епархіальнаго преосвященнаго, по рекомендаціи инспектора и представленію ректора, послѣ предварительнаго трехмѣсячнаго испытанія, съ назначеніемъ имъ жалованья 500 р., а по выслугѣ 5-ти лѣтъ 700 р.

§ 51. Помощники инспектора, имѣющіе степени магистра и кандидата, получаютъ, по штату положенное, жалованье (700 р.), а прослужившіе пять лѣтъ—увеличенное, въ размѣрѣ 900 р.

§ 52. Помощники инспектора, раздѣляя съ инспекторомъ труды по части воспитанія, поступаютъ во всѣхъ случаяхъ по его указаніямъ и представляютъ ему отчеты въ своихъ дѣйствіяхъ.

§ 53. Обязанности помощниковъ инспектора точнѣе опредѣляются письменною инструкціею, которая составляется инспекторомъ, разсматривается правленіемъ семинаріи и утверждается епархіальнымъ архіереемъ.

§ 54. Съ обязанностями помощниковъ инспектора не соединяются никакія другія обязанности или должности.

§ 55. Помощники инспектора, въ случаяхъ надобности, приглашаются въ засѣданія правленія семинаріи съ совѣщательнымъ голосомъ по части воспитанія.

Примѣчаніе. Въ многолюдныхъ семинаріяхъ, для усиленія надзора, можетъ быть учреждаема, на мѣстныхъ средства, должность надзирателей изъ окончившихъ курсы семинаріи изъ перваго разрядѣ, опредѣляемыхъ епархіальнымъ преосвященнымъ, по выбору инспектора и представленію ректора, по трехмѣсячномъ испытаніи.

Гл. VI.—О преподавателяхъ.

§ 56. Преподаватели семинаріи опредѣляются на должности при началѣ учебнаго года Святѣйшимъ Синодомъ, по представленіямъ академическихъ совѣтовъ, а въ теченіе учебнаго года Оберъ-Прокуроромъ Святѣйшаго Синода, по докладамъ Учебнаго Комитета.

§ 57. Преподаватели должны имѣть ученую степень магистра или кандидата духовной академіи, а учителя физико-математическихъ наукъ установленное свидѣтельство на право преподаванія въ гимназіи по своимъ предметамъ.

§ 58. Для преподаванія новыхъ и инородческихъ языковъ и для обученія искусствамъ могутъ быть приглашаемы, съ утвержденія епархіальнаго архіерея, наставники изъ гимназій и другихъ учебныхъ заведеній, съ вознагражденіемъ по соглашенію ихъ съ правленіемъ семинаріи, съ утвержденія епархіальнаго архіерея.

§ 59. Преподаватели, имѣющіе до 12 уроковъ въ недѣлю, получаютъ, по штату положенное, жалованье (700 р.), прослужившіе-же пять лѣтъ—увеличенное, въ размѣрѣ 900 р., при чемъ за каждый годичный урокъ, сверхъ 12, полагается добавочное вознагражденіе первымъ по 50 р., а вторымъ—по 60 руб.

§ 60. Каждый наставникъ долженъ преподавать свой предметъ по утвержденной Святѣйшимъ Синодомъ программѣ, заботясь какъ о своевременномъ выполненіи ея, такъ и о томъ, чтобы все преподаваемое по программѣ было усвоено учащимися.

§ 61. При окончаніи учебнаго года, преподаватели представляютъ ректору отчетъ о пройденномъ, при чемъ могутъ заявлять ему свои предположенія объ измѣненіяхъ, какія, по указанію опыта, находятъ нужнымъ сдѣлать въ программѣ или методѣ преподаваемого ими предмета.

§ 62. На преподавателей возлагается наблюденіе во время уроковъ за порядкомъ и тишиною въ классѣ, при чемъ учениковъ, нарушающихъ спокойствіе, они или сами подвергаютъ установленнымъ взысканіямъ, или сообщаютъ инспектору.

§ 63. Преподаватель, въ случаѣ невозможности быть въ классѣ, заблаговременно уведомляетъ ректора о причинѣ своего отсутствія, дабы начальство семинаріи могло принять мѣры къ назначенію воспитанникамъ занятій.

§ 64. Преподаватель семинаріи не можетъ занять какую-либо другую должность безъ разрѣшенія епархіальнаго архіерея.

Гл. VII.—О прочихъ должностныхъ лицахъ.

§ 65. Прочія должностныя лица: духовникъ, бібліотекаръ, врачъ, экономъ, секретарь правленія и почетный блюститель по хозяйственной части опредѣляются на должности епархіальнымъ архіереемъ по представленію правленія.

§ 66. Духовникъ избирается изъ лицъ епархіальнаго духовенства, опытный въ духовной жпзни и знакомый съ порядками жизни семинарскихъ воспитанниковъ.

§ 67. Къ обязанностямъ духовника относятся: совершеніе богослуженія въ семинарской церкви и повѣдь учениковъ семинаріи.

Примѣчаніе. Духовнику предоставляется, когда найдетъ онъ нужнымъ, вести духовныя бесѣды съ учениками.

§ 68. Библіотекаръ избирается правленіемъ изъ наличныхъ преподавателей семинаріи и пользуется по этой должности добавочнымъ жалованьемъ, въ штатѣ опредѣленнымъ, кромѣ тѣхъ семинаріи, гдѣ обязанность эта, по штату, возлагается на одного изъ преподавателей, безъ особаго вознагражденія.

§ 69. На его обязанности лежатъ: правильное веденіе каталоговъ, храненіе въ порядкѣ и цѣлости всѣхъ книгъ, составляющихъ бібліотеку, выдача книгъ учителямъ и ученикамъ и пріемъ отъ нихъ на основаніи правилъ, правленіемъ семинаріи установленныхъ.

§ 70. Врачъ ежедневно посѣщаетъ семинарскую больницу для леченія больныхъ и смотра заболѣвающихъ.

§ 71. Онъ надзираетъ за чистотою и порядкомъ въ больницѣ, а также наблюдаетъ съ своей стороны по семинаріи, все-эп, касающееся помыщенія, содержанія и вообще образа жизни воспитанниковъ, соотвѣтствуетъ охраненію здоровья.

§ 72. Всѣ замѣчанія и соображенія по своей части врачъ представляетъ ректору, который, по степени ихъ важности, или самъ дѣлаетъ соответственныя распоряженія, или предлагаетъ правленію.

§ 73. Въ нужныхъ случаяхъ врачъ приглашается въ засѣданіе правленія съ правомъ голоса по предметамъ его обязанностей.

§ 74. Кромѣ учащихъ врачъ обязанъ пользоваться и прочихъ лицъ, служащихъ при семинаріи.

§ 75. Экономъ избирается изъ лицъ какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ.

§ 76. На эконома возлагаются исполнительныя распоряженія по хозяйственной части.

§ 77. Экономъ избираетъ служителей, назначаетъ имъ, съ утвержденія правленія, жалованье, распоряжается имъ и заботится о немедленномъ замѣщеніи выбывающихъ.

§ 78. Экономъ долженъ смотрѣть за правильнымъ состояніемъ семинарскихъ зданій, надлежащимъ ихъ отопленіемъ и освѣщеніемъ, чистотою и опрятностію, а также за пищею и одеждою воспитанниковъ.

§ 79. На его ответственности лежитъ соблюденіе всѣхъ по дому полицейскихъ правилъ.

§ 80. Блѣжайшія на разные случаи указанія по всѣмъ этимъ обязанностямъ эконома получаютъ отъ ректора или правленія семинаріи.

§ 81. Экономъ ведетъ приходо-расходныя книги и, по окончаніи каждаго мѣсяца, представляетъ правленію въдвоинѣ: одну о суммѣ на расходы ему выданной, и другую о приходѣ, расходѣ и остаткѣ всѣхъ матеріаловъ и припасовъ.

§ 82. Почетный блюститель по хозяйственной части избирается изъ дворянъ или почетныхъ гражданъ и купцовъ.

§ 83. Главная обязанность почетнаго блюстителя состоитъ въ содѣйствіи къ лучшему содержанію семинаріи по хозяйственной части.

§ 84. Почетный блюститель способствуетъ сему какъ денежными и другими по усердію своему, приношеніями, одновременно и постоянными, такъ и участіемъ въ дѣлахъ правленія, въ качествѣ члена онаго по хозяйственной части.

§ 85. Онъ имѣетъ право посѣщать семинарію, особенно въ неучебные часы, присутствовать при столѣ учениковъ, входить въ ихъ нужды по содержанію пищею и одеждою, осматривать жилыя комнаты, больницу, кухню и другія хозяйственныя заведенія по семинаріи.

§ 86. Замѣтивъ упущенія или безпорядки по хозяйственной части, почетный блюститель имѣетъ право представлять объ оныхъ ректору.

§ 87. Секретарь правленія избирается изъ преподавателей семинаріи, или-же изъ лицъ, не принадлежащихъ къ ней.

§ 88. Секретарь правленія завѣдуетъ канцеляріею онаго и семинарскимъ архивомъ.

§ 89. Къ его обязанностямъ относится готовить къ докладу дѣла, поступающія въ правленіе, докладывать оныя, составлять по заключеніямъ правленія журналы и исполненія по нимъ за собственною скрѣпою, вести

переписку по части ректора, и вообще исполнять все, что до дѣлопроизводства правленія касается.

§ 90. Писцы нанимаются секретаремъ правленія, съ вѣдома ректора семинаріи, и получаютъ содержаніе, по назначенію правленія, пзъ общей суммы, на канцелярію ассигнуемой.

Примѣчаніе. Учащіеся въ семинаріи къ занятіямъ писемоводствомъ допускаемы быть не могутъ.

(Окончаніе будетъ).

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Харьковскій Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества доводитъ до всеобщаго свѣдѣнія, что въ составъ суммъ Комитета въ сентябрь мѣсяць 1884 года поступило: отъ Алексѣя Васильевича Мурзина 3 р., отъ Карпа Семеновича Иванова 3 р., отъ Александры Александровны Крыловой 3 р., отъ Анастасіи Ивановны Наденовой 3 р., отъ Екатерины Васильевны Фирсовой 3 р., отъ священника Григорія Лобковскаго 10 р., получено по 14-ти билетамъ на вѣчные вклады за полгода процентовъ 48 р. 75 к., отъ надворнаго совѣтника Георгія Петровича Доронина 3 р.; итого въ сентябрь мѣсяць 1884 г. поступило 76 р. 75 к., а всего съ поступившими съ 1 января 1884 года 2600 р. 67 к. Всѣхъ ревнителей православія, сочувствующихъ св. дѣлу распространенія онаго между язычниками, Комитетъ покорнѣйше проситъ доставлять свои членскіе взносы непосредственно въ Комитетъ при архіерейскомъ домѣ, или вручать своимъ приходскимъ священникамъ. Въ члены общества могутъ поступать лица всякаго званія, состоянія и пола; отъ члена требуется ежегодный взносъ не менѣе *трехъ* рублей, или же одновременно не менѣе *шестидесяти* рублей.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

Утверждены въ должности членовъ благочинническаго Совѣта въ 3-й округъ Изюмскаго уѣзда: настоятель Александро-Мученической церкви села Александровки священникъ *Іоаннъ Смиренскій*; помощникъ настоятеля Георгіевской церкви сл. Барвенковой, священникъ *Димитрій Васнинъ* и настоятель Воскресенской церкви села Надеждовки священникъ *Димитрій Ковалевскій*

— Помощникъ настоятеля Георгіевской церкви сл. Барвенковой Изюмскаго уѣзда, священникъ *Димитрій Васнинъ* перемѣщенъ къ ново-устроенной Успенской церкви въ той-же слободѣ испр. долж. настоятеля.

— На мѣсто помощника настоятеля къ Николаевской церкви села Семере-

пекъ Ахтырскаго уѣзда опредѣленъ діакономъ Покровской церкви г. Вѣлополья Николай *Кремтовскій*.

— На мѣсто помощника настоятеля къ Предтечевской церкви села Рябушекъ Лебедискаго уѣзда опредѣленъ окончившій курсъ семинаріи Иванъ *Ситенко*.

— Утвержденъ духовникомъ 2-го Купянскаго округа священникъ Александръ *Станковъ*.

— Утверждены церковными старостами: къ Иоанно-Златоустовской церкви слоб. Ивановки Зміевскаго уѣзда, 2-й гильд. купецъ Петръ *Зоринъ*; къ Свято-Духовской церкви слоб. Ново-Осяновой Купянскаго уѣзда, крестьянинъ Ефимъ *Шевцовъ*; къ Христо-Рождественской церкви села Одноробовки Харьковскаго уѣзда крестьянинъ Георгій *Тещенко*; къ Николаевской церкви села Березовки Харьковскаго уѣзда, купецъ Павелъ *Николасенко*; къ Успенской церкви заштатнаго гор. Золочева, крестьянинъ Миронъ *Сѣрый*; къ Богородице-Рождественской церкви села Константиновки, Зміевскаго уѣзда, крестьянинъ Михаилъ *Клименко*; къ Возпесогаѣбской церкви села Водянаго, Зміевскаго уѣзда, московскій мѣщанинъ Павелъ *Самородовъ*; къ Успенской церкви сл. Ново-Серпухова, Зміевскаго уѣзда, крестьянинъ Стефанъ *Дукинъ*; къ Введенской церкви слоб. Писаревки, Волчанскаго уѣзда, крестьянинъ Илья *Новожанъ*; при Старобѣльскомъ Покровскомъ соборѣ, купецъ Дмитрій *Мячковъ*; къ Рождество-Богородичной церкви слоб. Ново-Вѣленькой, Старобѣльскаго уѣзда, отставной унтеръ-офицеръ Василій *Рогожи* и къ Вознесенской церкви слоб. Осяновой, того-же уѣзда, крестьянинъ Александръ *Чернушинъ*.

В а к а н т н ы я м ѣ с т а .

1) При Харьковской кладбищенской Успенской церкви помощника настоятеля.

— 2) При Николаевской церкви въ слоб. Березовой, Харьковскаго уѣзда. *Исагомищское* въ заштатномъ городѣ Вѣлопольѣ при Покровской церкви.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе: Пребываніе въ Харьковѣ г. Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода. — Торжество открытія церковно-приходской школы въ Харьковѣ. — Открытіе церковно-приходской школы въ сл. Дергачахъ. — Пожертвованія на церковно-приходскія школы. — Празднованіе столѣтія храма въ селѣ Бабаихъ, Харьковскаго уѣзда. — Магистерскій диспутъ при Харьковскомъ университетѣ. — Археологическій съѣздъ въ Одессѣ (Окончаніе). — Двадцатипятилѣтіе журнала *L'union chretienne*.

— 4-го числа сего мѣсяца Харьковъ, проѣздомъ изъ. Крыма, посетилъ г. Оберъ-Прокуроръ Святѣйшаго Синода К. П. Побѣдоносцевъ и 5-го числа вмѣстѣ съ преосвященнѣйшимъ Амвросіемъ, епископомъ Харьковскимъ и Ахтырскимъ, осмотрѣлъ всѣ учрежденія духовнаго вѣдомства, какъ-то: духовную консисторію, духовное училище, женское епархіальное училище и духовную семинарію. Повсюду Его Высокопревосходительство внимательно осматривалъ помѣщенія, съ живымъ интересомъ спрашивалъ обо всемъ, касающемся до каждаго учрежденія и вынесъ отовсюду, какъ видно изъ его словъ, самыя пріятныя впечатлѣнія. Въ мужескомъ духовномъ училищѣ онъ посетилъ одинъ изъ классовъ во время урока и вполне остался доволенъ отвѣтами учениковъ, но особенно остался доволенъ общимъ пѣніемъ воспитанниковъ, которые пѣли въ присутствіи его въ общемъ залѣ: „Царю Небесный“, прмосѣ „Коня и всадника“, догматику „Мати убо позналася еси“ и гимны „Коль славно“ и „Боже царя храни“. Помѣщенія училища также понравились Его Высокопревосходительству. Уѣзжая, онъ поблагодарилъ за пѣніе учителя пѣнія и нѣсколько разъ особенно благодарилъ г. смотрителя за заботы объ училищѣ. „Дай Богъ“, — сказалъ онъ, — „побольше такихъ училищъ!“ — Въ женскомъ епархіальномъ училищѣ высокой гость, встрѣченный г-жею начальницею училища, инспекторомъ классовъ и членами совѣта отъ духовенства, прошелъ въ актовъ залъ, гдѣ находились всѣ служащіе и воспитанницы. Его Высокопревосходительство подходилъ къ воспитанницамъ каждаго класса и по нѣсколько минутъ бесѣдовалъ съ воспитательницами, подробно спрашивая ихъ о времени службы, мѣстѣ образованія и т. п. Высказавъ сожалѣніе о томъ, что краткость времени не позволяетъ ему присутствовать на урокахъ и ознакомиться съ знаніями воспитанницъ, онъ пожелалъ послушать ихъ пѣніе. Воспитанницы прекрасно исполнили предъ нимъ церковную пѣснь „Въ молитвахъ не усыпающую Богородицу“. Довольный пѣніемъ, Его

Высокопревосходительство осмотрѣлъ затѣмъ помещенія училища и, послѣ кофе въ квартирѣ начальницы, отправился въ духовную семинарію, выразивъ полное удовольствіе по поводу видѣннаго и слышаннаго въ училищѣ.—Въ духовной семинаріи Г. Оберъ-Прокурору представились, во главѣ съ о. ректоромъ, служащіе при семинаріи, которыхъ онъ внимательно спрашивалъ о мѣстѣ образованія и времени службы. О. ректоръ рекомендовалъ особому вниманію Его Высокопревосходительства тѣхъ, которые принимаютъ своими трудами участіе въ изданіи журнала „Вѣра и Разумъ“. Воспитанникамъ, явившимся въ семинарію для переекзаменовокъ и частію для учебныхъ занятій, долженствовавшихъ начаться съ 8-го числа, онъ сказалъ нѣсколько наставительныхъ словъ и затѣмъ внимательно осмотрѣлъ вновь отстроенное зданіе: столовую, классы и запятныя комнаты, спальни и образцовые гардеробныя шкафы, сдѣланные вмѣсто погорѣвшихъ и расположенныя вдоль стѣны верхняго корридора, вблизи дортуаровъ; съ участіемъ спрашивалъ о постигшемъ семинарію несчастіи и остался доволенъ тѣмъ, что въ столь короткій промежутокъ времени она приведена въ такое состояніе, при которомъ съ удобствомъ могутъ быть начаты занятія. Послѣ этого Его Высокопревосходительство сдѣлалъ нѣсколько визитовъ высокопоставленнымъ лицамъ, а затѣмъ, послѣ обѣда въ покояхъ Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Амвросія, въ 7 часовъ вечера съ курьерскимъ поѣздомъ отправился въ С.-Петербургъ.

— Въ воскресенье, 7-го октября состоялось торжество открытія церковно-приходской школы—первой въ Харьковѣ, учрежденной на основаніи законодательнаго акта 13 іюня 1884 года.

Школа открыта при Александро-Невской церкви, что на Занковкѣ. Порядокъ скромнаго, но знаменательнаго торжества былъ слѣдующій:

Въ церкви св. Александра - Невского ректоромъ Харьковской духовной семинаріи, о. протоіереемъ Кратировымъ соборно была совершена литургія, во время которой пѣлъ прекрасно сформированный хоръ пѣвчихъ—постоянный хоръ Александро-Невской церкви. Настоятелемъ церкви о. Николаемъ Сокольскимъ было сказано соответствующее случаю поученіе—о необходимости учить и воспитывать дѣтей въ духѣ христіанской вѣры.

По окончаніи божественной литургіи въ зданіе училища, расположенное не вдали отъ храма, былъ совершенъ крестный ходъ, въ которомъ приняли участіе какъ многіе высокопоставленные лица, прибывшія на торжество открытія, такъ и будущіе питомцы школы. Въ часъ дня начался молебенъ и затѣмъ совершенно было освя-

щеніе новаго зданія школы; молебствіе и освященіе совершалъ Преосвященнѣйшій Амвросій, Епископъ Харьковскій и Ахтырскій. По окончаніи богослуженія Его Преосвященствомъ сказана была рѣчь, по обыкновенію, блиставшая глубиной мысли, искренностью чувства и тѣми ораторскими достоинствами, которыя отличаютъ первоклассныхъ проповѣдниковъ.

По окончаніи церковнаго торжества о. настоятелемъ Александро-Невской церкви былъ предложенъ всѣмъ прибывшимъ на празднество завтракъ. Торжество открытія школы почтили своимъ присутствіемъ: г. начальникъ губерніи, баронъ А. А. Пекскуль, директоръ народныхъ училищъ г. Маворонковъ, городской голова А. Е. Ковалевъ, попечитель ново-открытой школы, свѣтлѣйшій князь А. А. Ливентъ и многія другія лица. Первый тостъ, провозглашенный за Государа Императора, былъ принятъ съ восторгомъ всѣми присутствовавшими. Дальнѣйшіе тосты были предложены: за преосвященнаго Амвросія, г. начальника губерніи, почетнаго попечителя училища, князя А. А. Ливена, о. Николая Сокольскаго, усердно потрудившагося въ дѣлѣ учрежденія училища, и за процвѣтаніе училища.

Находимъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ училищѣ: зданіе его производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе: двѣ свѣтлыхъ, удобно устроенныхъ, комнаты предназначены для классовъ, третья, отдѣленная отъ первыхъ двухъ корридормъ, предоставлена въ распоряженіе учителя школы Н. Н. Власова.

Училище устроено исключительно благодаря хлопотамъ и трудамъ настоятеля Александро-Невской церкви, о. Николая Сокольскаго и пожертвованіямъ частныхъ лицъ, между которыми особенно отзывчивыми на благое дѣло народнаго просвѣщенія оказались потомственная почетная гражданка Татьяна Ивановна Сушкина и С. А. Ашухинъ; главнымъ образомъ ихъ пожертвованіями возможно было осуществить, въ такомъ сравнительно скоромъ времени, учрежденіе въ Харьковѣ церковно-приходской школы. Не мало также потрудился въ этомъ дѣлѣ членъ строительнаго комитета Х. Е. Бондаревъ. Особенно пріятно видѣть во главѣ первой правильно устроенной церковно-приходской школы, въ г. Харьковѣ, такого образованнаго человѣка, какъ свѣтлѣйшій князь А. А. Ливентъ. Судя по началу дѣла, нужно ожидать, что оно пойдетъ весьма успѣшно. Училищное зданіе устроено на 50—60 мальчиковъ; но на первыхъ порахъ явилось такъ много юныхъ учениковъ, что начальство училища вынуждено было принять до 85 и съ сожалѣніемъ отказать остальнымъ.

Здѣсь-же сообщимъ, что для учебно-вспомогательныхъ средствъ училища вчера поступили, между прочимъ, слѣдующія пожертвованія: отъ г. Воронежъ—100 экземпляровъ книгъ религіозно-правственнаго содержанія, генерала Грумъ-Гржимайло—50 экземпляровъ различныхъ книгъ, Н. Е. Гритчина—50 экземпляровъ Святаго Евангелія.

— Нѣсколько раньше, именно 30-го сентября, была открыта церковно-приходская школа въ с. Дергачи. Вотъ какъ говоритъ объ этомъ корреспондентъ „Харьк. Вѣд.“: „30-го сентября мнѣ пришлось случайно быть свидѣтелемъ замѣчательнаго для с. Дергачей событія. Приѣхавъ утромъ по своимъ дѣламъ и узнавъ, что знакомый мой, къ которому я имѣлъ дѣло, пошелъ въ церковь, пошелъ туда и я. Началась уже литургія, вся церковь была переполнена и многіе стояли въ оградѣ; благоговѣйное служеніе священника, вся обстановка храма, стройное пѣніе клирошанъ и усердіе предстоящихъ невольно располагали къ молитвѣ. Но отпущеніе меня удивило, что никто изъ людей не выходилъ изъ церкви, а все стояли и ожидали чего-то; но недоумѣніе мое вскорѣ исчезло. Подошедшій ко мнѣ мой знакомый сказалъ, что у нихъ въ приходѣ сегодня назначено открытіе церковно-приходской школы. Черезъ четверть часа послѣ этого вышелъ изъ алтаря священникъ съ крестомъ въ рукахъ и Евангеліемъ, а церковный староста раздалъ мальчишкамъ свѣчки. Процессія при пѣніи пошла изъ церкви въ домъ, назначенный для помѣщенія школы. Въстѣ съ сельскимъ начальствомъ и почетными прихожанами вошелъ и я въ школу. Остальной народъ стоялъ вокругъ дома. Отслуживъ молебенъ предъ началомъ ученія съ произнесеніемъ многолѣтія, священникъ произнесъ прекрасную рѣчь и затѣмъ, поздравивъ прихожанъ съ открытіемъ школы, пошелъ съ дѣтьми, несшими образа, обратно въ церковь. Затѣмъ церковный староста пригласилъ сельскихъ начальниковъ и нѣкоторыхъ прихожанъ, въ томъ числѣ и меня съ моимъ знакомымъ, въ церковный домъ, гдѣ предложена была хлѣбъ-соль. Священникомъ были предложены тосты за здоровье Государя Императора, который покрытъ былъ громкимъ „ура“, преосвященнаго епископа Амвросія при пѣніи „многая лѣта“, за начальствующихъ, прихожанъ, учащихся и учащихъ и за будущее процвѣтаніе и успѣхи школы.

Существованіе открытой 30-го сентября при дергачевской Рождество-Богородичной церкви школы, какъ я узналъ, обязано единственно заботамъ и усердію нынѣ служащаго при ней приходскаго священника о. Максима Пономарева. Поступивъ въ этотъ приходъ

въ началѣ этого года, о. Максимъ прежде всего предложилъ прихожанамъ открыть школу въ одномъ изъ домовъ, стоящихъ въ церковной оградѣ, и благодаря его убѣжденію прихожане согласились; приняло это предложеніе сочувственно и все дергачевское общество и опредѣлило на первоначальное обзаведеніе школы изъ общественныхъ суммъ выдать 300 руб. и такую-же сумму выдавать ежегодно на содержаніе школы. Заботами о. Максима и стараніемъ церковнаго старосты домъ для помѣщенія школы приведенъ въ порядокъ; въ немъ двѣ очень просторныхъ свѣтлыхъ комнаты; вся классная мебель и принадлежности очень приличны, учебниковъ и пособій достаточно. Разрѣшеніе на открытіе этой школы отъ преосвященнѣйшаго епископа Амвросія послѣдовало еще въ мартѣ мѣсяцѣ. О. Максимъ принялъ на себя безмездно учительство и законоучительство, и въ помощь ему опредѣлена домашняя учительница, окончившая курсъ въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ, дѣвица Грекова, съ жалованьемъ по 180 р. въ годъ. На первый разъ желающихъ учиться явилось 41 мальчикъ и 3 дѣвочки. Школу эту, какъ мнѣ за достовѣрное передавали, принялъ подъ свое покровительство г. управляющій курско-харьк.-азовскою желѣзною дорогою, и нѣтъ сомнѣнія, что такой понечитель, каковъ Викторъ Андреевичъ Ивановъ, много сдѣлаетъ полезнаго для школы. Пожелаемъ же, чтобы примѣръ дергачевскихъ прихожанъ нашелъ подражателей и во многихъ другихъ селахъ нашей губерніи“.

— Съ изданіемъ закона о церковно-приходскихъ школахъ въ распоряженіе Святѣйшаго Синода, по словамъ „Новаго Вр.“, начали поступать крупныя пожертвованія. Такъ, извѣстный сахарозаводчикъ г. Кенигъ пожертвовалъ духовному вѣдомству 100.000 руб. на удовлетвореніе нуждъ по устройству народныхъ церковно-приходскихъ школъ. Г. Васильевъ, душеприказчикъ г-жи Охотниковой, пожертвовалъ 50.000 руб. на тотъ-же предметъ. Жена полковника г-жа Таль-Комстадіусъ пожертвовала на устройство школы въ селѣ Садовомъ, Херсонской епархіи, 1.000 руб., ежегодно отпущаетъ на содержаніе школы по 400 руб. и въ вознагражденіе мѣтнаго законоучителя за труды по школѣ—100 руб. деньгами и 50 десятинъ пахатной земли.

— 16 сего сентября, въ селѣ Бабаяхъ, Харьковскаго уѣзда, происходило скромное торжество празднованія столѣтія мѣтнаго храма во имя св. Архистратига Михаила. Храмъ этотъ, вѣроятно, извѣстенъ многимъ изъ харьковскихъ жителей, такъ какъ село Бабай, по своему мѣстоположенію, близости отъ города и по удобству сообще-

нія, за послѣдніе годы сдѣлалось однимъ изъ любимыхъ пунктовъ лѣтняго пребыванія. Онъ заложенъ по благословенію преосвященнаго Аггея, епископа Вѣлгородскаго и Обоянскаго (въ составъ каковой епархіи входило въ то время Харьковское намѣстничество), 12 мая 1782 года и освященъ протоіереемъ Михаиломъ Шванскимъ 15 сентября 1784 года; онъ былъ первымъ каменнымъ храмомъ въ Харьковскомъ уѣздѣ; построенъ онъ волигѣ фундаментально, весь изъ кирпича и желѣза, за исключеніемъ половъ и стропиль. Строителемъ храма былъ тогдашній губернской прокуроръ Харьковскаго намѣстничества и мѣстный помѣщикъ Петръ Андреевичъ Щербининъ, обладатель огромнаго состоянія. Означенный храмъ обращаетъ на себя вниманіе своею архитектурою: онъ не византійскаго стиля, а составленъ по плану лютеранской кирки св. Анны въ С.-Петербургѣ; равнымъ образомъ и внутри его нельзя не обратить вниманія на ту особенность, что большіе образа на иконостасѣ совсѣмъ не православной живописи. На наружной восточной сторонѣ храма прибита черная мраморная доска, на которой указано время постройки храма и имена лицъ, принимавшихъ участіе въ постройкѣ; между прочимъ на доскѣ значится, что храмъ заложенъ священникомъ Правицкимъ и строился подъ наблюденіемъ губернскаго архитектора Петра Антонова Ярославскаго. Прежде въ с. Бабахъ находился другой деревянный храмъ о двухъ престолахъ, во имя св. Архистратига Михаила и знаменія Божіей Матери; съ постройкой-же новаго храма, прежній перенесенъ былъ въ другое имѣніе Щербинина, село Рогозянку, Харьковскаго уѣзда (принадлежащее теперь наследникамъ княгини Трубецкой), гдѣ онъ и понынѣ находится, а то мѣсто, гдѣ были престолы прежней Бабаевской церкви, обнесено каменною оградою и внутри послѣдней поставлены каменные пирамида и колонна.

Юбилейный день приходится 15 сентября, но такъ какъ этотъ день была суббота, то съ разрѣшенія Преосвященнаго Амвросія торжество перенесено было на 16-ое число. Наканунѣ-же, т. е. 15-го сентября, отслужены были литургія и панихида за упокой строителей храма и усопшихъ потомковъ П. А. Щербинина; находящіяся въ церковной оградѣ могилы ихъ и памятники были покрыты цвѣтами. На слѣдующій день въ 9½ часовъ утра торжественный колокольный звонъ возвѣстилъ о началѣ литургіи; передъ началомъ ся, въ память столь знаменательнаго торжества, игумена Хорошевскаго монастыря прислала прекрасные воздухи, бархатные, гранатоваго цвѣта, вышитые золотомъ, для того, чтобы, по освященіи

ихъ, они были употреблены въ тотъ день при богослуженіи. Литургію совершалъ бывшій въ теченіи 14½ лѣтъ настоятелемъ Бабаевского храма, протоіерей Іоаннъ Хижняковъ въ сослуженіи четырехъ священниковъ, въ числѣ коихъ находились бывшій также настоятель того храма (въ теченіи 11 лѣтъ) о. Θεодосій Мухинъ и теперешній настоятель о. Григорій Лобковскій; пѣлъ хоръ пѣвчихъ Троицкой Харьковской церкви. Просторный храмъ и хоры переполнены были молящимися. Въ концѣ литургіи настоятелемъ церкви сказана проповѣдь „о значеніи храмовъ Божіихъ“, прослушанная народомъ съ большимъ вниманіемъ. Послѣ обѣдни духовенство, предшествуемое образами и хоругвями, при пѣніи хоромъ пѣвчихъ священныхъ пѣснопѣній, обошло 3 раза вокругъ церкви и 3 раза вокругъ церковной ограды, и крошило св. водою; затѣмъ въ церкви отслуженъ былъ молебенъ, при чемъ послѣ многолѣтня провозглашена была вѣчная память строителямъ храма и усопшимъ сродникамъ ихъ.

Въ два часа по-полудни духовенство и лица приглашенные собрались на обѣдъ къ мѣстному землевладѣльцу, попечителю храма и потомку рода Щербининыхъ, Петру Петровичу Флота; трапезу эту почтила своимъ присутствіемъ и достоуважаемая игуменья Хорошевскаго монастыря, мать Евпраксія съ матерью-казначеею того монастыря. Въ обычное время начались тосты; первый тостъ провозглашенъ былъ за настоятеля храма о. Лобковского; затѣмъ слѣдовали тосты за бывшихъ настоятелей отцовъ Хижнякова и Мухина (состоявшихъ или бывшихъ настоятелями церквей въ Харьковскомъ уѣздѣ, первый въ с. Безлюдовкѣ, а послѣдній въ с. Мерчикѣ), за представителей и потомковъ рода Щербининыхъ, за радушнаго хозяина и пр. Обильный обѣдъ прошелъ весьма оживленно и оставилъ самое пріятное воспоминаніе во всѣхъ присутствовавшихъ.

— 7-го октября, въ 12 часовъ дня, въ университетской аудиторіи № 1-й преподаватель математики и физики въ Харьковскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ, магистрантъ химіи А. П. Эльтековъ защищалъ публично диссертацию, представленную имъ для полученія званія магистра химіи: „Матеріалы по вопросу о молекулярныхъ пережѣщеніяхъ между углеводородами ряда этилена и между предѣльными спиртами“. Аудиторія была переполнена студентами и сотоварищами. Диссертантъ былъ встрѣченъ дружными и продолжительными рукоплесканіями. Официальными оппонентами были профессора химіи: Н. Н. Бекетовъ и Г. П. Лагермаркъ. Оба они, указавъ на громадное научное значеніе работъ А. П. Эльте-

кова, а также на вполне добросовѣстное отношеніе его къ изслѣдованіямъ и строгому выбору методовъ, которыми онъ пользовался, высказали желаніе, чтобы А. П. Эльтековъ въ будущемъ не прекратилъ бы своей плодотворной дѣятельности по изслѣдованію столь интересныхъ и имѣющихъ громадное научное значеніе вопросовъ, а также пожелали ему дальнѣйшаго успѣха въ его работахъ. Затѣмъ г. деканъ физико-математическаго факультета Пв. Ф. Леваковскій заявилъ, что факультетъ, принимая во вниманіе его предшествовавшія, весьма интересныя, научныя работы, а также вполне удовлетворительное защищеніе диссертациі, постановилъ: на основаніи новаго Высочайше утвержденного университетскаго устава ходатайствовать предъ совѣтомъ университета объ утвержденіи А. П. Эльтекова непосредственно въ званіи *доктора sci. m. d.* При дружескихъ и весьма продолжительныхъ рукоплесканіяхъ диссертанта вынесли на рукахъ изъ аудиторіи.

— *III. Археологическій съездъ съ Одессы.* Рефератъ профессора Н. В. Покровскаго: „о слѣдахъ апокрифическихъ евангелій въ древнерусской иконописи“ составлялъ отвѣтъ на запросъ, поставленный въ программѣ подготовительнаго комитета. Онъ былъ прочитанъ на съѣздѣ случайно, потому, что 28 августа въ засѣданіи отдѣленія памятниковъ, искусствъ и художествъ оказалось, что нѣкоторые изъ референтовъ не явились; а потому проф. Н. П. Кандаковъ просилъ Н. В. Покровскаго съѣздить за этимъ рефератомъ. Вслѣдствіе этой просьбы г. Покровскій и прочиталъ свой рефератъ въ извлеченіи. Этотъ рефератъ составляетъ довольно объемистое сочиненіе и потому авторъ, за недостаткомъ времени, не хотѣлъ его читать. По правиламъ съезда на каждый рефератъ полагалось $\frac{1}{2}$ часа. Кто желалъ читать болѣе $\frac{1}{2}$ часа, испрашивалъ особое разрѣшеніе у ученаго комитета. Н. В. Покровскій весьма подробно отвѣтилъ на запросъ комитета, но такъ какъ этотъ отвѣтъ былъ прочитанъ въ очень краткомъ извлеченіи, то мы только считаемъ возможнымъ привести одни выводы изъ этого интереснаго реферата. Г. Покровскій находитъ: во 1) что существуетъ несомнѣнная связь между памятниками и письменностью и во 2) что въ частномъ прихѣненіи къ русской иконографіи и апокрифическимъ евангеліямъ сходство по внутреннему характеру не подлежитъ никакому сомнѣнію. Что-же касается до вліянія однихъ памятниковъ на другія, то онъ можетъ быть разрѣшенъ только при детальномъ разборѣ памятниковъ.— Рефератъ г. Покровскаго дополнилъ проф. Н. П. Петровъ указаніемъ на то, что содержаніе апокрифовъ могло перейти въ иконографію черезъ

посредство церковныхъ пѣногѣній, которыя были не чужды апокрифическаго элемента.—Рефератъ графа М. В. Толстаго: „о древнихъ школахъ“ составляетъ описаніе иконъ, хранящихся при церковно-археологическомъ музеѣ Кіевской духовной академіи. Мы предполагаемъ дать читателямъ журнала „Вѣры и Разумъ“ подробное описаніе церковно-археологическаго музея въ Кіевѣ и тогда мы считаемъ удобнѣе остановиться на рефератѣ графа М. В. Толстаго и на тѣхъ возраженіяхъ, какія онъ вызвалъ. Намъ теперь остается сказать о рефератахъ, прочитанныхъ въ другихъ отдѣленіяхъ (кроме памятниковъ искусствъ и художниковъ).—Извѣстный еврейскій ученый и библіотекаръ Императорской публичной библіотеки А. Я. Гаркави представилъ рефератъ: „о новооткрытыхъ рукописяхъ Ветхаго Завѣта“. Рефератъ А. Я. Гаркави есть извлеченіе изъ изданной авторомъ пѣмецкой брошюры. У референта было въ его распоряженіи 51 фрагментъ изъ ветхо-завѣтныхъ книгъ: Исаи, Іоны, Софонія, Захарія, Притчей Соломоновыхъ, Данила, Есфири, Руфи, Плача Іереміина. Эти фрагменты получены отъ матроса, которому они достались отъ его отца, нашедшаго ихъ на островѣ Родосѣ послѣ пожара. Г. Гаркави находитъ, что начертаніе еврейскихъ буквъ въ фрагментахъ приближается къ арамейскому, обособилось еще до окончательнаго образованія еврейскаго квадратнаго письма и принадлежало какому-либо еретикамъ въ родѣ каранмовъ, живущихъ на островѣ Кипрѣ въ Родосѣ. По мнѣнію Гаркави, рукописи могутъ быть отнесены къ VIII или IX в. по Р. Х. Только что изложенному реферату А. Я. Гаркави предпослалъ довольно обширное введеніе. Указавъ на то, что въ настоящее время ученые разныхъ странъ доискиваются первоначальныхъ формъ письменности у всѣхъ народовъ, г. авторъ переходитъ къ вопросу о результатахъ этихъ изысканій. По его мнѣнію, не смотря на значительные успѣхи, достигнутые въ этой области знанія, еще остается сдѣлать многое для исторіи возникновенія и т. д. разнообразныхъ системъ письменности. Блестательнымъ успѣхомъ было бы открытіе того, что всѣ восточныя и европейскія алфавитныя системы происходятъ отъ одного общаго корня—семитскаго алфавита, называемаго финикійскимъ, такъ какъ послѣдніе занесли его древнимъ эллинамъ. Этотъ-же финикійскій алфавитъ по всѣмъ вѣроятіямъ обязанъ своимъ происхожденіемъ упрощенію египетскихъ гіероглическихъ письменъ. Попытки объясненія семитскаго алфавита и санскритскаго письма Деванасари были неудачны. Разрѣшеніе этихъ вопросовъ принадлежитъ будущимъ изысканіямъ.

А. Я. Гаркави въ заключеніи своего введенія указалъ на то, что теперь всякое открытіе въ области библейской исторіи интересуетъ не только богослововъ, но и всѣхъ просвѣщенныхъ людей. Въ особенности интересуются этимъ англичане, которымъ все, что касается до Библии, задѣваетъ за живое. Референтъ испыталъ это на себѣ. Въ мартѣ этого года онъ показалъ оксфордскому бібліотекарю Dr. Нейбауеру свои рукописи и тотъ послалъ о нихъ телеграмму въ газету „Times“ и съ тѣхъ поръ авторъ постоянно получаетъ изъ Лондона телеграммы и письма съ распросами о подробностяхъ. Г. Троицкій высказалъ сомнѣніе въ подлинности рукописей г. Гаркави. Свое сомнѣніе г. Троицкій объяснилъ тѣмъ, что рукописи выгодно поддѣлывать. Профессоръ Московской духовной академіи Г. А. Воскресенскій прочелъ рефератъ: „о славянскихъ переводахъ Евангелій“. Указавъ на методъ и критическія начала, которыхъ должны держаться, по его мнѣнію, при изученіи библейскаго текста всѣ изслѣдователи, г. Воскресенскій перечислилъ всѣ извѣстные въ настоящее время списки Евангелій до XV вѣка и раздѣлилъ ихъ по редакціи текста на пять разрядовъ. Къ первому разряду онъ причислилъ редакцію древняго юго-славянскаго списка: галицкаго четвероевангелія 1144 г. и другіе древніе списки; ко 2 разряду — Мстиславовское Евангеліе XII вѣка; къ 3 разряду единственный списокъ—принадлежащій митрополиту Алексею; къ 4 разряду только два списка: 1) Константинопольское Евангеліе 1383 г. и 2) Никоновское, и къ 5 разряду списки XV вѣка и въ особенности полный списокъ библии 1499 года. Г. Воскресенскій показалъ отличіе древняго перевода Евангелія въ этихъ редакціяхъ отъ нынѣшняго текста и указалъ на то, что славянской переводъ Евангелія въ самой глубокой древности былъ исправляемъ и постепенно все болѣе и болѣе приближался къ нынѣшнему печатному тексту. Интересный рефератъ Г. А. Воскресенскаго будетъ напечатанъ.—Г. Будде прочелъ рефератъ о типѣ литературнаго общеславянскаго языка въ X—XI вѣкахъ. „Въ виду отзыва академика И. В. Ягича объ этомъ рефератѣ, мы считаемъ возможнымъ ничего о немъ не говорить. Профессоръ Новороссійскаго университета Ѡ. П. Успенскій прочелъ очень интересный рефератъ: „о нѣкоторыхъ рукописяхъ на островѣ Халки и въ святоградскомъ подворьѣ въ Константинополѣ“. Еще недавно профессоръ Харьковскаго университета А. С. Лебедевъ въ весьма интересныхъ своихъ воспоминаніяхъ (напечатанныхъ въ „Православномъ Обозрѣніи“ въ 1882 г.) познакомилъ насъ съ Халкинскимъ бого-

словескимъ училищемъ, а теперь профессоръ Успенскій знакомитъ насъ съ библиотеками на островѣ Халки, куда перешла лучшая, древняя патріаршая библиотека. Референтъ въ особенности остановился на тѣхъ рукописяхъ, которыя даютъ что нибудь новое для русской и славянской исторіи. Въ особенности интересна рукопись, которая знакомитъ насъ съ исторіею и топографіею монастыря св. Мамонта въ Константинополѣ; для насъ этотъ монастырь очень важенъ (это видно изъ договоровъ русскихъ съ греками) и къ нему относятся многіе крупныя факты изъ болгарской исторіи. Уставъ этого монастыря профессоръ нашелъ въ библиотекѣ на островѣ Халкѣ. Тамъ-же профессоръ нашелъ біографію Стефана Суражскаго, которая очень важна для исторіи крещенія св. Владиміра, и описаніе путешествія въ Китай, предпринятаго по приказанію цари Алексѣя Михайловича Николаемъ *Скаваріемъ* съ товарищами. Въ этой рукописи есть любознательныя глоссы на русскомъ языкѣ. Житіе св. Давида Салунскаго, составленное въ XIII в., очень интересно для эпохи Юстиніана. Оно, а также рядъ сборниковъ—катастиковъ находятся въ библиотекѣ на островѣ Халки. Сборники—катастики имѣютъ интересъ для исторіи городовъ. Профессоръ Успенскій обѣщаль издать многіе изъ этихъ сборниковъ.—Послѣ этого реферата профессоръ В. Г. Васильевскій сообщилъ: „о вновь приобретенномъ публичной библиотекой греческомъ сборникѣ Мессопотамита“. Проф. Васильевскій указаль на то, что публичная библиотека была бѣдна сборниками греческими и только со вступленія всѣми уважаемаго академика А. В. Быкова въ управленіе ея, она стала обогащаться греческими сборниками, изъ которыхъ лучшимъ украшеніемъ есть настоящій сборникъ. Разказавъ очень интересную исторію мытарствъ, которые претерпѣлъ сборникъ, прежде чѣмъ попалъ въ публичную библиотеку, г. Васильевскій сдѣлаль краткое изложеніе содержанія сборника. Въ настоящее время сборникъ внимательно изучается однимъ изъ молодыхъ петербургскихъ ученыхъ и будетъ напечатанъ. Онъ написанъ въ XIII вѣкѣ Исаакомъ Мессопотамитомъ. Къ сожалѣнію сборникъ значительно истребался и у него нѣтъ начала. Начинается онъ картиной шествія одной женской особы въ Константинополь, которую встрѣчаетъ Мануилъ и братъ его съ нѣмецкой княгиней Зулдбахъ. Въ сборникѣ есть много соборныхъ постановленій по дѣламъ церковнымъ и т. п., слова и рѣчи Евалмія, Торникія и др.—Въ день закрытія съѣзда В. Г. Васильевскій сообщилъ о дѣятельности Палестинскаго общества (депутатомъ котораго онъ былъ на съѣздѣ), сообщилъ

свѣдѣнія о раскопкахъ, предпринятыхъ въ Святой Землѣ (о нихъ есть подробный отчетъ во 2-й книжкѣ „Вѣра и Разумъ“ за августъ этого года стр. 490—494). В. Г. Васильевскій указалъ на работы по изданію нѣкоторыхъ сочиненій, предпринятыхъ Палестинскимъ обществомъ. Лучшимъ изданіемъ общества служитъ сочиненіе „Хожденіе игумена Даниила“, изданное подъ редакціею М. А. Веневитинова. Это изданіе отличается отъ изданія сочиненія „Хожденія Даниила“ г. А. С. Норова тѣмъ, что оно гораздо полнѣе. У г. Веневитинова было до 80 разныхъ списковъ хожденія Даниила, а у Норова только 30. По ходатайству предсѣдателя Палестинскаго общества, Его Высочества Великаго Князя Сергія Александровича, профессоръ восточнаго факультета С.-Петербургскаго университета Улгарели командированъ въ Палестину и на Востокъ для изученія памятниковъ литературы и надписей. Г. Улгарели принадлежитъ къ самымъ извѣстнымъ знатокамъ восточныхъ литературъ. Къ реферату профессора В. Г. Васильевскаго мы съ своей стороны позволимъ сдѣлать нѣсколько дополненій. Хожденіе игумена Даниила переведено недавно на нѣмецкій языкъ и разборъ этого перевода, помѣщенный въ августовской книжкѣ „Жур. Мин. Народ. Просв.“ за этотъ годъ, принадлежитъ М. А. Веневитинову. Интересъ къ Палестинѣ давно уже существуетъ въ западной Европѣ, гдѣ есть ученые общества для изученія Св. Земли. Достаточно указать на дѣятельность такихъ обществъ въ Англии—общества изслѣдованія Палестины (Palestine exploration Fund) во Франціи—общество латинскаго востока (Société de l' Orient Latin), въ Германіи—нѣмецкое Палестинское общество (Deutsche Palaestina-Verein). Изъ прекраснаго отчета о дѣятельности Палестинскаго общества проф. В. Г. Васильевскаго, мы видимъ, что наше общество по своей дѣятельности далеко оставило за собою такія-же иностранныя Палестинскія общества.—Большія пренія возбудилъ рефератъ извѣстнаго историка Д. Н. Пловайскаго „о сектѣ мнимо-жидовствующей“. Этотъ рефератъ есть отрывокъ, изъ приготовленнаго авторомъ къ печати III тома „Исторіи Россіи“. По отзыву автора, этотъ отрывокъ не составляетъ новыхъ изысканій, а есть изложеніе исторіи этой секты на основаніи существующихъ данныхъ. Возражалъ г. Пловайскому извѣстный знатокъ, заслуженный профессоръ по кафедрѣ каноническаго права въ Московскомъ университетѣ А. С. Павловъ. Прежде всего опонентъ указалъ на то, что г. Пловайскій не воспользовался всѣми извѣстными и уже напечатанными источниками для этой эпохи и даже отнесся совершенно безъ истори-

ческой критики къ тѣмъ сочиненіямъ, на основаніи которыхъ онъ написалъ свой очеркъ. Г. Павловъ указалъ на изданныя подъ его редакціею сочиненія митрополита Зосимы, которыми г. Иловайскій не воспользовался. Затѣмъ объяснилъ г. Павловъ, что за недостаткомъ времени онъ не можетъ представить возраженія по всѣмъ пунктамъ очерка жидовствующей ереси и остановился на разборѣ главныхъ положеній г. Иловайскаго. Первое изъ этихъ положеній заключалось о томъ, что митрополитъ Зосима былъ еретикъ и потому покровительствовалъ ереси. Г. Павловъ, сославшись на поученія митрополита Зосимы, которыя были чисто православныя, указалъ на то, что въ его редакцію индекса ложныхъ и отреченныхъ книгъ внесены были и еретическія сочиненія. На это г. Иловайскій возразилъ, что митрополитъ Зосима былъ еретикъ тайный, а потому ему и нужно было замаскировать свои дѣйствія. Г. Иловайскій доказывалъ, что въ ереси жидовствующей (называемой авторомъ мнимо-жидовствующей) ничего не было жидовскаго. Его поддерживалъ въ этомъ А. Я. Гаркавицъ; но это мнѣніе встрѣтило сильную оппозицію въ лицѣ профес. Н. И. Петрова и въ особенности профес. Павлова. По нашему мнѣнію и по мнѣнію публики, которая наградила профессора Павлова продолжительными рукоплесканіями за его возраженія, А. С. Павлову удалось доказать, что ересь была дѣйствительно жидовствующая и что мнѣніе почтеннаго историка ошибочно. Жидовскій элементъ въ ереси указывается и современнымъ переводомъ Псалтыря съ еврейскаго языка какимъ-либо евреемъ съ особенностью еврейскаго текста и историческими свѣдѣніями о занесеніи ереси изъ Литвы жидомъ Скариемъ и раціоналистическій характеръ ея. Профес. Н. И. Петровъ указалъ въ одномъ мѣстѣ въ словахъ литовскаго митрополита Григорія Цамвлака о современныхъ ему литовскихъ евреяхъ.—Весьма интересенъ былъ рефератъ протоіерея А. П. Свирѣлина изъ города Неряславля-Залѣскаго: „о сохраненіи памятниковъ старины“. Почтенный авторъ всю свою жизнь собираетъ разные предметы древности и ему больно смотрѣть, какъ, благодаря невѣжеству, множество древнихъ памятниковъ пропадаютъ для науки. Онъ предлагаетъ устроить въ каждомъ уѣздѣ археологическіе совѣты подъ предѣлательствомъ члена археологическаго общества изъ мѣстныхъ учителей, на которые и возложить заботы о сохраненіи древностей. Рефератъ г. почтеннаго о. протоіерея Свирѣлина былъ написанъ съ любовью и знаніемъ дѣла, а потому публика встрѣтила его весьма сочувственно. Рефератъ вызвалъ интересныя пренія. Отчетомъ о рефератѣ о. А. Свирѣлина мы кон-

чаемъ нашъ отчетъ о занятіяхъ съѣзда и переходимъ къ описанію археологической выставки, устроенной при съѣздѣ. Подъ помѣщеніе выставки были отведены три большія комнаты, изъ которыхъ двѣ были заняты копіями съ фресокъ кіевской Кирилловской церкви и кальками съ мозаикъ кіевского собора, только что открытыхъ А. Б. Праховымъ. Эти копіи и кальки, пополненные г. Праховымъ, могутъ считаться образцовыми и съ полною точностью передають замѣчательные оригиналы. На выставкѣ было много интереснаго, но мы будемъ при описаніи ея касаться только того, что имѣетъ прямое отношеніе къ церковной археологіи. Въ коллекціи Н. П. Куриса мы видѣли Евангеліе на бамбичинѣ XV вѣка; старинный окладъ Евангелія съ эмалью. Великолѣпное древнее Евангеліе рукописное XV вѣка на пергаментѣ съ миниатюрами представила на выставку Елизаветградская Покровская единовѣрческая церковь. Это Евангеліе замѣчательное, и оно обратило вниманіе на себя знатоковъ. Изъ образовъ были два интересныхъ на выставкѣ. В. А. Яковлевъ представилъ старинную икону Іоанна Богослова, а А. П. Паль икону изъ древней Никопольской церкви. Последняя икона очень замѣчательна. На ней представлена Божія Матерь съ сонмомъ ангеловъ, а внизу стоятъ запорожцы въ своихъ оригинальныхъ костюмахъ. Запорожцы молятся Богу и ихъ молитва возносится въ видѣ ленты къ Божіей Матери *). Прекрасныя коллекціи фотографій церквей представлены академикомъ В. В. Суслевымъ и проф. Н. В. Султановымъ; но о нихъ мы не говоримъ, такъ какъ описаніе это заняло-бы много мѣста. Выставка была интересна и богата разными древностями. Въ заключеніе нашего отчета о съѣздѣ намъ остается сказать, что VII археологической съѣздъ предположено назначить въ Харьковѣ.

А. Селивановъ.

— Получивъ, въ обмѣнъ на издаваемый нами журналъ „Вѣра и Разумъ“ съ присоединеніемъ и полнаго за весь прошлый годъ изданія „Харьковскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей“, отъ издателя извѣстнаго, на французскомъ языкѣ, мѣсячнаго православнаго журнала (*Revue orthodoxe*): *L'union chrétienne*, священника нашей церкви въ Парижѣ (бывшаго до обращенія, католическаго аббата), о. Владимира Гетте (*Guettée*), всѣ девять книжекъ его изданія этого года, нашли мы журналъ празднующимъ въ этомъ году 25-лѣтіе своего существованія, по каковому поводу почтенный издатель находитъ благовременнымъ и умѣстнымъ бросить взглядъ на пройденный имъ за четверть вѣка путь издательской дѣятельности.

*) Подробное описаніе картины см. въ „Кіевской Старинѣ“. Сент. 1866.

„L'union chrétienne (христіанское единеніе), говоритъ онъ, есть первый православный журналъ, основанный на Западѣ. Цѣлю его постановлено — знакомить свѣтъ съ православіемъ, защищать его ученіе и уставы, представить его какъ единственное средство къ объединенію христіанъ. Думаемъ, продолжаетъ онъ, мы не измѣнили этой задачѣ. Мы шли къ своей цѣли безъ похвальбы, не пускаясь въ громкія оглашенія, по и не ослабѣвая, не смотря на многочисленныя препятствія, встрѣченныя нами на пути нашей въпропросвѣтительной дѣятельности. Эти препятствія насъ не остановили и не лишили бодрости, потому что знаемъ, что никакое доброе дѣло, въ продолженіе двадцати пяти лѣтъ, не можетъ, быть ведено безъ того, чтобы не встрѣтить много противорѣчій, и не понимали-бы мы ничего въ христіанствѣ, если-бы не были убѣждены, что духъ злобы всегда старается затруднить то, что есть добро“. Не смотря на то, почтенный поборникъ православія считаетъ себя достигшимъ не маловажнаго результата своихъ трудовъ. „Со времени основанія, говоритъ онъ, нашего Обозрѣнія, православіе начало быть болѣе извѣстнымъ на Западѣ, нежели какъ то было прежде. Теперь, время отъ времени, развѣ какой-нибудь совершенно невѣжественный и ничего непонимающій въ религіозныхъ вопросахъ писатель повторитъ тѣ глупости, какія прежде входили въ общее убѣжденіе, благодаря іезуитской пропагандѣ, направленной противъ Россіи и ея Церкви. Люди серьезные и образованные нынѣ не смѣютъ прибѣгать къ тѣмъ выдумкамъ, даже когда хотятъ критиковать то, что въ православіи противно ихъ мнѣніямъ“. Изъ множества примѣровъ онъ указываетъ на одного Дѣллингера, человѣка ученаго и уважаемаго, который въ своей книгѣ, подъ названіемъ: „Церковь и церкви“, судитъ о православной Церкви по памфлетамъ, опубликованнымъ въ Римѣ подъ именемъ Питципіуса, а теперь, закупивъ полное собраніе L'union chrétienne, совершенно перемѣнилъ свое мнѣніе. Засимъ почтенный издатель журнала считаетъ позволеннымъ поздравить себя съ счастіемъ, какое имѣлъ онъ сослужить службу святому дѣлу православія, и, уповавъ на милость Божію, обѣщаетъ продолжать свое дѣло съ тою-же скромностію и крѣпкою твердостію, съ какими велъ его доселѣ, будучи увѣренъ, что тѣ, которые до сихъ поръ его поддерживали, по прежнему останутся ему вѣрны, а относительно враговъ и недоброжелателей своихъ моля Бога, чтобы вдохнуть имъ бо́льшую любовь къ православной истинѣ и нѣсколько болѣе благорасположенности къ ея смиренному защитнику.

Поздравляемъ и мы почтеннаго собрата нашего, подвизающагося на дальнемъ Западѣ въ одномъ съ нами дѣлѣ—защиты и утвержденія православной истины, съ радостнымъ счастіемъ плодотворно послужить правдѣ и истинѣ, и благодаримъ отъ лица всей православной Россіи, что исповѣдываемую ею вѣру представить предубѣжденному Западу въ ея чистотѣ и вѣрности евангельскому ученію и апостольскимъ преданіямъ, и молимъ Господа Бога, да продлитъ Онъ славному борцу за святую истину, уже склоняющемуся къ западу жизни, дни его благоплоднаго бытія и подастъ ему крѣпость и силу для трудовъ къ вѣщему уясненію міру смысла и характера православія.

Для большаго ознакомленія нашихъ читателей съ почтеннымъ журналомъ въ современномъ его составѣ и направленіи, мы сообщаемъ въ общихъ чертахъ свѣдѣнія о его содержаніи, раздѣляемъ на 4 части. Первая часть посвящается общимъ религіознымъ вопросамъ съ обращеніемъ особеннаго вниманія на католическій или протестантскій образъ воззрѣнія. Затѣмъ слѣдуетъ библиографія, гдѣ помѣщается критика появляющихся въ христіанскомъ мірѣ сочиненій,—по суду православія; въ № 9 помѣщенъ и одобрителный отзывъ Св. Синода объ „Анти-энциклікѣ“, какъ приготовленіе вниманія читателей къ имѣющему явиться, въ полномъ видѣ на страницахъ журнала, полемическому сочиненію. Третье отдѣленіе занимается „вѣроисповѣднымъ обзорѣніемъ“ (*revue religieuse*), гдѣ сообщаются свѣдѣнія о разныхъ выдающихся событіяхъ и случаяхъ въ христіанскомъ мірѣ съ сужденіемъ о нихъ; такъ, въ томъ-же № 9 помѣщенъ разсказъ о позорномъ для католичества отношеніи луцко-житомірскаго епископа къ сдѣланной кіевскому митрополиту ксендзомъ Моравичемъ встрѣчѣ. Номеръ журнала заключается продолженіемъ весьма подробной „Исторіи Церкви отъ Рождества Христова до нашихъ дней“, которой четыре тома уже вышли въ свѣтъ.

Жатва, какъ видимо, многа, обильна и содержательна, и мы вмѣняемъ себѣ въ обязанность рекомендовать изданіе вниманію всякаго православнаго, знакомаго съ французскимъ языкомъ.

Журналъ выписывается изъ двухъ мѣстъ: изъ Парижа и Брюсселя. Въ первый—адресъ такой: A Paris, chez Fischbacher, éditeur, rue de Seine, 33, въ послѣдній: Belgique, a Bruxelles chez Félix Callewaeert père, Imprimeur-Editeur, Rue de l'Industrie, 26.

Цѣна за годовое изданіе для всѣхъ европейскихъ государствъ, кромѣ Франціи и Бельгіи, 20 франковъ.

НОВАЯ БРОШЮРА
КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ
ИСТОРІИ

ДУХОВНАГО ОДНОГОЛОСНАГО ПѢНІЯ ВЪ РОССІИ,

И. А. Орловскаго.

ПРЕПОДАВАТЕЛИ МУЗЫКИ ВЪ ХАРЬКОВСКОМЪ ЕПАРХІАЛЬНОМЪ ЖЕНСКОМЪ УЧИЛИЩѢ.

Цѣна 50 коп., съ пересылкою 60 коп.

Продается въ музыкальномъ магазинѣ Гергарда и въ книжныхъ магазинахъ: Куколевскаго, Сухры, Бирюковыхъ и др.

ПРОДАЮТСЯ:

ОТДѢЛЕНІЕ I.

Для начальныхъ духовныхъ, народныхъ, церковно-приходскихъ и другихъ наименованій, мужскихъ и женскихъ училищъ.†

Положенныя на ноты священникомъ М. Георгіевскимъ пѣснопѣнія:

1) Литургія Св. Іоанна Златоуста 30 к., 2) Вседневныя молитвы, одобренныя Св. Синодомъ и Министер. Народ. Просвѣщенія 25 к., 3) Тронари 40 к., 4) Благодарный молебень, одобрен. Св. Синодомъ и М. Н. Просвѣщенія 20 к., 5) Водосвятный молебень 20 к., 6) Панихида 15 к., 7) Великое Повечеріе (Меѣмноны) 20 к., 8) Послѣдованіе ко Св. Причащенію 15 к., 9) Служба на Св. Пасху 45 к., 10) Псалмы Св. Прор. Давида 30 к., 11) Азбука потпаго пѣнія 10 к. и 12) Гимны и стихи пѣзъ Христоматій 50 коп.

ОТДѢЛЕНІЕ II.

Для духовныхъ семинарій, гимназій и подобныхъ среднихъ учебныхъ заведеній мужскихъ и женскихъ и для высшаго курса начальныхъ училищъ и для домашняго быта Православныхъ Христіанъ.

Положенныя на 4 г. и фортеціано свящ. М. Георгіевскимъ.

1) Тебе Бога хвалимъ 60 к., 2) Достойно есть 20 к., 3) Блаженъ мужъ 20 к., 4) Свѣте тихій 20 к., 5) Догматики-Вогородичныя (печатаются) 1 р., 6) О тебѣ радуется, дозволено придвор. кан. къ употребленію въ церкви, 25 коп.

Въ Москвѣ: въ Газетномъ переулкѣ, въ домѣ Ниловой Пустыни, у священника Михаила Георгіевскаго и въ музыкальныхъ магазинахъ Майкова, Юргенсона и Грейнера.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ 1884 году будетъ состоять изъ 24 №№ или полу-
мѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять час-
тей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части.
Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла,
вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую
часть составитъ собою „Листокъ для Харьковской епар-
хіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ
особый заглавный листъ съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію „Вѣра и Разумъ“ свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать напечатанный въ прежнемъ адресѣ номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 2-хъ часовъ пополудни; въ это же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особыя заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку, или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.